КЪ ВОПРОСУ

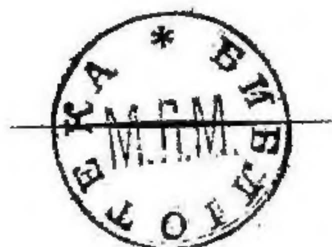
О

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Сочиненіе кандидата правъ

Г. Ф. Блюменфельда.

ОДЕССА.
Типографія П. А. Зеленаго, Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1884.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

(Изъ XXXIX тома Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета).

> Исторія міра начинается съ исторіи землевладѣнія; кочевой народъ не имѣетъ исторіи. *Lorenz-Stein, Die drei Fragen des Grundbesitzes.* Wien 1881, p. 14.

ГЛАВА I.

Первичныя формы землевладѣнія въ древней Руси.

«Древніе сѣверо-европейскіе народы обыкновенно только тогда выступали на арену исторіи, когда приходили въ близкое соприкосновеніе съ ея древнѣйшими носителями: греками и римлянами; въ особенности тогда, когда они, алча крови и добычи, съ оружіемъ въ рукахъ грозили вторженіемъ въ границы тогдашнихъ цивилизованныхъ странъ, или когда для нихъ наступала очередь подчиниться властолюбію римлянъ. Всякій разъ нуженъ былъ мечъ, чтобы открыть глаза исторіи того времени и кровью вписать на ея страницы *имя новаго народа*» [1]). Обширное пространство, отдѣлявшее восточныхъ славянъ отъ имперіи, спасало ихъ отъ властолюбія Рима, а ихъ миролюбивый характеръ мало способствовалъ развитію среди нихъ завоевательныхъ стремленій. Вотъ почему такъ скудны и шатки свидѣтельства современниковъ о формахъ ихъ быта! Чтобы получить какую-либо цѣну, эти свидѣтельства нуждаются въ провѣркѣ и дополненіи ихъ на основаніи другихъ болѣе опредѣленныхъ и *подробныхъ данныхъ*, добытыхъ при помощи историко-сравнительнаго метода.

Чтобы представить себѣ хотя въ общихъ чертахъ первичныя формы поземельныхъ отношеній у восточныхъ славянъ, мы должны обратиться къ изученію 1) древняго права другихъ народовъ, въ особенности славянской семьи и 2) нынѣ дѣйствующаго русскаго обычнаго права.

---

[1]) *Palacky*, Geschichte von Böhmen, p. 1844. B. I, p. 56.

Такой *способъ изслѣдованія* не лишенъ основанія. Замѣчено во 1-хъ, что право всѣхъ или по крайней мѣрѣ многихъ народовъ въ младенческій періодъ его развитія слагается изъ почти однихъ и тѣхъ же институтовъ и во 2-хъ, что въ правѣ современныхъ народовъ нерѣдко можно встрѣтить въ силу закона «переживанія» слѣды учрежденій, возникшихъ и существовавшихъ на зарѣ ихъ жизни. Такія переживанія особенно часто можно встрѣтить именно въ нормахъ, регулирующихъ поземельныя отношенія восточныхъ и западныхъ славянъ. У тѣхъ и другихъ земля большею частью находится въ колективномъ обладаніи семейныхъ и территоріальныхъ общинъ; а въ такихъ группахъ, какъ замѣчено Мэномъ [1]), обычай медленно подвергается разрушительному дѣйствію индивидуализма и прочнѣе сохраняется.

Высказанныя соображенія заставляютъ насъ въ особой главѣ разсмотрѣть первичныя формы поземельныхъ отношеній у народовъ арійской семьи, чтобы тѣмъ правильнѣе и полнѣе разрѣшить вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію.

Разд. I. Очеркъ первичныхъ формъ поземельныхъ отношеній у народовъ арійской семьи.

«Исторія міра начинается съ исторіи землевладѣнія; кочевой народъ не имѣетъ исторіи» [2]). Поэтому мы начнемъ нашъ очеркъ съ момента осѣданія народовъ на опредѣленной территоріи, касаясь предшествующихъ стадій, лишь по сколько они могутъ помочь уясненію этого момента.

Племена, занимающіяся рыбною ловлей и охотой, живутъ враздробь, въ одиночку, только временно смыкаясь въ союзы для достиженія случайныхъ цѣлей. Здѣсь, строго говоря, нѣтъ еще организованнаго общежитія; оно возникаетъ на слѣдующей ступени культуры: пастушеско-кочевой. Прирученіе животныхъ и охраненіе ихъ отъ лихихъ людей, хищныхъ звѣрей и проч. напастей заставляетъ людей смыкаться въ организованные союзы, строящіеся по принципу кровному физическому, какъ наиболѣе доступному пониманію первобытнаго человѣка. Такіе

---

[1]) *Мэнъ,* Деревенскія общины. Рус. пер. р. 33.

[2]) *Lorenz-Stein,* Die drei Fragen des Grundbesitzes. Wien 1881 p. 14.

союзы, образующіеся путемъ нарожденія называются родами. Послѣдніе, представляя постоянно движущуюся клѣточку, встрѣчаются только у кочевыхъ народовъ. Роды живутъ замкнутою особною жизнью. Ихъ единство коренится въ происхожденіи отъ общаго родоначальника. Общія могилы предковъ и военныя предпріятія не даютъ угаснуть родовому сознанію [1]).

Съ постепеннымъ прирученіемъ родовъ къ одной мѣстности, вслѣдствіе долговременной кочевки на ней, съ учащеніемъ столкновеній съ врагами, заставляющихъ роды искать спасенія въ природныхъ или искуственныхъ укрѣпленіяхъ, постепенно обращающихся въ мѣста осѣдлости [2]), съ возрастаніемъ матеріальныхъ богатствъ рода, дѣлающихъ его тяжелымъ на подъемъ и затрудняющихъ его передвиженія, съ размноженіемъ родовъ и увеличеніемъ стадъ, для которыхъ все труднѣе становится находить тучныя пастбища,—подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнородныхъ причинъ роды начинаютъ клониться къ разложенію. Страхъ передъ врагами и голодною смертью заставляетъ роды осѣдать на мѣстѣ и переходить къ земледѣльческой культурѣ.

Роды осѣдали составными своими частями, семьями, а жизнь семьями служила переходною ступенью къ болѣе сложнымъ союзамъ. Ради выгоды кооперативнаго труда и лучшей защиты отъ враговъ и др. бѣдствій, члены семьи не брели розно, а оставались жить вмѣстѣ за единомъ, подъ управленіемъ отца [3]). Связью такой распространенной семьи служило прежде всего физіологическое сродство, а потомъ общій трудъ на общей землѣ. Въ званіи главы семьи отцу наслѣдовалъ, вѣроятно, сперва старшій сынъ, но потомъ, возможность несовершеннолѣтія старшаго способствовала появленію мысли о выборномъ старшинѣ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ семью стали входить лица, не связанныя съ нею кровными узами; зятья, шурья въ силу брака, сироты по усыновленію и др. бездомовные люди. Принципъ физіологическій постепенно стирается, уступая мѣсто территоріально трудовому началу. Общій трудъ на общей зем-

---

[1]) *Леонтовичъ*, Общино-задруж. бытъ Ж. М. Нар. Пр. ч. 174, p. 127—130.

[2]) L. c. p. 132 — 134.

[3]) L. c. p. 138.

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*, Рус. Исторія p. 40.

лѣ служитъ главною связью распространенной семьи. Такая семья представляетъ теперь союзъ лицъ, соединенныхъ другъ съ другомъ связями экономическими, самоуправляющихся через посредство выборнаго старшины по общей думѣ и уговору, живущихъ заединомъ, продуктами общаго труда. Она представляетъ уже не семью въ узкомъ смыслѣ, а семейную общину.

Семейная община рѣзко различается отъ рода. Въ родѣ воля родовладыки неограничена, въ общинѣ воля выборнаго старшины стирается передъ «общей думой» ассоціаціи. Родъ— клѣточка движущаяся, построяющаяся на кровномъ началѣ, замкнутая въ самой себѣ; семейная община — клѣточка осѣвшая, связанная принципомъ территоріально-трудовымъ, возникающая и прекращающаяся по свободному уговору своихъ членовъ и наростающая какъ путемъ естественнаго нарожденія, такъ и отчасти посредствомъ пріема новыхъ рабочихъ силъ въ свою среду. Въ родѣ различная дальность происхожденія отъ общаго главы влечетъ за собою различіе въ объемѣ правъ и обязанностей, основное начало семейной общины—равноправіе всѣхъ ея членовъ. Коллективный трудъ да отчасти коллективное пользованіе—вотъ только общія черты рода и семейной общины.

Семейная община встрѣчается у всѣхъ народовъ и служитъ основною клѣточкою, изъ которой развилась территоріальная община [1]). «Міръ, говоритъ Мэнъ, представляетъ намъ примѣры земледѣльческихъ группъ на всевозможныхъ ступеняхъ развитія, начиная съ той, когда эти группы состоятъ изъ дѣйствительныхъ родственниковъ, и кончая той, при которой сохраняется только слабая тѣнь единокровія и связующимъ началомъ для группы земледѣльцевъ служитъ исключительно земля, воздѣлываемая ихъ общими силами. Послѣдовательнымъ степенямъ такого развитія, повидимому, соотвѣтствуютъ «соединенная семья» индусовъ, семейныя общины южныхъ славянъ и, наконецъ, настоящая сельская община въ такомъ видѣ, какъ она была наблюдаема въ Россіи и затѣмъ въ Индіи» [2]). Такимъ образомъ, по Мэну, на почвѣ семейной общины развилась сельская. Противоположный взглядъ высказываетъ Лавеле. Онъ говоритъ: «Въ позднѣйшую эпоху, когда общее владѣніе съ пе-

---

[1]) *Леонтовичъ*, Общинно-задружн. бытъ р. 137.

[2]) *Мэнъ*, Древнѣйшая исторія учрежденій. Рус. пер. 1876 р. 64.

ріодическимъ раздѣломъ вышло изъ употребленія, земля не тотчасъ сдѣлалась частною собственностью отдѣльныхъ лицъ. Она была владѣема сперва какъ неотчуждаемое наслѣдственное достояніе семьею, которая жила сообща подъ одною кровлею или въ одной оградѣ» [1]). Д-ръ Летурно, исходя изъ той же теоріи, рисуетъ слѣдующую картину развитія права поземельной собственности: сперва земля обрабатывается цѣлою общиною и жатва дѣлится между соучастниками, потомъ съ развитіемъ индивидуализма, земля подвергается ежегодному передѣлу между семьями; наконецъ, передѣлы прекращаются и земля остается за семейными общинами [2]). Теорія эта находитъ свое подкрѣпленіе у экономистовъ.

Ниже мы приведемъ нѣсколько фактовъ, указывающихъ на шаткость теоріи Лавеле и подтверждающихъ скорѣе мысль о происхожденіи сельской общины изъ семейной. Въ этомъ мѣстѣ ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. Теорія Лавеле зиждется во 1-хъ, на общихъ экономическихъ соображеніяхъ, доказывающихъ постепенное и неизбѣжное разложеніе общиннаго землевладѣнія, и во 2-хъ, на фактѣ появленія семейныхъ общинъ въ Западной Европѣ уже послѣ распаденія марковаго строя. Первое положеніе еще подлежитъ спору и въ значительной степени колеблется фактами изъ жизни современныхъ сѣверо-русскихъ общинъ. Второе только хронологически справедливо. Германская марка гораздо ранѣе русской сельской общины развилась изъ семейной общины. Марка заканчивала свой циклъ развитія тогда, когда русская сельская община только зачиналась. Отъ древнихъ наблюдателей ускользнулъ процессъ образованія марки изъ семейной общины; они нашли марки вполнѣ сложившейся формой и только ее сдѣлали предметомъ своего наблюденія; въ средніе вѣка, когда марки разлагаются на тѣ самые основные элементы, изъ которыхъ они создались, семейныя общины вновь выплываютъ на сцену и то временно, какъ промежуточная станція къ праву полной частной собственности.

Не соглашаясь съ Лавеле и считая семейную общину фундаментомъ территоріальной и клѣточкою, изъ которой развился общинный бытъ, мы считаемъ не лишнимъ остановиться на ней

[1]) *Лавеле,* Первобытная собственность. Рус. пер. 1875 p. 189.

[2]) *Letourneau*, La Sociologie. Paris 1880 p. 412—413.

съ нѣкоторою подробностью и разсмотрѣть формы поземельныхъ отношеній въ семейной общинѣ, касаясь вскользь и другихъ сторонъ ея.

Семейная община—только временное явленіе въ жизни народа, она стремится перейти въ сельскую. Нынѣ она почти повсемѣстно исчезла и сохранилась только отчасти въ Индіи и преимущественно у югозападныхъ славянъ подъ вліяніемъ турецкаго ига [1]). Впрочемъ и здѣсь она клонится уже къ разложенію на «инокоштины» отдѣльныя семьи.

Семейная община [2]) называется у сербовъ: задруга, чаще «задружна куча», въ Кроаціи scupana, т. е. собраніе, въ Герцеговинѣ — очагъ дымъ, въ Далмаціи община соединенныхъ братьевъ.

Задруга многочисленнѣе въ плодородныхъ равнинахъ, чѣмъ въ гористыхъ мѣстностяхъ и на адріатическомъ поморьѣ. Среднее число ея членовъ 20 — 25, въ Славоніи попадаются семьи, состоящія изъ 60, даже 100 душъ [3]). Тѣмъ не менѣе «община никогда не составляетъ деревни; прежде чѣмъ достигнуть этого быстраго приращенія, община должна бы нѣсколько раздѣлиться. Правда, есть деревни, которыя носятъ одну фамилію, но онѣ всегда состоятъ изъ нѣсколькихъ общинъ» (Демеличъ p. 141).

Общины наростаютъ преимущественно естественнымъ путемъ, но возможенъ и искусственный, когда чужеродецъ «придружится» къ задругѣ. Пріемъ чужеродца совершается или путемъ «priselidbi» принятія въ задругу одиночекъ или цѣлыхъ семей, путемъ «scribničtwa» принятія сиротъ, путемъ «domazetwa», принятіе зятя и пр. [4]).

Семейная община управляется домачиномъ [5]), выборнымъ начальникомъ, который завѣдуетъ хозяйствомъ подъ контролемъ

---

[1]) *Лавеле*, Первобытн. соб. p. 41. *Миличевичъ*, Семейная община, Рус. Бесѣда 1858, 3, p. 112—113.

[2]) Изложено преимущественно по *Богишичу*, Обычное право южныхъ славянъ въ изложеніи *Демелича*. Переводъ напечатанъ въ Юридич. Вѣстн. за 1876—77 гг. Ссылки на другія сочиненія отдѣльно.

[3]) *Csaplovics*, Slawonien und zum Theil Croatien I B. 1819, p. 165.

[4]) *Леонтовичъ*, Рецензія на Богишича Ж. М. Н. Пр. 1878. 6, p. 122.

[5]) Домачинъ по болгар. дьядо, домакинъ; домачица-домовница, стопаница. *Иречекъ*, Истор. Болгар. рус. пер. 1878, p. 122.

семейнаго совѣта, предсѣдательствуетъ въ семейныхъ собраніяхъ и является представителемъ общины въ семейныхъ дѣлахъ, и домачицей—обыкновенно женой хозяина, на обязанности которой—наблюденіе за хозяйствомъ и надзоръ за женщинами и дѣтьми. Дѣла большой важности рѣшаются семейнымъ совѣтомъ.

Центромъ семейной общины служитъ домъ съ кухней или очагомъ и просторными комнатами, гдѣ ежедневно собирается вся семья и гдѣ живутъ домачинъ съ домачицей, тогда какъ другія пары размѣщаются въ особыхъ каморахъ или отдѣльныхъ зданіяхъ, группирующихся вокругъ общаго дома [1]).

Сказаннаго достаточно, чтобы уяснить общую физіономію задруги, перейдемъ поэтому къ вопросу объ ея имущественныхъ и въ частности поземельныхъ отношеніяхъ. Главною связью задруги служитъ ея общая собственность, состоящая изъ недвижимаго имущества: земли (пашни, луга, выгоны, кустарники, виноградники и пр.) и построекъ какъ жилыхъ, такъ и хозяйственныхъ, и изъ движимаго имущества—домашняго скарба, скота и орудій производства. Все это находится въ нераздѣльномъ обладаніи задруги и называется кореникъ, дѣдовина, очевина, старина, баштина, а годовой доходъ, приплодъ и пр. называется лѣтиной. Баштина, по народному воззрѣнію, разсматривается какъ имущество неотчуждаемое; продажа ея считается великимъ грѣхомъ и позоромъ, и члены задруги рѣшаются на это только въ крайнемъ случаѣ. Какъ дѣло первостепенной важности, отчужденіе баштины совершается съ общаго согласія всего семейнаго совѣта, включая женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей—отъ 12 лѣтъ [2]). Даже тамъ, гдѣ нераздѣльно задружное пользованіе землей прекратилось, и выдѣлились отдѣльные участки — продажа недвижимаго имущества обставляется слѣдующими условіями. Продавецъ обязанъ при свидѣтеляхъ предложить своимъ родственникамъ, а потомъ сосѣдямъ предпочтительную покупку отчуждаемаго имъ имущества и только въ случаѣ ихъ отказа можетъ продать его на сторону. Старая идея

---

[1]) *Utiešenović*. Die Hauskommunionen des Südslawen Wien. 1859 p. 18—19. *Csaplovics*, Slawonien B. I. 1819 p. 104. *Евреинова*, О задружномъ началѣ. Юридич. В. 1878. № 8 p. 10.

[2]) *Евреинова*, О задружн. нач. Юр. В. 1878, 8, p. 8. *Демеличъ*, Юр. В. 1876 кн. 10—12, p. 144.

о неотчуждаемости недвижимой собственности и правѣ на нее всей семейной общины долго не замираетъ [1]). Изъ нераздѣльнаго пользованія землей вытекало также право выкупа, еще не такъ давно сохранявшееся въ далматскихъ общинахъ. «Въ законахъ Собеника сказано, что въ городахъ и селеніяхъ это право имѣли при отчужденіи недвижимаго имѣнія во 1-хъ, родственники во 2-хъ, *всѣ имѣющіе право подъ кровлею* (курсивъ въ подлинникѣ) и въ 3-хъ, *имѣющіе одну общую стѣну*». Здѣсь *ясно рисуется* территоріальный характеръ задруги! Тогда право выкупа простиралось даже на движимое имущество. Такъ въ Лесинѣ «запрещено выкупать движимые залоги» [2]).

На ряду съ общей собственностью существуетъ частная (первичная), хотя въ очень ограниченныхъ размѣрахъ Въ Герцеговинѣ считается даже неприличнымъ, если задругарь, живя въ общинѣ, имѣетъ отдѣльную собственность [3]). «Все, что членъ общины зарабатываетъ въ то время, когда нѣтъ работъ, принадлежитъ ему точно также, какъ и вещи, которыя онъ находитъ и подарки, которые ему дѣлаютъ». Въ частной собственности находятся подвѣнечные подарки и иногда приданное женщины [4]).

Задруга не знаетъ, собственно говоря, наслѣдственнаго права; ему подлежитъ только первичная, а кругъ наслѣдниковъ ограниченъ дѣтьми; первичная бездѣтнаго поступаетъ въ общую кассу задруги. Мало того, если кто умеръ въ задругѣ безъ завѣщанія, оставилъ дѣтей женскаго пола, то послѣднія устраняются отъ наслѣдованія имущества, которое переходитъ въ задругу [5]).

---

[1]) *Поповъ*, Законодательный бытъ Черногоріи Ж. М. Н. Пр. 1846. 111 p. 88 — 89.

[2]) *Рейцъ*, Политическое устройство и право прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи. Рус. пер. напечатанъ въ Сборникѣ Валуева p. 149.

[3]) *Евреинова* l. c. p. 8.

[4]) См. *Зигеля*, Законникъ Душана С. П. 1872. Первична отъ προίκιον donatio, dos. Приданное въ Сербіи выдѣлялось изъ общаго имущества, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. при потерѣ мужа, оно возвращалось женщинѣ. Потомъ подъ первичной стали разумѣть всякое благопріобрѣтенное имущество p. 190—191.

[5]) *Миличевичъ* l. c. p. 104.

Наслѣдованіе наступаетъ въ задругѣ только въ моментъ ея распаденія, стремленіе къ которому въ послѣднее время все возрастаетъ. Раздѣлъ можетъ быть общій или только частный, когда выдѣляются только нѣкоторые члены съ цѣлью основать новую задругу. При общемъ раздѣлѣ имущество задруги *дѣлится, по возможности, равномѣрно*. Недвижимость и скотъ распредѣляются поколѣнно, благопріобрѣтенное (цѣлой задруги, а не отдѣльныхъ членовъ) поголовно. Дѣвушки и женщины не имѣютъ доли въ раздѣлѣ имущества, въ особенности недвижимаго, но получаютъ право на надѣленіе ихъ приданнымъ.

Зачастую въ раздѣлъ не поступаетъ все имущество задруги; дѣлятся только домами, а земля и скотъ остаются въ общемъ владѣніи. Каждый женатый сынъ выдѣляется и обзаводится отдѣльнымъ домомъ, а при отцѣ на старомъ огнищѣ остается одинъ какой нибудь сынъ, обыкновенно младшій [1]).

Описанная форма семейной общины съ ея поземельными отношеніями, не является продуктомъ позднѣйшаго времени; она составляетъ изстаринно общеславянское учрежденіе въ чемъ убѣждаютъ насъ памятники славянскаго права.

Статутъ хорватской жупы Полицы, изданный 1440—1485 г. [2]) рисуетъ семейную общину подъ именемъ верви или верв ной дружины. Вервь слагается изъ диениковъ одного села (участниковъ), главъ, сусидей, живущихъ подъ управленіемъ господаря, связанныхъ круговою порукою и пользующихся правомъ суда надъ *своими сочленами*, въ *особенности о «племенщинѣ»*, недвижимомъ имуществѣ верви [3]). Можно отличить три формы «держанья» племенщины: 1) когда вервные братья владѣютъ племенщиною нераздѣльно и ведутъ хозяйства сообща, во 2) когда вервь, «рекуħи, ако немогу али нете заедно држати» раздѣляетъ на жеребья пашни, владѣя сообща лугами и лѣсами, и наконецъ 3) дѣлитъ и лѣса, оставаясь только при общемъ владѣніи пастбищами. Отсюда одинъ только шагъ къ сельской общинѣ.

---

[1]) *Евреинова* l. c. p. 13. *Демелича*. 77 г. кн. 12 и 13. p. 153—158.

[2]) Преимущественно по *Леонтовичу*, О значеніи верви по Рус. Пр. и Полиц. Ст. Ж. М. нар. Пр. 67 г. ч. 134.

[3]) *Леонтовича*, Хорвато-Далматское законодательство p. 103.

На первой ступени развитія верви, отдѣльныя члены имѣютъ очень ограниченное право на особое имущество; оно (право) расширяется, когда вервь достигаетъ 2-ой и 3-ей формы. Здѣсь появляется наслѣдственное право, но кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству, очень тѣсенъ и ограничивается дѣтьми, за отсутствіемъ которыхъ наслѣдуетъ вервная община. Еще болѣе ограничено завѣщательное право. Вервные распорядки, образовавшіеся на почвѣ семьи, оказываютъ потомъ въ свою очередь вліяніе на семью, которая постепенно утрачиваетъ свой физіологическій характеръ и также построяется на принципѣ труда и равноправія. Отецъ является только представителемъ семьи, ограничиваемымъ ея общею волею. По этому завѣщатель не можетъ обойти наслѣдниковъ; онъ вправѣ сдѣлать только распредѣленіе наслѣдственныхъ долей, да и то «како достойно и подобно», т. е. подъ условіемъ, чтобы распредѣленіе совершалось съ согласія наслѣдниковъ [1]).

Несмотря на раздѣлъ земли на долю въ отдѣльное пользованіе семей, племенщина остается общею связью верви, на которую послѣдняя при первомъ случаѣ заявляетъ свои права. Продажа племенщины допускалась только въ крайнихъ случаяхъ, съ согласія ближнихъ, для чего сдѣлка должна была совершаться «свитло, билгодано», послѣ оповѣди на 3 зборахъ, для оповѣщенія ближнихъ, которые сохраняли право выкупа въ теченіи года [2]).

Въ Винодольской общинѣ на ряду съ семьей, обителью, существуетъ родъ, племя, братчина, соединенная общимъ имуществомъ и круговой порукой. Наслѣдственное право носитъ чисто семейный характеръ. Наслѣдуютъ только «дици», за отсутствіемъ которыхъ имущество становится выморочнымъ (огластно) [3]). Въ законѣ города Загреба наслѣдственное право дѣлаетъ еще шагъ впередъ; къ наслѣдованію призываются и родственники на правѣ выморочномъ; завѣщанію подлежитъ только движимое имущество. Jus proximitatis et vicinitatis по уставу Кракова 1388 [4]), обычай наслѣдованія сѣножати млад-

---

[1]) *Леонтовичъ*, Хорвато-Долмат. p. 116.

[2]) l. c. p. 78—79.

[3]) ibid. p. 24—25.

[4]) *Леонтовичъ*, О верви p. 15.

шимъ сыномъ, и переводъ ея за отсутствіемъ дѣтей на выморочномъ правѣ въ общину по уставу города Каствы [1]), право родственниковъ и ближнихъ сосѣдей на выкупъ недвижимаго имущества, вышедшаго изъ общины,—все это указываетъ на распространенность нѣкогда у хорватовъ семейной общины, перешедшей потомъ въ сельскую, и на формы задружнаго обладанія землею, существовавшаго у нихъ нѣкогда.

Въ Сербіи слѣды задруги мы встрѣчаемъ въ началѣ круговой поруки, которая прекращалась только съ раздѣломъ задруги, и въ порядкѣ наслѣдованія, которое сперва имѣло чисто семейный характеръ, и только впослѣдствіи имущество «поуста бащина» стало переходить къ родственникамъ на правѣ выморочномъ [2]). О формахъ поземельнаго владѣнія въ задругѣ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній въ источникахъ, можетъ быть потому, что въ Сербіи, благодаря быстрому политическому развитію страны, рано возникаетъ территоріальная община и общинное пользованіе землей, явственные слѣды котораго встрѣчаются въ древнихъ грамотахъ и въ законникѣ Душана, и которое, вѣроятно, заслонило задружныя формы землевладѣнія [3]).

У чеховъ и моравовъ въ X вѣкѣ встрѣчаются задруги, славившіяся многочисленностью и знатностью своихъ членовъ [4]).

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Неизданные законы югозападныхъ славянъ. Ж. М. Н. П. 1880, 3 р. 113—114.

[2]) *Губе*, Исторія наслѣдственнаго права у славянъ. Сборникъ Валуева р. 69—70.

[3]) *Зигель*, Законникъ. р. 167—168. *Майковъ*, О земельной собственности въ древ. Сербіи Чт. Им. общ. ист. и древ. Рос. 1860 кн. 1. р. 11. *Майковъ*, Исторія сербскаго языка р 247. «Грамота Дечаюскому монастырю говоритъ о селахъ не иначе, какъ въ смыслѣ общины съ общиннымъ пользованіемъ». Майковъ. О зем. соб. р. 30. Закон. Душана (прил. къ Зигелю) ст. 66. «Крѣпостные люди и меропхи, которые сидятъ вмѣстѣ въ одномъ селѣ, всякую плату, которая приходитъ, да платятъ всѣ вмѣстѣ. Какъ плату платятъ и работу работаютъ, такъ и землю да держатъ» ст. 73. «Село съ селомъ да пасетъ, куда одно село, туда и другое». Ergo даже у двухъ селъ общіе выгоны.

[4]) *Ireček*, Das Recht in Böhmen und Mähren, I Abtheil. p. 48. Семьи Славника и Vrsevici. Сыновья Славника жили по смерти отца нераздѣльно на горѣ Lubicas въ концѣ X ст. Rochan былъ провозглашенъ главою (senior, starosta) многочисленной семьи Vrsevičо.

Изъ собранія древнихъ богемскихъ законовъ, изданныхъ Вольфомъ Врезовица, мы видимъ, что раздѣлы составляли исключеніе; они утверждались запискою въ земскія книги, въ противномъ случаѣ дѣлалась презумпція нераздѣльности. Имущество находилось въ общемъ обладаніи семейной общины, что называлось сполекъ (spolec)-communitas, оно могло быть отчуждаемо только съ согласія всѣхъ ея членовъ [1]). Неотдѣленный сынъ, живущій въ семейномъ союзѣ, не имѣлъ права на распоряженіе имуществомъ, пріобрѣтеннымъ имъ черезъ наслѣдство отъ посторонняго; такое имущество не переходило къ его дѣтямъ, а оставалось въ общемъ владѣніи семейной общины. При разложеніи союза въ раздѣлъ поступало не только наслѣдственное, но и благопріобрѣтенное имущество, за исключеніемъ вѣна женщинъ. Въ отдѣльныхъ семьяхъ отецъ имѣлъ право на отчужденіе недвижимаго имущества только тогда, когда у него не было дѣтей или они были отдѣлены [2]). Наслѣдственное право носитъ семейный характеръ. Боковые родичи получаютъ имущество на выморочномъ правѣ [3]).

Въ Польшѣ на существованіе задружныхъ формъ землевладѣнія указываетъ обычай отчуждать недвижимое имущество только съ согласія всей семьи, примѣры котораго мы во множествѣ встрѣчаемъ въ 13, 14 и 15 вѣкахъ, такъ что только въ 1511 г. Сигизмундъ I установилъ полное право отчужденія и то для бездѣтныхъ. По статуту Мазовіи сынъ имѣлъ право выкупать имущество, отчужденное отцомъ. 39 ст. статута Малой Польши прямо говоритъ о семейныхъ общинахъ, владѣющихъ сообща имуществомъ [4]).

---

[1]) Въ 1132 г. Прибислава дала въ монастырь 2 деревни omnibus suis affinibus consentientibus 1042 г. Мирославъ отдалъ имѣніе въ монастырь sine cognatorum vel consanguineorum contradictione. Еще въ 1307 нѣкто Witko отдалъ свои земли въ монастырь съ согласія жены и дѣтей см. *Губе*.

[2]) *Губе*, Исторія наслѣд. пва. p. 70—73. *H. Irečeк*, Das Recht in M. B. II Abth. p. 147.

[3]) *Irečeк*, l. c. II Abth. p. 161.

[4]) «Cum omnis discordiae et dissentionis est mater *communio*, in qua fratres aut germani existentes, ad rancores, seu lites non modicas, saepius provocantur, ad quas evitandas homines ipsi ne in periculumin cidant vitae ut riusque consueverunt, ut plurimum homines vivere et stare in propriis domibus separatim de parte bonorum sive hereditatem quae ipsos contingit, habita divisione».

Впрочемъ и раздѣлы встрѣчаются очень рано, даже въ 11 ст. (1088 г. о раздѣлѣ 3 братьевъ Любомірскихъ).

Въ правѣ наслѣдованія мы встрѣчаемъ уже знакомыя намъ черты; имущество бездѣтно-умершаго считалось выморочнымъ (puscizna) и только, какъ таковое, переходило къ дальнѣйшимъ родственникамъ. Принципъ территоріальнаго сожительства создалъ норму, по которой «братья, жившіе въ раздѣлѣ, теряли право взаимнаго наслѣдованія; на томъ же основаніи и дочери при сыновьяхъ не допускались къ наслѣдству. Вступая въ бракъ онѣ оставляли прежнее семейство, слѣдовательно теряли и права свои на семейное имущество» [1]).

Относительно балтійскихъ славянъ сохранились немногія данныя; но, несмотря на свою скудость, они указываютъ на существованіе и у поморянъ задружной формы обладанія имуществъ. Въ одной грамотѣ семейное имущество называется communis pecunia (Si pater aliquam uxorem de communi pecunia sibi et felio emerit) и какъ таковое не могло быть отчуждаемо безъ согласія наслѣдниковъ (Nullus debat haereditatem suam sine consensu heredum—Шверинское городовое право). Поэтому въ значительномъ числѣ актовъ объ отчужденіи баштины (haereditas paterna) въ пользу церквей и монастырей жертвователи оговариваютъ, что отчужденіе совершается съ согласія братьевъ, сыновей и пр. «cum consensu et voluntate heredum, filiorum et fratrum» [2]).

Приведенныя свидѣтельства изъ прошлаго и настоящаго юридическаго быта славянъ указываютъ на общераспространенное и изстаринное существованіе среди нихъ задружныхъ распорядковъ и обусловленныхъ ими формъ поземельнаго владѣнія. Въ тоже время они уясняютъ намъ смыслъ шаткихъ и неопредѣленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ на зарѣ славянской исторіи.

Современники этой ранней эпохи славянской культуры отмѣчаютъ фактъ господства у славянъ общинной жизни и общаго обладанія имуществъ [3]). Богуфалъ говоритъ, что лехиты

---

[1]) *Губе* l. c. p. 76—92.

[2]) *Котляревскій*, Древности права балтійскихъ славянъ. 1874 p. 139—145; также *Гильфердингъ*. Исторія балтійскихъ славянъ. М. 1855 p. 87—90.

[3]) Цитаты изъ *Губе* l. c. и *Леонтовича* 1 вып. по исторіи русскаго права. Приложенія.

живутъ между собою, какъ братья и дѣти отъ одного отца. Іоаннъ, архіепископъ Гнѣзненскій, характеризуетъ славянскій бытъ поэтическимъ выраженіемъ fraterna societas. Прокопій говоритъ, что славяне сообща дѣлили между собою и горе и радость: «utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent». Но эта общность не была племенная; изъ того времени мы находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о дробности и розни славянской жизни. Мартинъ Галлъ говоритъ о древней Пруссіи per sortes haereditarias ruriculis et habitationibus dispartitae sunt. Прокопій сообщаетъ, что славяне отъ разрозненности своихъ жилищъ получили свое имя. Маврикій замѣчаетъ, что славяне: «neminem ferunt imperatorem seque mutuo persequuntur odio», «multi inter eos sunt reguli, neque inter se concordes» и строитъ на этой розни свои политическіе планы. Пользуясь приведенными выше данными, мы, быть можетъ, вправѣ видѣть въ этихъ ruriculis задруги, живущія розною жизнью, самоуправляющіяся по общинному наряду черезъ своихъ домачиновъ (multi reguli) и дѣлящія вмѣстѣ радость и горе, владѣющія сообща своими имуществами, словно братья и дѣти отъ одного отца.

Наконецъ, на задружныя формы землевладѣнія указываютъ филологическія изысканія, доказывающія, что глаголъ «наслѣдовать» и существительное «наслѣдникъ» разнообразны въ славянскихъ языкахъ, несмотря на ихъ происхожденіе отъ одного общаго корня. Такое различіе указываетъ, что древніе славяне не знали наслѣдственности въ смыслѣ римскаго и нѣмецкаго права; такъ владѣніе принадлежало общинѣ и завѣдующимъ былъ староста, по смерти котораго члены семьи выбирали себѣ новаго старосту [1])

Семейная община не была своеобразнымъ продуктомъ юридической жизни славянскихъ народовъ; многія данныя, собираніе которыхъ только что началось, указываютъ, что задруга—явленіе общечеловѣческое; учрежденіе, черезъ которое человѣчество, повинуясь извѣстнымъ законамъ развитія, должно было перешагнуть, чтобы достичь высшихъ формъ быта.

Въ Индіи мы встрѣчаемъ семейную общину, слагающуюся не только изъ родственниковъ, но и чужеродцевъ, владѣющую

---

[1]) *Воцель*, Древнѣйшая бытовая исторія славянъ. Рус. пер. 1875 р. 60.

сообща семейнымъ имуществомъ, распорядителемъ котораго является или выборный или старѣйшій представитель старѣйшей линіи. Такая семейная община не только завѣдываетъ общимъ фондомъ, но обладаетъ также полицейскою властью и юрисдикціею по отношенію къ своимъ членамъ и опредѣляетъ между ними раскладку податей и повинностей [1]).

Въ Римѣ, вѣроятно, нѣкогда существовала семейная община. На это указываетъ во 1) трудность и торжественность передачи правъ собственности *по древне-римскому праву*; во 2) древне-римскій обычай совершенія завѣщанія въ comitia calata, сходный съ «оповиданьемъ» Полицкаго статута, при чемъ верви соотвѣтствуетъ gens. Несмотря на то, что обычай этотъ превратился впослѣдствіи въ обрядность, въ немъ не трудно подмѣтить глубокій смыслъ. Завѣщаніе для того, вѣроятно, вносилось въ собраніе римскихъ gentes, чтобы они своимъ согласіемъ подтвердили распоряженіе завѣщателя: «завѣщаніе могло быть сдѣлано только тогда, *когда наслѣдодатель не могъ отыскать gentiles, или когда* они отказались отъ своихъ притязаній» [2]), которыя они были вправѣ предъявить на отчуждаемое имущество.

Самая римская семья организовалась подъ вліяніемъ семейной общины и построялась на принципахъ равноправія, вытекающихъ изъ общаго труда и общаго владѣнія имуществомъ. Вопросъ этотъ кажется намъ на столько любопытнымъ, что мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ съ нѣсколько большей подробностью.

Позабудемъ на минуту о patria potestas и вдумаемся поглубже въ строй римской семьи.

1) Въ Римѣ существовали двѣ системы родства, кровная и трудовая (Verwandtschaft und Magschaft, какъ выражается Лоренцъ Штейнъ въ цитированномъ сочиненіи), когнатическая и агнатическая; первая коренилась въ общемъ происхожденіи отъ одного лица, вторая—въ участіи въ общемъ трудѣ семьи и въ подчиненіи ея главѣ. *Кровное начало уступало трудовому.* Къ наслѣдству призывались лица, жившія въ семьѣ, участвовавшія въ общемъ трудѣ ея, хотя бы это были только придружившіеся

---

[1]) *Мэнъ*, Древнее право. Рус. пер. 1878 г. р. 206—7.

[2]) Ibidem p. 158

члены (путемъ подчиненія отцовской власти), и отъ него въ свою очередь устранялись лица, хотя связанныя кровными узами съ главою семьи, но отдѣлившіяся отъ нея (путемъ эманципаціи отъ отцовской власти), На томъ же принципѣ сожительства построялось и славянское наслѣдственное право!

2) Въ законѣ XII таблицъ понятія «familia» и «res», «хозяйство» и «собственность», часто смѣшиваются другъ съ другомъ. По мнѣнію Мэна, такое смѣшеніе служитъ указаніемъ на тотъ первобытный періодъ, «когда собственностью владѣла семья, такъ что члены общины не владѣли своею собственностью и своей семьею, но скорѣе можно сказать, владѣли своею собственностью через посредство своей семьи» [1]).

3) Только на почвѣ семьи, какъ корпораціи, могло вырости универсальное преемство. Съ этой точки зрѣнія pater familias былъ только управляющимъ семьи, и смерть его не производила никакого вліянія на ея послѣдующую судьбу; смѣнялся только представитель, но семья не измѣнялась. Права и обязательства умершаго главы переходили безъ перерыва на его преемника «потому что фактически это права и обязательства семьи» [2]). Это положеніе находитъ подтвержденіе въ источникахъ римскаго права, которые «указываютъ, что то, что переходило отъ наслѣдодателя къ наслѣднику, была семья, т. е. совокупность правъ и обязанностей, заключавшихся въ Patria Potestas и исходящихъ изъ нея. Вещественная собственность въ трехъ случаяхъ вовсе не упоминается, въ двухъ другихъ она очевидно обозначается только какъ дополненіе или принадлежность семьи. Первоначальная духовная или завѣщаніе были, слѣдовательно, способъ, посредствомъ котораго опредѣлялся переходъ семьи въ другія руки. Это былъ родъ провозглашенія, кому должно достаться званіе главы въ преемство отъ наслѣдодателя» [3]).

Итакъ, вникая глубже въ сущность patria potestas, мы открываемъ въ римской familia семейную общину, владѣющую сообща имуществомъ, и ведущую сообща хозяйство черезъ по-

---

[1]) *Мэнъ* Древнее право р. 164.

[2]) Ibidem р. 145.

[3]) Ib. 150.

средство главы-управителя. Такъ какъ имущество принадлежитъ всей общинѣ, то наслѣдственнаго права не существуетъ; смѣна членовъ не производитъ никакого измѣненія въ имущественныхъ отношеніяхъ общины; умершій представитель тотчасъ замѣняется другимъ. Только съ распаденіемъ семейной общины возникаетъ *наслѣдственное право*, *строящееся по началу территоріальнаго* сожительства, а не по кровному, физіологическому принципу. Вотъ суть римской семьи! Возвышеніе власти главы семейнаго представителя до jus vitae ac necis и низведеніе семьи до собственности главы ея (familia—сумма рабовъ даннаго лица) представляютъ уродливый наростъ на здоровомъ корнѣ, не нормальное развитіе одной функціи организма на счетъ другихъ!

Еще одно слово! Мэнъ полагаетъ, что власть главы германской семьи является остаткомъ patria potestas, далеко уступавшимъ той, какою пользовался отецъ въ Римѣ [1]). Мы же рѣшаемся думать, что дѣло происходило на оборотъ и что patria potestas—только неестественно возросшая власть представителя свободной семейной общины.

О семейныхъ общинахъ въ Германіи упоминаетъ еще Цезарь: cognationes hominum, qui una coierunt. Въ средніе вѣка мы встрѣчаемъ ихъ подъ именемъ Freundschaften, Magschaften, Geschlechter, и т. д. Общею связью такихъ союзовъ служило нераздѣльное пользованіе имуществомъ и круговая порука, и потому въ составъ ихъ входили не *только родичи*, но и посторонніе лица. Всѣ они владѣли сообща имуществомъ, вели общее хозяйство, жили на «единомъ хлѣбѣ», in einer Kost ungetheilt», а право на участіе въ обще-семейномъ имуществѣ давалось жительствомъ въ общинѣ и участіемъ въ круговой порукѣ («Kinder in der Were»). Глава семьи безъ согласія родственниковъ не могъ ни отчуждать, ни дѣлить, ни инымъ способомъ измѣнять природу своей вотчины (напр. превращать лѣса въ пашню и наоборотъ); отчужденіе совершалось только въ случаѣ крайней нужды, «der echten Noth», подъ условіемъ предложенія родичамъ предварительной покупки [2]).

---

[1]) Ib. 113.

[2]) *Маурерь*, Geschichte der Fronhöfe., Bd. IV p. 281—350. Цитировано по Кейслеру—Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Grundbesitzes in Russland, 1 Th. 1876, p. 92—93.

Во Франціи также существовали семейныя общины. Онѣ жили въ одномъ домѣ, избирали себѣ для распоряженія хозяйствомъ главу (maistre de communauté, major, chef de chanteau) и хозяйку (маіориссу) и сообща владѣли имуществомъ. Наслѣдованіе опредѣлялось началомъ территоріальнаго сожительства; къ нему призывались даже чужеродцы, но жившіе въ общинѣ, и наоборотъ устранялись родичи, но выдѣлившіеся изъ нея. Въ Парижѣ, по словамъ Ларьера, ребенокъ, находившійся въ домѣ на хлѣбѣ отца и матери, наслѣдовалъ имъ, устраняя прочихъ «Un seul enfant — говоритъ Луазель, etant en celle, requeust la main morte». Дѣвушки не имѣли дачи въ семейномъ имуществѣ, но получали приданое.

Семейныя общины, состоявшія изъ 4 или 5 хозяйствъ, подъ управленіемъ старшины «reggitere» и хозяйки «nossara», существовали и въ Италіи[1]).

Мы говорили, что члены семьи, ради выгодъ по операціи и цѣлей самозащиты, оставались жить вмѣстѣ, составляя задругу. Чѣмъ болѣе возрастало число членовъ семейной общины, тѣмъ полнѣе осуществлялись тѣ цѣли, ради которыхъ она возникла, но наступалъ моментъ, когда дальнѣйшее возрастаніе семейной общины, въ свою очередь, влекло за собой неудобства. Старый домъ становился тѣсенъ; первобытный характеръ земледѣлія требовалъ простора. Изъ старой задруги постепенно выдѣляются члены, образующіе новыя; возникаетъ союзъ задругъ, связанныхъ между собою происхожденіемъ отъ одной общей задруги и составляющихъ территоріальную общину: у германцевъ извѣстную подъ именемъ марки, decania, у югозападныхъ славянъ—подъ именемъ катуня. Такая территоріальная община могла состоять или изъ одного сплоченнаго селенія—такой характеръ носила нѣмецкая марка (decania), или изъ нѣсколькихъ посадковъ, тянувшихъ къ старой первичной задругѣ — такой характеръ имѣлъ хорватскій катунь[2]).

---

[1]) *Лавеле Эм.*, Первобыт. собственность р. 211—219, об. Италіи р. 234.

[2]) «Въ Полицѣ населеніе издавна привыкло жить разбросанно, небольшими селами, носившими часто одно имя и составлявшими одну общину,

Постепенно начинается колонизація и территоріальнаго села. Изъ него расходятся выселки, дающіе начало новымъ территоріальнымъ общинамъ. Совокупность такихъ деканій и катуней, тяготѣющихъ къ тому центру, изъ котораго вышли, — образуетъ жупы у славянъ, centenae, Hunderschaften и т. д. у германцевъ. Въ свою очередь названные союзы территорріальныхъ общинъ, путемъ ли колонизаціи или свободной федераціи, смыкаются въ болѣе широкіе союзы — «земли» и gau'ы; здѣсь уже появляются города-общины, объединяющіе гау'ы и земли и стягивающіе вокругъ себя политическіе союзы [1]).

Такимъ образомъ, на почвѣ задруги, путемъ постепенной колонизаціи, образовались всѣ сложныя формы общиннаго быта! Подтвердимъ высказанную мысль нѣкоторыми историческими свидѣтельствами, которыя, замѣтимъ, гораздо многочисленнѣе у славянъ, чѣмъ у германцевъ, гдѣ процессъ колонизаціи закончился гораздо раньше.

1) У славянъ еще понынѣ можно подмѣтить слѣды указаннаго процесса. Такъ напр. въ Сербіи очень часто встрѣчаются случаи, когда изъ одной задруги выдѣляются новыя, совокупность которыхъ образуетъ территоріальную общину, село [2]). Въ Польшѣ, въ воеводствѣ Сендомірскомъ, существуетъ село, получившее многія права еще отъ королевы Ядвиги, сообща владѣющее землею и производящее сообща всѣ земледѣльческія работы [3]). Въ Далмаціи встрѣчаются цѣлыя селенія, носящія одно названіе: Ивановичи, Тринковичи и т. д. [4]). Такія-же указанія встрѣчаемъ у прибалтійскихъ славянъ. «Въ дипломатаріяхъ встрѣчаемъ деревни одного названія, которыя по мѣрѣ возрастанія раздѣлялись на первыя, вторыя, третьи, или на большія и малыя». Такъ напр. Crasch (деревня), aliud Crasch,

---

большое село, катунь. *Леонтовичъ,* Хорв. Далм. p. 69. О Сербіи ib. 69. Въ богемск. грамотѣ 1235 г. сказано: villam Glupetin cum omnibus villulis ad eam pertinentibus etc. *Landau,* Die Territorien 1854 p. 150.

[1]) Изложеніе этого процесса см. у *Landau.* Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwickelung, 1854, p. 1—392. Проф. *Леонтовича,* Хорв. Далм. Зак.; Общинно-задружн. бытъ и др.

[2]) *Богишичъ,* по Демеличу. Юр. В. 1876, кн. 10—12 p. 141.

[3]) *Губе* l. c. примѣч. нѣмец. переводчика p. 65.

[4]) *Рейцъ* l. c. p. 95—96.

tertium Crasch, quartum Crasch» [1]). Еще болѣе опредѣленные слѣды сохранились въ Черногоріи, гдѣ напр. поселеніе Нѣгушей состоитъ изъ 10 селъ и поселковъ въ 480 домовъ, составляющихъ развѣтвленіе одной первичной задруги [2]).

2) Доказательствомъ происхожденія территоріальной общины изъ семейной служитъ круглая форма древнѣйшихъ поселеній.

Древне славянскіе поселки имѣли обыкновенно круглую форму; «фронты дворовъ или избъ располагались одни относительно другихъ такъ, что въ концѣ концовъ получалась форма подковы». Такую форму сохраняютъ еще донынѣ многія села Чехіи и Моравіи [3]), Болгаріи [4]), Помераніи [5]), а д-ръ Ландау считаетъ ее одной изъ характеристическихъ чертъ, на основаніи которыхъ онъ ищетъ присутствія славянскаго элемента на территоріи, занятой нынѣ германскимъ племенемъ [6]). Такая форма объясняется тѣснымъ сожительствомъ семействъ, входившихъ въ составъ задруги [7]). Она продуктъ задружной колонизаціи страны. «Древній славянинъ, говоритъ Палацкій, строилъ свой домъ среди земли, находившейся въ его владѣніи. Его потомки управляли сообща и нераздѣльно отцовскимъ наслѣдіемъ, часто въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Когда отцовскій домъ становился тѣсенъ для ихъ разросшагося числа, то возлѣ него возникали другіе дома; такъ возникали древнія деревни, число которыхъ было столь-же велико, какъ ихъ объемъ незначителенъ, и населеніе которыхъ составляло одну семью» [8]).

3) Множество селеній въ славянскихъ земляхъ носитъ собирательныя или фамильныя имена, несомнѣнно происшедшія отъ именъ населявшихъ ихъ задругъ (окончаніе этихъ именъ

---

[1]) *Мацѣіовскій*, въ изложеніи Гецевича «Объ обычномъ правѣ etc.» Юр. В. 78 кн. 7, р. 1039—40.

[2]) *Ровинскій*, Очерки Черногорья l. c. р. 311.

[3]) *Воцель*, Бытовая исторія р. 90.

[4]) *Каницъ*, Дунайская Болгарія 1876 р. 61.

[5]) *Мацѣіовскій* l. c. 1039.

[6]) *D-r Landau*, Die Territorien p. 268.

[7]) *Леонтовичъ*, О верви р. 13.

[8]) *Palacky*, Geschichte von Böhmen I B. p. 168—169. Мацѣіовскій l. c. 1039.

въ чешскомъ и польскомъ ici, нынѣ чаще ice, въ сербск. и хорватск. иħи, въ средніе вѣка—ики, въ славян. и рус.—ичи, старо-болгарскихъ—ишти, ново-болгар.—овци, евци [1]).

Названія эти несомнѣнно древнѣйшія, тогда какъ позднѣйшіе поселки носятъ названія, намекающія на характеръ, внѣшность, занятія колонистовъ, на естественныя условія поселенія и т. д. Что такія названія принадлежатъ древнѣйшимъ задругамъ, доказывается фактомъ ихъ распространенія по теченію рѣкъ и на болѣе плодородныхъ мѣстахъ, такъ какъ такъ именно шла первоначальная колонизація страны [2]).

4) *На помощь намъ приходитъ языкъ*, менѣе поддающійся измѣненіямъ, чѣмъ законы и правовыя идеи.

Въ Моравіи село называется dedina, названіе, которымъ прежде обозначалась земля, находившаяся въ общемъ обладаніи семейной общины [3]).

Въ *Чехіи* и у *насъ деревня называется весью*, что значитъ собственно домъ (др. инд. veças, гр. oikos, лат. vicus, гот. vichs) [4]), т. е. генезисъ деревни въ задружномъ домѣ.

Тоже въ западной Европѣ. Такъ на скандинавскомъ сѣверѣ, члены общины, марки, назывались Markgenossen, cummarhani, beerbten; это послѣднее слово многозначительно; оно означаетъ тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ наслѣдствѣ [5]). Оно означаетъ, добавимъ мы отъ себя, что марка образовалась изъ семейной общины, что члены марки были участниками въ общемъ наслѣдіи задруги (cognatio, propinquitas, geburscip). Въ Нидерландахъ «одна часть въ маркѣ называлась rohare, а тѣ, которые владѣли такими roharen, — *носили названіе erfgenamen* — наслѣдники» [6]). Наконецъ, названія нѣкоторыхъ селеній прямо указываютъ на ихъ происхожденіе изъ семейной общины. Общее

---

[1]) *Кон. І. Ирѣчекъ*, Исторія Болгаръ, p. 133. *Hermenhild Irečék*, Das Recht im Mähren und Böhmen 25—26.

[2]) *Воцель* l. c. p. 96—97.

[3]) *Irečék*, Das Recht im M. und B. I. Abth. p. 28, II Abth. 156—7.

[4]) *Никитскій*, Теорія родов. быта въ древней Руси. Вѣст. Ев. 1876 г. 10, p. 431.

[5]) *Эм. де Лавеле*, Первобытн. собственность p. 89.

[6]) *Лавеле* l. c. p. 301.

помѣщеніе послѣдней называлось во Франціи cella — келья, и это названіе осталось подъ различными формами у множества селеній, каковы: la celle Saint Cloud, Mavrissel, bourcelles, Vaucel etc.» [1]).

Съ появленіемъ сложныхъ формъ общиннаго быта, нѣсколько ослабѣваютъ тѣ выгоды самозащиты, ради которыхъ возникла строгая организація задруги. Вмѣстѣ съ этимъ и формы задружнаго землевладѣнія поддаются нѣкоторымъ измѣненіямъ. Первоначально въ семейной общинѣ все общее: пища, одежда и т. д. Потомъ возникаетъ право собственности на простѣйшія орудія, одежду. На это даетъ намекъ обычай сожиганія вмѣстѣ съ трупомъ покойника нѣкоторыхъ вещей, какъ исключительно ему принадлежащихъ [2]). Вмѣстѣ съ освоеніемъ въ собственность предметовъ одежды, выдѣляются въ частное пользованіе участки земли, служащіе для производства этихъ предметовъ. Каждой семьѣ изъ общаго поля выдѣляется участокъ подъ ленъ и коноплю, который обрабатывается отдѣльными силами семьи; для холостыхъ и вдовцевъ заботится другая группа, *причемъ такая группа* называется странка (сторонка—партія) [3]). Далѣе идетъ возведеніе отдѣльныхъ домовъ. Житье въ общемъ домѣ становится стѣснительнымъ, и каждая семья воздвигаетъ для себя отдѣльную *обитель*. Вмѣстѣ съ тѣмъ все домашнее движимое имущество, находящееся въ такой отдѣленной обители, является частною собственностью семьи. Но задруга продолжаетъ сообща работать, повинуется одному выборному домачину и владѣетъ сообща землей (очевиной, баштиной etc.) [4]) и орудіями производства. Потомъ, семейная община, «рекуђи, ако немогу, али нете *заедно* држати», дѣлитъ между собою на жеребь поля, оставаясь при общемъ владѣніи и пользованіи лѣсами и пастбищами; можетъ раздѣлить и лѣса, владѣя сообща только пастбищами. Общею связью служатъ въ послѣднемъ случаѣ пастбища [5]). Зачастую дѣлятъ безъ остатка

---

[1]) Ib. p. 215.

[2]) *Ковалевскій* М. Общинное землевладѣніе ч. I 1879, p. 30.

[3]) *Utiešenović* p. 23. *Миличевичъ* Семейн. община p. 107.

[4]) *Евреинова* l. c. p. 13.

[5]) *Леонтовичъ*, О верви p. 101.

всю очевину и продолжаютъ сообща владѣть только скотомъ и орудіями производства. Еще шагъ, и община разлагается на отдѣльныя семьи, которыя въ свою очередь принимаютъ задружный характеръ.

Съ ослабленіемъ строго общиннаго характера задруги, отдѣльные члены ея пріобрѣтаютъ незначительныя права распоряженія имуществомъ. Возникаетъ наслѣдственное право, но наслѣдуютъ только дѣти; имущество бездѣтнаго становится выморочнымъ и естественно возвращается въ общее владѣніе задруги. Отдѣльное лицо получаетъ далѣе, право, распоряженія своимъ участкомъ земли, испросивъ предварительно согласіе задругарей и предложивъ имъ предварительную покупку; по совершеніи акта отчужденія, члены семейной общины сохраняютъ право на выкупъ отчужденнаго участка.

Но семейная община не умираетъ; она только расползается по территоріи, съуживается въ объемѣ, совпадая во многихъ случаяхъ съ семьей; такъ необходимость жить большими семьями съ упроченіемъ общиннаго наряда постепенно исчезаетъ. Древнѣйшая семья—это таже задруга, но безъ ея политическаго характера, который задруга передала территоріальной общинѣ.

Все имущество принадлежитъ семьѣ; отецъ только распорядитель его; онъ можетъ продать семейное имущество только въ случаѣ крайней нужды и то съ согласія дѣтей и домочадцевъ; онъ не можетъ произвольно распоряжаться этимъ имуществомъ даже на случай смерти, не можетъ завѣщать его, кому вздумается. Вся его власть состоитъ въ распредѣленіи завѣщаваемаго и то съ согласія семейнаго совѣта. Завѣщанія въ собственномъ смыслѣ не существуетъ; оно является только впослѣдствіи. Существуетъ только наслѣдственное право, которое построяется на принципѣ сожительства, а не единокровія. Къ наслѣдованію призываются только тѣ, которые живутъ въ семьѣ и интересы которыхъ тѣсно связаны съ ея интересомъ. Наслѣдуютъ по этому только сыновья; сестра при братьяхъ не наслѣдница, потому что она временный жилецъ въ семьѣ и съ выходомъ замужъ прерываетъ съ нею связь. Она имѣетъ лишь право на приданое. Мать-вдова имѣетъ право на участіе въ семейномъ

*) *Евреинова* l. c. p. 13.

имуществѣ только до тѣхъ поръ, пока живетъ въ семьѣ; съ выходомъ изъ нея, вдова теряетъ это право, не участвуетъ въ наслѣдствѣ, а получаетъ обратно только свое приданое. Изъ сыновей наслѣдуютъ тѣ, которые жили въ семьѣ; отдѣленный сынъ не наслѣдуетъ. За отсутствіемъ сыновей наслѣдовали дочери. Имущество бездѣтнаго, по старому началу, становилось выморочнымъ.

По мѣрѣ того, какъ старшіе сыновья выростали, они строили себѣ особые дома; на «старомъ огнищѣ» оставался только младшій сынъ. Отсюда обычай, по которому отцовскій домъ доставался младшему сыну.

Мы уже говорили, что возникшая изъ задруги территоріальная *община имѣла двоякую форму, смотря по условіямъ географическимъ*. Она представляла, или сплоченное поселеніе, или федерацію цѣлаго ряда хуторковъ. Послѣдняя форма первоначально встрѣчалась чаще, такъ какъ мѣста было довольно, а первобытное земледѣліе требовало поселенія въ раздробь. Территоріальная община, подобно задругѣ, построялась на принципахъ солидарности и равноправія составлявшихъ ее членовъ. Но принципы эти находились первоначально въ потенціальномъ состояніи, выжидая удобнаго момента, чтобы обнаружиться съ полной силой. Въ началѣ земли было довольно, каждый пахалъ, гдѣ ему было любо, и сколько успѣвалъ захватить плугомъ; разнокачественность почвы не могла имѣть значенія при первобытномъ земледѣліи. Одинъ трудъ являлся рѣшающимъ при занятіи земли. Поэтому каждая семья захватывала землю по силамъ и смотрѣла на расчищенный участокъ, какъ на продуктъ своего труда и упражняла надъ нимъ всѣ права собственника; но это не значитъ, что община не имѣла власти надъ землей, на которой она сидѣла; ради общаго интереса община всегда могла наложить руку на данный участокъ; и если она *этого не дѣлала,—то только потому*, что не наступила еще пора для этого.

Но когда мѣста становилось мало, культура интензивнѣе и разнокачественность почвы все важнѣе для производительности затраченнаго на нее труда, трудовой принципъ не могъ болѣе считаться достаточнымъ. Интересы отдѣльныхъ семей

пришли въ столкновеніе, примирительницей которыхъ выступила община съ ея началами равенства и солидарности. Но такое примиреніе обошлось не безъ борьбы. Вмѣшательство общины наростало постепенно, считаясь съ окрѣпшимъ сознаніемъ труда. Сперва община наложила руку на пастбище, потому что здѣсь вовсе не затрачивался трудъ общинника. Пастбище перешло въ общее пользованіе общины, и распашка его могла совершаться только съ ея согласія. Слѣдующимъ шагомъ былъ раздѣлъ луга на участки, по возможности равномѣрные, по качеству, величинѣ и отдаленности отъ усадебъ; для достиженія большаго равенства введена была жеребьевка участковъ. Наконецъ, община посягнула и на пашню, вводя и здѣсь передѣлы, но передѣлы болѣе продолжительные, чѣмъ относительно луговыхъ участковъ, такъ какъ и трудъ, затрачиваемый на пашню, былъ значительнѣе.

Указанный процессъ совершался чрезвычайно медленно и гораздо медленнѣе въ федеративныхъ волостныхъ общинахъ, чѣмъ въ сплоченныхъ, гдѣ скорѣе могло наступить столкновеніе взаимныхъ интересовъ отдѣльныхъ членовъ. Поэтому въ германскихъ маркахъ мы встрѣчаемъ вмѣшательство общины въ поземельныя отношенія ея членовъ тогда, когда у славянъ всюду господствуютъ еще задружныя формы землевладѣнія. Марка дѣлится на 3 части: собственно деревню, общую марку или пустошь и культурное пространство. Деревня—мѣстожительство общины и состоитъ изъ отдѣльныхъ дворовъ, гдѣ живутъ отдѣльныя семьи. Пустошь находится въ общемъ владѣніи и пользованіи общины и состоитъ изъ пастбищъ, лѣсовъ и т. д. Культурное пространство находится въ общемъ владѣніи общины, но въ частномъ пользованіи отдѣльныхъ хозяйствъ, и состоитъ изъ луговъ и пашень, которыя дѣлятся на полосы или копы, по возможности равнокачественные.—Въ каждой полосѣ нарѣзывается опредѣленное число участковъ, соотвѣтственно числу отдѣльныхъ хозяйствъ, получающихъ эти участки въ пользованіе на извѣстные сроки, по истеченіи которыхъ передѣлъ возобновляется. Сроки эти продолжительнѣе для пахотныхъ участковъ, короче для луговъ [1]). Таково же устройство нашей великороссійской общины.

---

[1]) *Маурерь*, Введеніе въ исторію, пер. Корша. *Мэнъ*. Деревенскія общины.

Описанный моментъ въ борьбѣ между правомъ труда и духомъ солидарности, не отрицающимъ, а ограничивающимъ это право,—рѣшающій въ жизни общины. Въ случаѣ побѣды послѣдняго община стремится къ введенію большей равномѣрности въ отношеніяхъ своихъ членовъ, къ введенію общиннаго труда, признаки котораго замѣчаются въ нашей сѣверной общинѣ; или же побѣждаетъ принципъ труда: сроки передѣловъ все болѣе удлиняются; они отмѣняются сперва въ пріусадебной землѣ, потомъ въ пахоти, наконецъ на лугахъ; возникаетъ частная собственность на жеребій, бывшій прежде въ общинномъ обладаніи земли. Слѣды стараго строя сохраняются только въ общемъ пользованіи пастбищемъ и принудительной обработкѣ; наконецъ, и они исчезаютъ съ размежеваніемъ полей и округленіемъ участковъ [1]).

Въ этой борьбѣ общины и права частной собственности, второму, по справедливому замѣчанію проф. Ковалевскаго, помогаютъ великія соціальныя силы. 1) Общинное владѣніе землей невыгодно привилегированнымъ сословіямъ, препятствуя имъ сосредоточить въ своихъ рукахъ поземельную собственность. Жреческое сословіе прежде всего успѣваетъ установить право завѣщавать имущество въ его пользу. Дворянское сословіе, путемъ законодательнымъ, устанавливаетъ вообще право отчужденія недвижимыхъ имуществъ. 2) Общее владѣніе землей противорѣчитъ выгодамъ городскихъ сословій, которыя, живя въ городахъ, не могутъ принимать участія въ выгодахъ пользованія землей. 3) Племенные старѣйшины мало по малу захватываютъ право распоряженія свободной, пустопорожней землей, которую и раздаютъ въ частную собственность [2]).

Въ Западной Европѣ и въ Индіи на распаденіе общины имѣлъ еще вліяніе процессъ, извѣстный подъ именемъ феодализма, въ силу котораго земля, ускользнувъ изъ рукъ общины, попала въ руки не мелкаго земледѣльца, а крупнаго собственника. Процессъ этотъ описанъ докторомъ Landay въ слѣдующихъ чертахъ: король назначалъ своихъ чиновниковъ—гаурграфовъ, должности которыхъ съ теченіемъ времени, при слабости королевской власти, стали передаваться по наслѣдству: сперва

---

[1]) *Wagner*, Lehrbuch der Politischen Oekonomie I B. 1879 p. 701—717.

[2]) *Ковалевскій*, Общин. землевладѣніе, М. 1879 p. 7—15.

съ нѣкоторыми ограниченіями, (подтвержденіемъ королевской власти), а потомъ безусловно. Сперва должность наслѣдовалась въ цѣломъ составѣ; потомъ она стала подлежать раздѣламъ, отчужденіямъ и т. д.; тѣже отношенія устанавливались между гауграфами и центенаріями, этими послѣдними и деканаріями. Съ тѣмъ вмѣстѣ прежніе чиновники превратились въ землевладѣльцевъ, а свободная община, ввѣренная ихъ управленію, въ ассоціацію фермеровъ. Внутренніе распорядки такой ассоціаціи оставались сперва по прежнему самостоятельными, общинными; но потомъ землевладѣлецъ сталъ захватывать въ свое непосредственное распоряженіе пустоши, строить на нихъ бурги, становившіеся средоточіемъ мѣстности, взамѣнъ прежней метрополіи марки, основывать новыя поселенія, въ которыхъ землевладѣлецъ былъ полнымъ господиномъ; положеніе новыхъ поселенцевъ отражалось на положеніи старыхъ; общинныя связи стали распадаться; постепенно вся земля прежде свободной марки перешла въ непосредственное распоряженіе сеньора; а прежде самостоятельные земледѣльцы превратились въ его крѣпостныхъ [1]).

II. Къ литературѣ вопроса о формахъ поземельнаго владѣнія въ древней Руси.

На предшествующихъ страницахъ мы обрисовали въ общихъ чертахъ первичныя формы поземельнаго владѣнія и ихъ дальнѣйшее развитіе у народовъ арійской семьи. Намъ предстоитъ теперь рѣшить вопрсоъ, таковы ли были зачатки поземельнаго владѣнія у русскихъ славянъ, и процессъ развитія этихъ зачатковъ былъ ли таковъ, какъ у другихъ народовъ, или шелъ инымъ, самобытнымъ путемъ. Но прежде чѣмъ перейти къ рѣшенію поставленной задачи, необходимо вкратцѣ разобрать уже существующія по нашему вопросу теоріи, чтобъ избѣгнуть ошибокъ, уже исправленныхъ, и не тратить безполезныхъ усилій на рѣшеніе вопросовъ, уже рѣшенныхъ.

Вопросъ о принадлежности къ той или другой школѣ чрезвычайно важенъ, именно при разсмотрѣніи той первичной эпохи, которая составляетъ теперь предметъ нашего изслѣдованія. Тамъ, гдѣ въ распоряженіи изслѣдователя имѣется оби-

[1]) *Landau* l. c. p. 344—354. *Мэнъ*, Деревенск. общ. Лек. V.

ніе точныхъ данныхъ, — задача его, выбравъ удобный моментъ, сфотографировать жизнь и прикрѣпить ее къ бумагѣ; добросовѣстное изложеніе фактовъ—его первая заслуга. Но о первичной культурѣ восточныхъ славянъ мы имѣемъ очень мало свѣденій, да и то шаткихъ и неопредѣленныхъ. Простое изложеніе ихъ—будетъ представлять только сухой безтолковый перечень, ничего не дающій уму. А умъ человѣческій не довольствуется однимъ наблюденіемъ и запоминаніемъ голыхъ фактовъ; онъ ищетъ въ разнообразіи единства, въ разрозненныхъ фактахъ внутренней связи; стремясь пополнить прорѣхи своего опыта, онъ создаетъ теорію, которая не игнорируетъ фактовъ, но возсоединяетъ ихъ въ одно органическое, осмысленное цѣлое. Мало того, построенная теорія не только удовлетворяетъ потребности человѣческаго ума: она помогаетъ открывать новыя явленія, указывая направленіе, въ которомъ нужно искать ихъ.

Вопросъ о поземельномъ владѣніи тѣсно связанъ съ вопросомъ объ общественномъ бытѣ народа. «Во всѣхъ европейскихъ государствахъ исторія развитія понятія о собственности въ примѣненіи къ недвижимости, къ землѣ, идетъ въ параллель съ исторіей общественнаго права. Всякая перемѣна въ отношеніяхъ владѣльца къ землѣ вызывала перемѣну въ общественныхъ отношеніяхъ и обратно» [1]). Поэтому, при изложеніи ученій данной школы о землевладѣніи, намъ всегда придется касаться вскользь ея воззрѣній на бытъ народа вообще.

Еще одно замѣчаніе. Порядокъ, въ которомъ мы будемъ излагать существующія теоріи по нашему вопросу, правиленъ скорѣе логически, чѣмъ хронологически. Дѣйствительно, въ такомъ именно порядкѣ зарождались различныя направленія въ наукѣ, но разъ возникнувъ, данная теорія не торопится сходить со сцены, уступая мѣсто новымъ; новая теорія можетъ исчезнуть, а старая все продолжаетъ держаться, находя себѣ новыхъ послѣдователей; если взять литературу за извѣстный періодъ, то въ ней можно встрѣтить рядомъ нѣсколько теорій, существующихъ одновременно, но различныхъ по моменту своего зарожденія.

I. Самая ранняя теорія—это теорія заимствованій. Перво-

---

[1]) *Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражд. права 1873 г. р. 121 — 2. *Гладковъ*, О вліяніи обществен. состоянія. М. 1855, р. VII.

начально русская исторія разрабатывалась иностранцами; встрѣчая въ русской жизни явленія, подобныя тѣмъ, какія они наблюдали въ своей отечественной исторіи, они ни мало не задумывались искать причины такого сходства въ заимствованіи; вопросъ о томъ, какъ могло произойти такое заимствованіе, вовсе не интересовалъ ихъ, и они не затруднялись объяснять заимствованіемъ сходство бытовыхъ учрежденій у народовъ, не только не родственныхъ, но даже не сталкивавшихся другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, Русскую Правду выводили изъ права салическихъ франковъ; объясненія термина «вервь» искали у нормановъ, находя въ немъ сходство съ словомъ: «Hwarf» territorium. Несмотря на такое ненаучное объясненіе фактовъ, теорія заимствованій не вымерла еще до сихъ поръ. Такъ напр., одинъ позднѣйшій изслѣдователь еще выводитъ вервь отъ Hwarf [1]). Точно также, сравнительно недавно сдѣлана попытка рѣшить вопросъ о первичномъ землевладѣніи у славянъ по теоріи заимствованій. Маціевскій ищетъ у Свевовъ Цезаря и Тацита зачатковъ славянской общины. «Кромѣ кельтской, говоритъ онъ далѣе, сложилась по германски цивилизація и тѣхъ народовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались Славяне, Литва и т. д.» [2]). Не останавливаясь долго на разборѣ этой теоріи, защитниковъ которой теперь почти не встрѣчается, мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Жизнь народа развивается органическимъ путемъ; правда, на глазахъ исторіи совершился великій фактъ рецепціи римскаго права; но процессъ реципированія закончился послѣ многовѣковой борьбы съ народными учрежденіями. Слагаясь подъ совокупнымъ вліяніемъ императорской власти, духовенства, практиковъ-легистовъ и ученыхъ, процессъ этотъ завершился довольно поздно, когда жизнь успѣла развиться на столько, что стала способной къ воспріятію римскаго права, въ свою очередь ассимилировавъ его и приноровивъ его къ своимъ потребностямъ. Такой борьбы у насъ не было; процессъ развитія народной жизни совершался нормально, и ни о какихъ

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, Общество и государство въ домонгольск. періодъ рус. исторіи, 1872 р. 26.

[2]) *Мацѣевскій*, Голосъ изъ Польши по случаю спора о началѣ и развитіи общины, какъ старослав. вообще, такъ и рус. въ особенности. Рус. Бесѣда 1859, кн. 6, р. 71—72.

заимствованіяхъ въ древней Руси по вопросу о землевладѣніи не можетъ быть рѣчи.

II. Честь первой попытки построить органическую теорію быта восточныхъ славянъ принадлежитъ безспорно Эверсу [3]). По его мнѣнію, основнымъ началомъ, регулирующимъ этотъ бытъ, былъ родъ. Такимъ образомъ, Эверсъ же является родоначальникомъ *родовой теоріи. Онъ говоритъ: князь являлся родовымъ* владыкою своего народа. «Княжеская власть покоилась на томъ самомъ естественномъ принципѣ, какъ и власть семейнаго главы» (p. 301). «Она была проста и безгранична» (ib). «Князь совѣщался съ своею дружиною, какъ патріархъ съ своими ближайшими родичами; но и здѣсь значеніемъ пользовалось единственно мнѣніе князя, какъ тамъ мнѣніе патріарха» (205), народъ же вовсе не участвовалъ въ правленіи (211). Отношенія членовъ княжескаго дома также построялись по родовому принципу: «тронъ или, другими словами, княжеская власть и достоинство находились во владѣніи семьи, принадлежа ей подобно всякому другому имуществу» (48). «Отцу на тронѣ наслѣдовалъ старшій сынъ, а при его несовершеннолѣтіи правилъ государствомъ ближайшій родственникъ; а если такого не было, то мать могла оставаться въ нераздѣльномъ семейномъ владѣніи съ несовершеннолѣтнимъ сыномъ», если только у нея хватало умѣнья управлять семейнымъ имуществомъ (48). Родовой бытъ регулировалъ и частноправныя отношенія. По смерти отца имущество не дѣлилось; братья оставались въ общемъ владѣніи подъ управленіемъ старшаго (17). Что русскіе славяне жили въ родовомъ быту, доказывается, во 1-хъ, существованіемъ общаго владѣнія у другихъ славянскихъ народовъ (цитируетъ Чапловича: Slawonien und zum Theil Croatien — о задругѣ), во 2-хъ, свидѣтельствомъ лѣтописи о «родѣ» («живяху родомъ», «возста родъ на родъ»; Святославъ «имаше за убіенные, глаголя: яко родъ его возьметъ» (78) и въ 3-хъ, умолчаніемъ Рус. Правды о наслѣдствѣ и поземельной собственности (301).

Мысль о родовомъ владѣніи землей развита далѣе Рейцомъ. Подъ начальствомъ своихъ племенныхъ вождей роды расчищали себѣ подъ пашню лѣса; если населеніе умножалось, то «обшир-

---

[3]) *Ewers*, Das älteste Recht der Russen 1826. Страницы цитируются въ текстѣ.

ная страна представляла довольно мѣста для новыхъ поселеній». Поэтому «въ древнѣйшее время, кажется, не было никакого раздѣленія земли... роды жили между собою въ союзѣ, обработывали не болѣе, какъ сколько было нужно для жизненныхъ потребностей, общими силами, и такъ къ чему послужил о бы дѣленіе?» [1]).

Благодаря трудамъ Эверса и Рейца, родовая теорія получила довольно опредѣленную физіономію. Послѣдующіе ученые, Соловьевъ [2]), Кавелинъ [3]) и Никольскій [4]), только развили ея основныя начала. По ихъ мнѣнію, славяне дѣлились на племена, образовавшіяся путемъ нарожденія, которыя въ свою очередь слагались изъ родовъ; роды составляли совокупность близкихъ и дальнихъ степеней родства, и жили особною жизнью подъ неограниченнымъ управленіемъ родоначальниковъ. Съ размноженіемъ роды приходятъ во взаимныя столкновенія, начинаются родовыя ссоры, для умиротворенія которыхъ приглашаются князья; тогда политическая жизнь родовъ исчезаетъ; но внуренняя жизнь родовъ остается неизмѣнной, построяясь по прежнему на кровныхъ началахъ. Мало того, сами призванные князья въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ заражаются родовою атмосферою. Только постепенно вымираетъ въ народномъ быту родовое начало [5]). По Соловьеву оно исчезаетъ при Ярославѣ I, по Никольскому въ концѣ 12 и началѣ 13 столѣтія [6]), а по Кавелину «кровное начало опредѣляетъ собою весь древнѣйшій періодъ русской исторіи»... Только «реформа Петра Великаго бросила на нашу почву первыя сѣмяна иного быта» [7]). «Какъ со-

---

[1]) *Рейцъ*, Опытъ исторіи россійск. государ. и гражд. законовъ. Перев. Морошкина p. 10—11; p. 68.

[2]) *Соловьевъ*, Исторія т. I. Его же Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. 1847.

[3]) *Кавелинъ*, Юридич. бытъ древней Россіи» и разборъ книги Терещенко «Бытъ русскаго народа».

[4]) *Никольскій*, О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ рус. правѣ. 1859.

[5]) *Чичеринъ*, Обз. сельск. об. Рус. Вѣст. 1856 № 3 p. 378 доводитъ родъ только до призванія князей.

[6]) *Никольскій* l. c. p. 161.

[7]) *Кавелинъ*, Бытъ рус. народа, Собр. соч. т. IV p. 82, 591.

знаетъ первобытный человѣкъ самого себя, такъ сознаетъ онъ и свое имущество; самъ онъ нераздѣльная часть своей общины, и имущество его нераздѣльно отъ имущества общины» [1]). Родовой бытъ обусловливалъ общую нераздѣльную собственность, и на оборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода» [2]). Составляя достояніе всего родоваго союза, родовая собственность находилась въ завѣдываніи родоначальника. Каждый изъ членовъ рода могъ получать изъ общаго имущества извѣстную долю сообразно своимъ потребностямъ, величинѣ общаго достоянія и степени родоваго старѣйшинства [1]). Предметами общей собственности рода были сперва только движимыя имущества, по отношенію же къ недвижимымъ имуществамъ было только фактическое обладаніе. Земли было много, и роды пользовались ею, какъ другими стихіями, воздухомъ, водой и т. д. Только позднѣе, по мѣрѣ размноженія родовъ и ихъ взаимныхъ столкновеній, начинается сознательное освоеніе земли и наложеніе на нее межевыхъ знаковъ» [1]). Изъ родоваго владѣнія землей образовалась съ одной стороны община, съ другой—родовыя имущества служилыхъ людей.

Мысль о родовомъ характерѣ первичнаго замлевладѣнія у славянъ легла въ основу большинства излѣдованій о поземельной собственности по русскому праву. Приведемъ на выдержку нѣсколько цитатъ.

«Поелику земля была велика и обильна, говоритъ Морошкинъ, то собственность недвижимая состояла въ общемъ родовомъ владѣніи» [3]).

«Согласно характеру славянской *семьи*, говоритъ Тюринъ, имущество принадлежало не только одному отцу, но было нераздѣльнымъ достояніемъ *всего семейства*. Сожительство семьи продолжалось у нихъ и послѣ отца, а имущество продолжало быть нераздѣльнымъ, и такимъ образомъ возникало *родовое совладѣніе*. Распоряженіе имуществомъ рода принадлежало по пре-

---

[1]) *Никольскій* l. c. p. 37, 116, 119 etc.

[2]) *Соловьевъ*, Исторія т. I (1851 г.) p. 54.

[3]) *Морошкинъ*, О владѣніи по началамъ рос. законодательства, М. 1837. p. 90.

имуществу старѣйшинѣ, тѣмъ не менѣе однакоже не было исключительною его собственностью» [1]).

Станиславскій замѣчаетъ, что «въ древнѣйшее, по крайней мѣрѣ, время... земля составляла предметъ общаго владѣнія цѣлаго рода» [2]).

Чичеринъ также предполагаетъ существованіе у насъ въ древности родоваго владѣнія. «Съ племенемъ неразлученъ и родъ; это меньшая единица. А гдѣ есть родъ, тамъ есть и родовая собственность», остатокъ которой представляетъ выкупъ родовыхъ имуществъ [3]).

Энгельманъ предполагаетъ, что спервоначалу было у насъ родовое землевладѣніе, пространство котораго опредѣлялось мѣрою фактическаго владѣнія и пользованія землей [4]).

Побѣдоносцевъ говоритъ: «земли было много, славяне жили родами... По всей вѣроятности, владѣніе принадлежало роду, каждый родъ разселялся по удобству, и владѣніе «по старинѣ», или по первому занятію, послужило естественнымъ началомъ для разрѣшенія столкновеній» [5]).

Число этихъ цитатъ можно было бы увеличить еще нѣсколькими, но и приведенныя указываютъ на общераспространенность родовой теоріи.

Между тѣмъ, въ настоящее время противъ тѣхъ трехъ доказательствъ, которыя высказаны еще Эверсомъ и на которыхъ зиждется все зданіе родовой теоріи, выставлены серьезныя возраженія [6]).

Прежде всего замѣтимъ, что самое предположеніе о существованіи родоваго быта у русскихъ славянъ въ эпоху ихъ исторической жизни—неправильно. Родъ—клѣточка постоянно движу-

---

1) *Тюринъ*, Общественная жизнь и зем. отношенія въ древ. Руси. Библ. для Чтенія 1849. p. 46.

2) *Станиславскій*, Изслѣдованіе началъ огражденія имущ. отнош. Сбор. Мейера 1855 p. 173.

3) *Чичеринъ*, Обзоръ историч. разв. сельск. общины. Р. В. 1856, 3 p. 877.

4) *Энгельманъ*, О пріобрѣтеніи права собственности. 1859. p. 6.

5) *Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражд. права 1873. p. 122.

6) *Аксаковъ*, См. ниже. *Турчиновичъ*, О поземельн. собственности... 1853. *Леонтовичъ*, Общинно-задр. б. 1. с. гл. I.

щаяся и встрѣчается только у кочевыхъ народовъ, тогда какъ исторія застаетъ славянъ въ эпоху ихъ осѣданія и полнаго развитія колонизаціи; ей не знакомъ типъ славянина-кочевника; она знаетъ его только, какъ мирнаго колонизатора, лишь изрѣдка берущагося за оружіе.

Родовая теорія основывается на словѣ родъ, какъ его употребляетъ Несторъ, тогда какъ у Нестора оно не имѣетъ строгаго, точно установившагося смысла, обозначая то рожденіе, семью и народъ, то происхожденіе, общественный разрядъ и сословіе.

Умолчаніе Рус. Правды о недвижимой собственности и наслѣдствѣ, которое приводитъ Эверсъ въ подкрѣпленіе своей теоріи, дѣйствительно указываетъ на общее обладаніе имуществомъ; но кто былъ субъектомъ этого общаго обладанія—родъ, задруга или сельская община, это нужно еще доказать.

Наконецъ, родовая теорія ссылается на другихъ славянъ, у которыхъ еще понынѣ существуютъ родовыя формы быта. Но всѣ, приведенные нами раньше факты убѣждаютъ насъ въ противномъ. Славяне не знаютъ родоваго союза, строящагося на кровныхъ принципахъ, съ неограниченною властью родоначальника и порабощеніемъ остальныхъ членовъ; всюду у нихъ мы встрѣчаемъ начала равноправія и территоріальнаго сожительства.

Родовики, можетъ быть, сами понимали, что факты дѣйствительной жизни не совсѣмъ-то укладываются въ рамки ихъ теоріи; но такое несогласіе они объясняли неопредѣленностью первичныхъ бытовыхъ формъ. Замѣчая, что, на ряду съ ихъ ученіемъ безграничной власти старѣйшинъ и принадлежности имъ родовой собственности, факты говорятъ о преобладающей роли семейнаго союза, передъ которымъ домовладыка низводился на степень простаго управителя, они обходили это противорѣчіе такого рода фразами: «родъ, говорятъ они, представлялъ замкнутое цѣлое, устроенное по началамъ естественнаго, физіологическаго родства, въ его самомъ грубомъ, неопредѣленномъ видѣ. Оттого рѣзкія противорѣчія уживались одно возлѣ другаго въ отношеніяхъ между членами семьи или рода»[1]). Правиль-

[1]) *Кавелинъ,* Бытъ рус. народа 1. с. р. 84.

нѣе было бы сказать, что эти противорѣчія и неопредѣленность существовали не въ жизни, а въ ихъ теоріи!

Опредѣляя родъ въ строгомъ значеніи этого термина, нельзя было искать его у рус. славянъ; противорѣчіе между фактомъ и теоріей выходило бы тогда рѣзко наружу, приходилось или отказаться отъ теоріи, или затушевать какъ нибудь противорѣчіе шаткостью и двусмысленностью выраженій. Родовики избрали послѣдній путь, немилосердно смѣшивая семью и родъ. Такъ дѣлаетъ Тюринъ, какъ мы видѣли изъ приведенной выше цитаты; такъ дѣлаетъ Кавелинъ, ставя рядомъ семью и родъ, какъ будто это однородныя, а не взаимно-исключающія понятія; у Никитскаго неопредѣленность выраженій доходитъ до того, что онъ отождествляетъ родъ, то съ семьей, то съ общиной, то съ государствомъ [1]). Наконецъ, нѣкоторые родовики, для спасенія своей теоріи, конструируютъ искусственное понятіе фиктивнаго рода (Никитскій 1. с. Хлѣбниковъ [2]). Уже необходимость прибѣгать къ такого рода пріемамъ указываетъ на слабость родовой теоріи.

III. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ теорія родоваго быта встрѣтила безпощаднаго критика въ лицѣ К. Аксакова, выступившаго со статьею: «о древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности». Основываясь на свидѣтельствахъ современниковъ, изслѣдованіяхъ Губе, обычномъ правѣ русскаго народа, лингвистическихъ изысканіяхъ и пр., Аксаковъ приходитъ къ убѣжденію, что общественныя отношенія у славянъ построялись не по родовому, а по общинному принципу, а въ частноправномъ быту фигурировала семья, построявшаяся не столько по физическому, сколько по экономическому началу, въ видѣ хозяйства, артели. «Русская земля, заканчиваетъ Аксаковъ, была изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля» [3]).

Своею статьею Аксаковъ положилъ начало новой теоріи общиннаго быта. Самъ онъ намѣтилъ ея общее направленіе, которое развито было затѣмъ Лешковымъ и Бѣляевымъ.

---

[1]) *Никольскій*, Теорія родоваго быта въ древ. Руси. Вѣст. Ев. 1870 № 8.

[2]) *Хлѣбниковъ*, Рус. народъ и государство въ до-монгольскій періодъ.

[3]) *Аксаковъ*, въ Московскомъ Сборникѣ т. I. 1852. р. 139.

Общинной теоріи несправедливо дѣлается упрекъ, что она въ своихъ возраженіяхъ родовикамъ дошла до того, что стала *отрицать существованіе, когда бы то ни было, рода у славянъ.* Признавая существованіе рода у всѣхъ народовъ, она признаетъ его и у русскихъ славянъ, прибавляя, что онъ долженъ былъ распасться при самомъ занятіи территоріи и ассимиляціи финскихъ племенъ [1]). Не восточные славяне вообще, а только уже осѣвшіе, колонизующіе страну, не знали родоваго быта.

Родъ смѣнился территоріальной общиной. Не начала физіологическія, кровныя, а начала общаго сожительства на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ — *придавали* фондъ народной жизни. Община построялась на принципѣ самоуправленія, по общей думѣ и уговору всѣхъ равноправныхъ членовъ свободнаго народа; старшина былъ только ея представителемъ. Изъ нѣсколькихъ вервей, общинъ, связанныхъ пространственно, слагались волости и земли. Но общины не были способны къ поддержанію общиннаго наряда; постоянныя междусоюзныя усобицы повели къ призванію князей. Община утрачиваетъ свою политическую роль и низводится на степень хозяйственно-административной единицы [2]). Поправка позднѣйшихъ изслѣдователей состоитъ въ указаніи на дальнѣйшую политическую дѣятельность общины въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Какъ же сложились поземельныя отношенія у восточныхъ славянъ по теоріи общиннаго быта?

«Союзъ, скрѣплявшій славянъ въ этнографическое единство, долженъ былъ въ соприкосновеніи съ почвой Руси стѣснить и ограничить частную собственность, долженъ былъ родить общинное владѣніе въ землѣ Русской... съ первой минуты осѣдлости». «Первою ступенью осѣдлости» народа была вервь (*«географическая община»*). Она *«составляла пространную многолюдную и богатую средствами общину»*. Члены верви получали отъ нея свои участки, неся за это общинныя повинности... «Занятые участки назывались удѣлами, участками, и по своему ра-

венству или тожеству раздавались по жеребью; было все равно, какой участокъ кому не достанется; посему участки иначе назывались жеребьями. Эти жеребьевые участки раздѣлялись всѣмъ желавшимъ; всѣ члены имѣли право на жеребьи или участки; община была рада числу своихъ владѣющихъ членовъ» [1]).

Такимъ образомъ, первичной формой политическаго и отчасти частноправнаго быта (въ поземельныхъ отношеніяхъ), въ эпоху осѣданія восточныхъ славянъ, была вполнѣ организованная, географическая община, владѣющая всею занимаемою землею и предоставляющая своимъ членамъ равномѣрное пользованіе ею по жеребью. Какъ совершился такой рѣзкій скачокъ отъ рода, съ его началами неравенства и всевластія старѣйшинъ, къ свободной и равноправной общинѣ,—общинная теорія не старается объяснить. Она явно нарушаетъ начало постепенности, основной законъ историческаго развитія; сложныя, вполнѣ организованныя формы быта являются у нея на первыхъ, робкихъ шагахъ исторіи, безъ всякихъ предшествующихъ ступеней развитія. Общинная теорія свободно переноситъ учрежденія позднѣйшаго времени на первичныя эпохи. Она беретъ конечный результатъ развитія и, забывая о предшествующихъ стадіяхъ продолжительной борьбы и постепеннаго вырабатыванія новыхъ формъ, она отбрасываетъ лѣстницу, по которой народная жизнь добиралась до болѣе сложныхъ учрежденій, и остается такимъ образомъ висящею въ воздухѣ.

Первые представители общинной теоріи были славянофилы, которые выдвинули положеніе о самобытности русской общины, положеніе на столько любопытное, что мы считаемъ необходимымъ вскользь разсмотрѣть его здѣсь.

«Община въ томъ размѣрѣ, какъ ее создалъ русскій народъ, составляетъ въ исторіи человѣчества.... новую стихію». «Мы имѣемъ здѣсь передъ собою новое общественное начало, вступающее въ исторію человѣчества». «Самородное произведеніе коренной внутренней стихіи славянскаго быта и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, русская община... составляетъ... великій шагъ въ развитіи человѣческаго общества».

---

[1]) *Лешковъ*, Русскій народъ и государство, М. 1853 p. 94, 110, 114, 116—117.

Положивъ въ основу своей теоріи гегелевскія, логическія категоріи и ученіе о проявленіи различныхъ сторонъ всеобъединяющаго міроваго духа въ исторіи различныхъ народовъ, *славянофилы* выставляютъ слѣдующую теорію: «Древній міръ былъ міръ невольничества... Міръ западно-европейскій выработалъ личную свободу, но лишь одну личную свободу безъ вещественной основы... Русскій міръ, осуществляя исконнее стремленіе всего славянскаго поколѣнія, пытается идти выше и дальше... Понятіе о свободѣ, вносимое русскимъ народомъ въ развитіе человѣчества, выше и шире того, которое выработано было до сихъ поръ другими народами: ибо оно къ праву быть свободнымъ прибавляетъ дѣйствительную возможность пользоваться этимъ правомъ; свободѣ личной, праву отвлеченному, оно стремится дать вещественную основу» [1]).

Созидая свою теорію на мистическомъ началѣ какого-то самобытнаго народнаго духа, славянофилы сами преграждали себѣ путь къ дальнѣйшему плодотворному изученію бытовой исторіи русскаго народа. Разъ изслѣдователь имѣетъ дѣло съ духомъ, онъ не долженъ думать объ объясненіи встрѣчающихся ему новыхъ явленій: «духъ» все объясняетъ, за все дѣлается отвѣтственнымъ. Какъ теорія заимствованій, наталкиваясь въ русской исторіи на явленія, сходныя съ таковыми же у другихъ народовъ, *не долго думая, объявляла ихъ чужеродными* учрежденіями, пересаженными изъ-далека какой-то чудодѣйной силой на русскую почву, такъ и славянофилы, замѣчая въ русскомъ быту новое, при извѣстномъ состояніи знанія, явленіе, съ налету объявляли его продуктомъ самобытнаго духа,—дальше идти было некуда и незачѣмъ. Какъ ни противоположны другъ другу эти двѣ школы по своимъ тенденціямъ, онѣ сходятся другъ съ другомъ по крайней простотѣ научнаго мышленія. При такихъ пріемахъ о внимательномъ изученіи фактовъ *нечего* и думать; открывается обширная область для фантазій и словопреній.

Принимая, что каждый народъ призванъ осуществить въ своей исторіи особую, ему присущую, миссію, что ходъ разви-

---

[1]) *Гильфердингъ*, День № 10 и 11 1865 г. О сельской общинѣ № 10 p. 249—250. См. *Аксаковъ*, О древнемъ бытѣ etc. «Устройство (семьи), съ чѣмъ *нельзя не согласиться, оригинальное, самобытное*» p. 94—98.

тія каждаго народа совершенно своеобразенъ, представляя одну изъ сторонъ великаго процесса развитія міроваго духа, славянофилы отрекались отъ историко-сравнительнаго метода, представляющаго такое могучее орудіе въ рукахъ новѣйшаго изслѣдователя.

Какъ взглядъ славянофиловъ, признающій въ каждомъ народѣ отдѣльную, самобытную индивидуальность, такъ и противоположный, видящій въ немъ продуктъ внѣшнихъ условій,—крайности и оба невѣрны. Современная соціологія признаетъ извѣстную схему развитія, черезъ которую проходитъ каждый народъ, причемъ отклоненія отъ этой схемы, отъ средняго соціологическаго типа, объясняются вліяніемъ историческихъ и естественныхъ условій, усложняющихъ этотъ типъ и придающихъ каждому народу особый индивидуальный оттѣнокъ. Задача науки—вскрыть въ каждомъ народѣ этотъ средній типъ и дать достаточное объясненіе осложняющимъ его отклоненіямъ. Методъ ея—историко-сравнительный, изученіе исторіи даннаго народа въ связи съ исторіей другихъ народовъ, причемъ чѣмъ больше народовъ сдѣлано объектомъ наблюденія, тѣмъ меньше вѣроятности ошибочныхъ заключеній, тѣмъ цѣннѣе сдѣланные выводы.

IV. Новую теорію, избѣгающую ошибокъ своихъ предшественницъ и удовлетворяющую выставленному выше принципу современной соціологіи, представляетъ теорія задружно-общиннаго быта. Высказанная проф. Леонтовичемъ намекомъ еще въ 67 году [1]), она недавно подробнѣе развита имъ въ приложеніи къ политическому быту древней Руси [2]).

«Каждый народъ, какъ политическій организмъ, проходилъ опредѣленныя стадіи развитія», обнаруживалъ «одинъ и тотъ же неизмѣнный законъ образованія цѣлаго политическаго тѣла изъ сочлененія и осложненія основныхъ политическихъ клѣточекъ». На каждой изъ стадій развитія «возникалъ и укоренялся въ теченіи долгаго историческаго процесса одинъ изъ основныхъ, неразложимыхъ и неотъемлемыхъ элементовъ политической жизни: элементъ личный, физіологическій... мѣстный, тер-

---

[1]) *Леонтовичъ*, О значеніи верви по Рус. Правдѣ и Полицкому статуту Ж. М. Н. П. 67 г. т. 134; р. 1—17.

[2]) *Его-же*, Общинно-задружный характеръ полит. быта древ. Руси Ж. М. Н. П. 1874, № 6, 7, 8.

риторіальный и... связующій правящій», изъ которыхъ каждый вызывалъ «особыя политическія формы народной жизни, особыя политическія клѣточки», родъ, общину и государство.

Первичной формой человѣческаго общежитія является жизнь племенная, кровная, жизнь въ родѣ. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій роды распадаются на семьи, «въ которыхъ нужно видѣть зародышъ задругъ», въ свою очередь развивающихся въ территоріальныя общины. Путемъ постепенной колонизаціи образуются союзы территоріальныхъ общинъ, волости, жупы; сталкиваясь между собой, они приглашаютъ, для устраненія неурядицъ и успѣшнаго продолженія колонизаціи, князей-нарядниковъ. Отношенія князей между собою, къ народу и дружинѣ строятся по задружнымъ началалъ [1]).

Исторія застаетъ славянъ уже по разложеніи родоваго быта; на первой ступени задружно-общинной колонизаціи образуются хуторки, погосты и волостки; на второй стадіи «постепенно организуются изъ нихъ большіе территоріальные союзы, земли, волости и княжества»; наконецъ 3 ступень, которую можно начинать съ XI вѣка, «характеризуется полнымъ упроченіемъ и законченностью колонизаціи, образованіемъ политически-самобытныхъ областей и земель» [2]).

Изложенная теорія касается только политическаго быта древней Руси; вопроса *о частноправныхъ отношеніяхъ*, а слѣдовательно и вопроса о формахъ землевладѣнія, она спеціально не затрогиваетъ. Но что и въ этой области она имѣетъ обширное приложеніе, докажутъ послѣдующія соображенія.

Задружно-общинная теорія, какъ мы уже упоминали выше, избѣгаетъ ошибокъ своихъ предшественницъ и является болѣе правильною, при современномъ состояніи нашихъ знаній въ этой области права. Она не видитъ, подобно славянофиламъ, въ каждомъ народѣ отдѣльной индивидуальности, *самобытнаго организма*, развивающагося по своимъ особнымъ законамъ. Она не навязываетъ ему никакихъ *цѣлей впереди*, никакихъ миссій, которыя ему якобы предстоитъ внести въ исторію человѣчества. Она выставляетъ общую схему развитія, которую долженъ

---

[1]) *Леонтовичъ,* Задружно-общ. харак. Іюль р. 127—128, 138 etc.

[2]) *Его же,* Рецензія на соч. Самоквасова «Древніе города въ Россіи», *Сборн. Госуд. Зн.* 1875 г. II р. 87.

пройти всякій народъ; основныя клѣточки общи всѣмъ народамъ, и индивидуальность каждаго народа выразится не въ созданіи иныхъ основныхъ клѣточекъ, даже не въ измѣненіи ихъ послѣдовательности, а въ ускореніи или замедленіи процесса развитія и въ своеобразномъ осложненіи первичныхъ клѣточекъ подъ вліяніемъ историческихъ и естественныхъ условій; и на оборотъ, сходство въ учрежденіяхъ двухъ народовъ объясняется не заимствованіями, а одинаковостью процесса развитія для всѣхъ народовъ, хотя, конечно, тамъ и сямъ могутъ быть и случаи заимствованій у народовъ, весьма близко соприкасающихся другъ съ другомъ. Задружно-общинная теорія не ищетъ объясненія бытовыхъ явленій во внѣшней, *впереди* стоящей *цѣли*; она ищетъ ихъ *позади*, въ *причинной* связи съ предшествовавшими бытовыми формами.

Задружно-общинная теорія не смѣшиваетъ такъ безпощадно различныхъ учрежденій, какъ это дѣлаютъ родовики; ей нельзя сдѣлать упрека въ неясности и двусмысленности опредѣленій. Выставивъ свои основныя бытовыя клѣточки, она настаиваетъ на ихъ строгомъ разграниченіи. «Родовыя, общинныя и государственныя формы, при органическомъ ихъ развитіи, никогда не смѣшиваются одна съ другимъ. Нѣтъ и не можетъ быть ни общиннаго или государственнаго рода, ни родовой или государственной общины, а тѣмъ менѣе родоваго или общиннаго государства» [1]). Не отрицая существованія рода, задружно-общинная теорія отводитъ ему подобающее, скромное мѣсто въ исторіи народа; родъ существовалъ у славянъ въ эпоху ихъ кочевой жизни и распался при ихъ осѣданіи. Но она отнюдь не придаетъ роду того значенія, какимъ онъ пользовался у родовиковъ, видѣвшихъ въ Россіи родовой строй даже вплоть до Петра I, внесшаго новое государственное начало. Между родомъ и государствомъ задружная теорія находитъ еще нѣсколько посредствующихъ звѣньевъ.

Наконецъ, она не дѣлаетъ такихъ скачковъ и не нарушаетъ въ такой степени закона исторической постепенности, какъ это дѣлаютъ представители общинной теоріи. Она начинаетъ съ простѣйшихъ формъ, слѣдитъ за ихъ постепеннымъ развитіемъ и только въ результатѣ длиннаго историческаго про-

---

[1]) *Леонтовичъ*, Задружно общ. хар., ст. 2 р. 150.

цесса получаетъ тѣ *сложныя учрежденія, которыя у общинниковъ* сразу вполнѣ готовыми выскакиваютъ на арену исторіи, словно Аѳина изъ головы Юпитера.

Задружно-общинная теорія имѣетъ еще мало послѣдователей; упомянемъ о тѣхъ, которыхъ мы знаемъ.

Принимая теорію Ѳ. И. Леонтовича, г. Бестужевъ-Рюминъ въ своей исторіи замѣчаетъ: «основою общественнаго развитія славянъ послужила семейная община (вервь, задруга), соединенная отчасти *общимъ происхожденіемъ и еще болѣе общимъ* сожительствомъ, общимъ землевладѣніемъ и своимъ собственнымъ судомъ въ своихъ предѣлахъ. Общины территоріальныя могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ» [1]).

Довольно близко къ задружно-общинной теоріи подходитъ Забѣлинъ, построившій теорію «братскаго рода»; слово родъ употреблено довольно некстати, потому что въ немъ нѣтъ и помину *о единовластія родоваго владыки. «Братскій родъ, говоритъ* авторъ, по своей природѣ, представлялъ такую общину, гдѣ первымъ и естественнымъ закономъ жизни было братское равенство»; онъ находился подъ управленіемъ старшаго или способнѣйшаго брата, который былъ вполнѣ зависимъ «отъ общаго братскаго совѣта». «Владѣніе землею со всѣми ея угодьями принадлежало всему роду» [2]). Не смотря на справедливость этихъ замѣчаній, авторъ смѣшиваетъ задругу съ родомъ и потому *приходитъ* зачастую *къ неправильнымъ заключеніямъ.*

Такое-же смѣшеніе понятій обнаруживаетъ г. Евреинова въ заключительныхъ словахъ своего реферата «о задружномъ началѣ». Въ нашей русской коренной крестьянской семьѣ, говоритъ она, найдемъ слѣды того, что въ родовомъ бытѣ нашихъ прадѣдовъ лежало въ основѣ,—то-же задружное начало, развиваться которому, впрочемъ, предназначено было въ другой формѣ сожительства, именно въ нашей русской общинѣ и польской opole, а главнымъ образомъ въ формѣ производства, я разумѣю, въ артели [3]).

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, Рус. Исторія т. I, 1872, р. 42. 43—44.

[2]) *Забѣлинъ*, Ив. Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ, ч. I, М. 1876 р. 254 6.

[3]) *Евреинова*, Задруж. нач., Юр. Вѣст. 1. с. р. 15.

Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы упоминаемъ объ изслѣдованіи А. Я. Ефименко, которое полно и оригинально развиваетъ задружно-общинную теорію. Авторъ указываетъ, что нѣмецко-маурeровская теорія неправильно принимаетъ описываемыя ею формы поземельной общины за первичныя; для нѣмцевъ какой нибудь десятый вѣкъ—эпоха сравнительно поздняя, такъ какъ жизнь на западѣ развивалась быстрѣе, чѣмъ у насъ, гдѣ въ X вѣкѣ жизнь только что начиналась. Поэтому, желая изучить первичныя формы поземельныхъ отношеній, мы должны обратиться къ исторіи русскаго землевладѣнія, откуда мы можемъ почерпнуть богатый матеріалъ для изслѣдованія. Средствомъ для этого могутъ служить веревныя книги 16 и 17 вв., т. е. подворныя записи крестьянъ для раскладки податной тяготы, до сихъ поръ къ сожалѣнію не обращавшія на себя ничьего вниманія и постепенно пропадающія безслѣдно для науки. Пользуясь такимъ матеріаломъ, г-жа Ефименко приходитъ къ заключенію, что «финскій сѣверъ... колонизовался семейными союзами, соотвѣтствующими сербской задругѣ». Первоначально поселокъ состоялъ изъ одной семейной общины (печища), которая постепенно дробится на отдѣльные дворы; при дробленіи каждый членъ ея получалъ свой «повытокъ» въ каждой полевой смѣнѣ и могъ требовать передѣла, въ случаѣ недовольства первымъ раздѣломъ. Впрочемъ, семейная община почти никогда не дѣлилась окончательно «до тла». Въ общемъ владѣніи оставалось что-либо изъ движимаго или недвижимаго имущества. Только въ 17 и 18 вѣкахъ ослабляется на сѣверѣ господство печищныхъ формъ землевладѣнія, и на сцену выступаютъ мелкія семьи современнаго типа. Развитіе поземельныхъ отношеній на сѣверѣ можетъ служить прототипомъ процесса развитія землевладѣнія вообще. Такимъ образомъ, генезисъ территоріальной общины кроется въ задругѣ. Это не значитъ еще, «что каждая деревня была соединеніемъ такихъ родственниковъ; но это была основная схема, въ которую укладывались всякія отношенія» [1]).

V. Въ послѣднее время была высказана новая теорія. Примыкая по своимъ воззрѣніямъ на общій бытовый фонъ древне-

[1]) *А. Я. Ефименко*, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, Рус. Мысль 1882, № 4 и 5.

русской жизни къ школѣ общинниковъ, — она иначе рѣшаетъ вопросъ о первичныхъ формахъ землевладѣнія. Русская община, говорили общинники, созданная духомъ и жизнью русскаго народа, сохранила съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней тѣ черты, коими она отличается отъ западно-европейскихъ общинъ, —это передѣлы земли и общинное самоуправленіе: «Были-ли въ древней Россіи большіе поселки, сколь много ихъ было — это къ дѣлу не относится, ибо общины могутъ равно существовать, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ деревняхъ» [1]). Слѣдовательно общинная теорія, наблюдая великорусскій типъ деревенской общины, цѣликомъ переносила его въ первичныя эпохи, отрицая такимъ образомъ всякій прогрессъ въ жизни общины и *обрекая ее на тысячилѣтній застой. Новая теорія принимаетъ*, что деревенскій типъ общины съ передѣлами есть только продуктъ позднѣйшихъ условій, что первичной формой была только волостная община, развитіе и распаденіе которой совершалось аналогично съ таковыми-же явленіями въ западной исторіи (описанныя Мауреромъ, Нассе и др.), а не особнымъ, самобытнымъ путемъ.—Въ то время, какъ первая теорія стороною къ нашему вопросу можетъ быть названа общинно-деревенскою, *вторая будетъ носить названіе общинно-волостной.*

Подобно тому, какъ первая исходитъ изъ наблюденій надъ велико-русской общиной центральныхъ губерній, послѣдняя опирается на наблюденіи надъ общиной нашихъ сѣверныхъ окраинъ. Г. Л-шу (Лалошу) [2]) удалось наблюдать въ Олонецкой губерніи два типа общины. И тотъ и другой составляютъ совокупность нѣсколькихъ поселковъ. Первый типъ, гдѣ каждый домохозяинъ пашетъ столько земли, сколько ему подъ силу, и пользуется имъ совершенно *самостоятельно, какъ землевладѣлецъ*; впрочемъ это только съ виду; на самомъ дѣлѣ онъ—общинникъ и находится въ полной зависимости отъ «міра», который всегда можетъ ограничить или даже лишить его права на землю, ради общаго интереса; второй типъ, — гдѣ болѣе плодородныя и наиболѣе воздѣланныя земли подвергаются періодическому пе-

---

[1]) Выводы, сдѣланные *Кошелевымъ* изъ возраженія Бѣляева Чичерину «О сельск. общ.», Р. Бес. 56, 1 р. 146—7.

[2]) *Ал. Л-шъ*, Община въ Олонецкой г-іи, Отеч. Зап. 1874. 2, р. 227—9.

редѣлу, а вся остальная земля находится въ пользованіи сообщинниковъ по праву перваго захвата. Третьимъ типомъ можно считать великорусскую общину, гдѣ почти каждое селенье образуетъ отдѣльную поземельную единицу, съ періодически передѣляемыми пашнями и лугами и общими выгонами и лѣсами. Развитіе общины совершается въ постепенномъ движеніи отъ перваго типа къ третьему.

Эта гипотеза, принятая и подтвержденная многочисленными цитатами изъ писцовыхъ книгъ — П. А. Соколовскимъ, была приложена имъ къ объясненію исторіи сѣверной общины въ Московскую эпоху. Не смотря на неодобрительное отношеніе къ теоріямъ, Соколовскій самъ высказываетъ теорію для объясненія нашей древнѣйшей эпохи, скудной историческими свидѣтельствами.

«Волости-общины, говоритъ онъ, по своему происхожденію относятся къ самому раннему періоду исторіи русскаго народа, ко времени первой культуры страны. Въ основѣ ихъ лежали первоначально родовыя отношенія, впослѣдствіи уступившія мѣсто исключительно договорнымъ»[1]). Подъ волостною общиною нужно разумѣть вообще группу селеній, владѣвшихъ сообща извѣстнымъ пространствомъ земли, независимо отъ количества и величины поселковъ, входящихъ въ составъ этой группы, равно какъ и ихъ взаимнаго отношенія»[2]). Одна часть земли находилась въ общемъ пользованіи селъ, деревень и починковъ, составлявшихъ волость. Изъ первой части волость раздавала участки земли новымъ поселенцамъ, предоставляя имъ нѣкоторыя льготы, или отдавала ихъ въ аренду. Община-волость покупала и мѣняла земли; она-же защищала поземельныя права своихъ членовъ. Но потомъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, община-волость распалась, и на ея мѣсто выступила деревенская община. XVI вѣкъ застаетъ только обломки первой[3]).

---

[1]) *Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельск. общины на сѣверѣ Россіи П. 877 р. 66. Сперва печат. въ «Знаніи».

[2]) *Его-же*, Экономич. бытъ землед. населенія Россіи и колонизація юговосточ. степей передъ крѣпостнымъ правомъ П. 1878 и р. 135; 1-я часть болѣе подробное изложеніе предыдущей книги.

[3]) *Его-же*, Очеркъ исторіи р. 67—73.

Туже теорію съ нѣкоторыми варіаціями развиваетъ П. Ефименко. Если теорія проф. Леонтовича названа задружно-общинною, то теорію г. Ефименко слѣдуетъ назвать общинно-задружною. Мы имѣемъ, впрочемъ, еще только формулировку, а не подробное развитіе ея. «Каждая вервь (родовая община, соотвѣтствующая маркѣ), говоритъ г. Ефименко, сначала владѣла землей пахотной и сѣнокосной сообща. Потомъ земли верви раздробились между печищами, причемъ всѣ члены печища владѣли ею нераздѣльно, не раздробляя ея между собою; пастбища-же и лѣса по прежнему оставались въ общемъ владѣніи верви». Въ эпоху Русской Правды «вервь складывалась изъ отдѣльныхъ маленькихъ, но значителько разбросанныхъ деревень, которыя назывались огнищами или печищами, и находились, подобно западно славянской задругѣ, подъ управленіемъ старѣйшинъ, называвшихся огнищанами или печищанами. Затѣмъ появилась частная поземельная собственность въ печищахъ» [1]).

Изложенныя теоріи въ сущности страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, что и общинная. Онѣ также берутъ сложный типъ

---

[1]) *Ефименко* П. Юридическіе знаки. Ж. М. Н. Пр. 1874, кн. 9, 10, 11, кн. 12, р. 281. Приведемъ кстати цитату изъ Ткалца, доказывающую, что мысль о распаденіи сельской общины на задруги была извѣстна за долго до Лавеле и другимъ писателямъ. *Tkalac.* Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbiens. 1858 «Es ist kaum zweifelhaft, dass ebenso wie das Hausgemeindheits verhältniss, so auch die ursprüngliche Organisation der serbischen Gemeinde jener der russischen analog war, und dass in Serbien wie in Russland, die Gemeinde der ursprüngliche Eigenthümer alles Grundes und Bodens in ihrer Gemarkung gewesen sei, welcher einer periodischen Theilung nach der Anzahl der volljährigen Gemeindegenossen unterworfen war. Dieses Princip scheint aber in Serbien nach dem Untergange des serbischen Zarenreiches und durch die Türkenherschaft in jenem des feudalen Grundeigenthums und durch fremdrechtliche Bestimmungen untergangen zu sein; dagegen trat im Laufe der Zeit an dessen Stelle der beschränktere der Hausgemeinde zu Grunde liegende Rechtssatz, dass der Hausbesitz eine organische Einheit mit stetiger Teilung eines Nutzgenusses unter die Hausgenossen ist, während sich in Russland das Prinzip des ausschlieslichen Gemeindegrundeigenthums und der stetigen Theilung des selben unter die Hausgemeinheitien nach der wechselnden Anzahl der volljährigen und verheiratheten Männer in denselben auch heute in voller Rechtskraft erhalten hat», p. 66—67.

и переносятъ его въ первичныя эпохи. Какъ возникла волостная община, онѣ не объясняютъ. Правда, у нихъ встрѣчаются кой-какіе намеки на происхожденіе ея изъ рода, причемъ община на первыхъ порахъ удерживала еще родовое начало, только впослѣдствіи смѣнившееся договорнымъ. Но это кажется намъ уже рѣшительно ошибочнымъ. Какимъ образомъ родъ и община, бытовыя формы, почти прямо противоположныя другъ другу, могли перейти одна въ другую? Какимъ образомъ волостная община, съ ея началами свободы и равенства, могла регулироваться родовыми началами, построенными на рабствѣ и неравенствѣ? Наконецъ, какъ-же родовыя отношенія уступили мѣсто чисто договорнымъ? Правда, «движеніе прогрессивныхъ обществъ было до сихъ поръ движеніемъ отъ «status къ contractus» (Мэнъ, Др. Право р. 134); но движеніе это совершалось медленно, постепенно, съ промежуточными стадіями и посредствующими звѣньями; вскрыть эти звѣнья, соединить концы порванной цѣпи и должно быть задачей изслѣдователя.

Мы указали на главнѣйшія теоріи, существовавшія въ наукѣ по вопросу о первичныхъ формахъ землевладѣнія въ Россіи. Мы не коснулись еще теоріи Чичерина о вотчинномъ характерѣ древней Руси, которую разсмотримъ ниже, такъ какъ она ведетъ свой генезисъ съ эпохи призванія князей. Мы не упомянули также о мнѣніи знаменитаго нашего юриста Неволина, которое слишкомъ неопредѣленно [1]).

Изъ изложенныхъ теорій права гражданства имѣютъ нынѣ три послѣднія, которыя мы назвали задружно общинною, общинно-волостною и общинно-задружною. Въ западно-европейской наукѣ выдѣлились три направленія: 1) видящее зародышъ территоріальный общины въ семейной (Мэнъ), 2) признающее зачаточную форму поземельныхъ отношеній въ маркѣ, постепенно дробящейся (Мауреръ), и наконецъ 3) принимающее распаденіе

---

[1]) *Неволинъ*, Исторія Рос. гражд. законовъ, 1857 т. II р. 127—8 «не видно, какими началами пришельцы руководствовались при занятіи земли, было-ли это занятіе родами, или занятіе общинами, члены которыхъ, можетъ быть, соединялись между собою только случайно родственными отношеніями, связываясь другими побужденіями, или наконецъ занятіе отдѣльными лицами, по крайней мѣрѣ отдѣльными домохозяевами и начальниками семействъ. Легко могло быть, что въ одно и тоже время употреблялись всѣ эти способы».

территоріальныхъ общинъ на семейныя (Лавеле). Тѣ-же три теченія сказываются и у насъ (Леонтовичъ — А. Ефименко, Соколовскій, П. Ефименко). Мы примыкаемъ къ первому и правильность нашего выбора должны доказать послѣдующія соображенія.

III. Какія слѣдуетъ предполагать первичныя формы землевладѣнія въ древней Руси.

Исторія застаетъ славянъ въ пору ихъ колонизаціи, осѣданія на новыхъ мѣстахъ. Тѣснимые волхвами, сдѣлавшими нападеніе на придунайскія земли, славяне бросились на сѣверовостокъ, вверхъ по теченію рѣкъ, такъ какъ южныя степи были заняты кочевыми племенами [1]).

Страна, которую заняли славяне, была вся покрыта сплошнымъ лѣсомъ, доходившимъ до Приднѣпровья. Не говоря уже о Древлянахъ, жившихъ «въ лѣсахъ», густыя лѣсныя чащи встрѣчались въ землѣ Полянъ, подъ самимъ Кіевомъ, даже въ княженіе Ярополка [2]). Если-же такъ близко къ степи попадался

---

[1]) Вотъ разсказъ: Нестора «Волхомъ-бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни-же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи ини Мазовеляне, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣни пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, за не сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни-же сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъ городъ; а другіе сѣдоша по Деснѣ и по Семи по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ». *П. Собр. Рус. Лѣт.* т. I р. 3.

[2]) *П. С. Р. Л.* т. I. Бяше *около* града (Кіева) лѣсъ и боръ великъ и бяху ловища звѣрь» р. 4. «найдоша я (Полянъ) Козарѣ, сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ» р. 8. «Ловъ дѣющю Свѣналдичю именемъ Лютъ, шедъ бо изъ Кіева гна по звѣри въ лѣсѣ» р. 32. Нельзя придавать большаго значенія слову «Поляне» и выводить отсюда, что страна, гдѣ они жили, была безлѣсная равнина. Имя это занесено славянами изъ Карпатскаго Предгорья, промежуточной станціи славянскаго движенія съ Дуная на востокъ. «Доселѣ

«великій боръ», въ которомъ «дѣлались ловы», то можно себѣ представить обиліе лѣса далѣе на сѣверъ и востокъ [1]). Здѣсь не было простора для кочевыхъ родовъ, не было пастбищъ для ихъ стадъ. Кочевые роды по мѣрѣ осѣданія должны были разложиться, и это разложеніе самымъ нагляднымъ образомъ выразилось въ исчезновеніи патрономическихъ названій. Радимичи и Вятичи, ведущіе свое происхожденіе отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка, представляютъ только послѣдніе, запоздалые отголоски послѣдней родовой культуры. Осѣдающія племена принимаютъ имена рѣкъ, по которымъ они колонизовались: «Полочане рѣчьки ради... отъ сея прозвашася Полочане» [2]), и мѣстностей, которыя они заняли.

Осѣдая, роды разлагались на свои составныя части, отдѣльныя семьи, подъ вліяніемъ слѣдующихъ причинъ:

1) Въ необъятномъ морѣ лѣса, затопившемъ всю сѣверную и отчасти южную Русь, только словно небольшіе островки, выдѣлялись прогалины, клоны не заросшей растительности и не покрытой болотами земли. По своей незначительности, они допускали только одинокіе разрозненные поселки, особенно на первыхъ порахъ, когда колонизатору-славянину, недавнему кочевнику-хищнику, не привычно было рубить первобытный лѣсъ и расчищать почву.

2) Славяне были почти первыми насельниками въ этой странѣ. Немногія звѣроловныя финскія племена, бродившія по чащамъ, должны были уступить могучему напору славянской

безлѣсное карпатское предгорье на сѣверѣ отъ Подоліи называется опольемъ, жители его Ополянами или Полянами, какъ жители сосѣдней лѣсистой равнины по верховьямъ Буга и Стваря зовутся Полѣсюками (Древлянами)». *Ключевскій,* Боярск. дума древн. Руси, Рус. Мысль 1880 4 р. 13.

[1]) Еще *Герберштейнъ* (1516—2622) писалъ объ окрестностяхъ Москвы: «По пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ даже и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсиста». *Записка о Московіи* Рус. пер. Анонимова, 1866 р. 95. *Ад. Олеарій* (1633—38) пишетъ: «Вся Россія повсемѣстно, за исключеніемъ пространствъ, выженныхъ подъ хлѣбныя поля, покрыта кустарникомъ и лѣсами». Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Переводъ Барсова въ тт. М. Об. Ист. и Др., 1866 ч. III р. 121—122.

[2]) П. С. *Р. Л.* т. I р. 5.

колонизаціи и уступить почти безъ всякой борьбы, такъ какъ лѣса и простору для охоты для всѣхъ было вдоволь. Несторъ, разсказывая подробно о набѣгахъ кочевниковъ, ни словомъ не *упоминаетъ о какой либо борьбѣ съ финами.* Въ отношеніяхъ къ нимъ славянъ мы вовсе не замѣчаемъ отпошеній побѣдителей къ побѣжденнымъ; напротивъ, въ актѣ призванія князей финны участвуютъ, какъ равноправные члены земли. «Рѣша Руси, Чюдь, Словѣни и Кривичи», говоритъ Несторъ. А разъ колонизація совершалась мирнымъ путемъ, не было надобности селиться въ большихъ укрѣпленныхъ поселеніяхъ, но можно было разбрестись въ разсыпную, пользуясь необъятнымъ просторомъ и обиліемъ земли.

3) Для предупрежденія опасности отъ захожихъ кочевниковъ также не было надобности селиться большими селеніями. На сѣверѣ достаточной защитой отъ нихъ служили сплошные лѣса и непроходимыя болота [1]), а на югѣ, въ болѣе или менѣе открытыхъ мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ, служившихъ артеріями колонизаціоннаго движенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и широкою дорогою для набѣговъ степныхъ хищниковъ, разбросанные поселки окружали себя цѣлою цѣпью мелкихъ городковъ, куда населеніе временно сбѣгалось, спасаясь отъ непріятеля [2]).

4) Самый характеръ первобытнаго земледѣльческаго хозяйства велъ къ разрозненности и дробности поселковъ. Переложное въ степныхъ и подсѣчное или огневое хозяйство въ лѣсныхъ мѣстахъ состоитъ въ томъ, что земледѣлецъ, поднявъ новь или расчистивъ изъ подъ лѣса полоску, пашетъ и засѣваетъ ее нѣсколько лѣтъ кряду до истощенія и затѣмъ бросаетъ старый клокъ земли, чтобы перейти къ новому. При такой системѣ подъ культурой находится значительное пространство земли, хотя лишь небольшая доля его засѣвается. При такой разбросанности земледѣльческаго хозяйства, житель централизованнаго крупнаго населенія терпѣлъ бы всякій разъ неудобства вслѣдствіе отдаленности участка; желаніе избѣгнуть такого неудобства и имѣть землю подъ бокомъ ведетъ къ дробности поселковъ.

---

[1]) *Іорнандъ* (ок. 552) «Hi (Sclavini) paludes silvasque pro civitatibus habent».

[2]) *Леонтовичъ*, Рецензія на Самоквасова. Сб. Госуд. Зн. 1875 т. II р. 69.

5) Впрочемъ, на первыхъ порахъ осѣданія славянскихъ племенъ, земледѣліе вовсе не составляло ихъ исключительнаго занятія. «Обширная страна, заселенная нашими предками, въ отдаленное отъ насъ время покрыта была громадными и непроходимыми лѣсами, усѣяна болотами и озерами, перерѣзана рѣками и ручьями. Раздолье было въ такой привольной мѣстности плодиться дикимъ звѣрямъ и птицамъ; воды изобиловали рыбою, а лѣса дикими пчелами. Сама природа указывала народу ближайшее средство къ пропитанію въ занятіяхъ звѣроловствомъ и охотой за дичью, рыболовствомъ и бортничествомъ, или пчеловодствомъ [1]). И дѣйствительно, всѣ эти промыслы еще въ княжескую эпоху боролись за преобладаніе съ земледѣліемъ; въ докняжескій періодъ ихъ распространенность и значеніе были, вѣроятно, еще выше. Наблюденія же надъ бытомъ охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ показали, что племена эти живутъ дробною жизнью, небольшими группами и отдѣльными семьями, что обусловливается самымъ характеромъ ихъ занятій [2]).

Благодаря совокупности всѣхъ этихъ причинъ, крупные союзы не могли возникнуть на первыхъ порахъ колонизаціи. Роды разложились на отдѣльныя семьи, осѣли дробными поселками и хуторками.

Что хуторки и поселки представляютъ первичную форму славянской колонизаціи, доказывается многочисленными фактами. Объ этой розни и дробности говоритъ Несторъ: «Полянамъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими... живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ» [3]). Прокопій, писатель VI вѣка, свидѣтельствуетъ, что Славяне живутъ въ бѣдныхъ и разрозненныхъ хижинахъ и иногда перемѣняютъ мѣста жительства... Нѣкогда Славяне и Анты носили одно общее имя; ибо тѣхъ и другихъ древніе называли Спорами, вѣроятно потому, что жи-

---

[1]) *Аристовъ* Н., Промышленность древней Руси, 1876 р. 1. *Ад. Олеарій* l. c. р. 121—123.

[2]) Кочевые вогулы, живущіе въ Пермской и Тобольской губ., бродятъ по лѣсамъ отдѣльными семьями, на разстояніи 10—15 верстъ другъ отъ друга; тоже осѣдлые Вогулы, живущіе разсѣянно по рѣкамъ въ селеніяхъ, изъ 3, много 5 юртъ, на разстояніи 1—3 дней ѣзды другъ отъ друга. Тоже Карагасы Иркутской губ. и. т. д. *Соколовскій,* Экономич. бытъ р. 82—87.

[3]) П. С. Р. Л. т. I р. 4.

вутъ σποράδην, т. е. разсѣянно въ уединенно разбитыхъ шалашахъ» [1]).

Этотъ же дробный характеръ поселеній сохраняется и въ Московскую эпоху. При чтеніи писцовыхъ книгъ то и дѣло мелькаютъ въ глаза одно, или двудворныя деревни. До чего онѣ были незначительны, видно изъ двухъ, трехъ попавшихся подъ руку данныхъ изъ переписной книги Вотьской пятины. Такъ въ Городенскомъ погостѣ волость напр. Влонъ и Кобани состояла изъ 27 деревень и 55 человѣкъ; волость помѣщика Опяева изъ 19 деревень, 28 дворовъ, 44 человѣка [2]).

Та же хуторная система поселеній существуетъ по нынѣ на сѣверныхъ окраинахъ Россіи, въ Архангельской, Олонецкой, Вологодской и др. губерніяхъ [3]). Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ центра къ окраинамъ, отъ полосы скученнаго населенія и высокой земледѣльческой культуры въ мѣстности рѣдкаго населенія и полудикаго хозяйства, или чѣмъ ниже спускаемся мы въ глубь исторіи, тѣмъ чаще мы встрѣчаемся съ хуторнымъ типомъ поселеній, и потому мы можемъ съ большою вѣроятностью сказать, что въ докняжеской Руси такой типъ былъ господствующій.

---

[1]) *Прокопій*, (552). In tugurius (καλύβαις) habitant vilibus et rare sparsis atque habitationis locum subinde mutant. Nomen etiam quondam Sclavenis, Antisque unum erat: utrosque enim applavit sporos antiquitas, ob id opinor, quod σποράδην, hoc est sparsimet rare positis tabernaculis regionem obtinent. Замѣчательно, что καλύβαι Прокопія сохранились въ Черногоріи понынѣ подъ этимъ названіемъ и означаютъ тамъ плохенькія избы. *П. Ровинскій*, Очерки Черногорья. Ж. М. Н. Пр. 1880 № 12, р. 315, 323.

[2]) Переписная книга Вотьской пятины 1500. Времен. Моск. Об. Ист. и Др кн. 11, р. 9, 15.

[3]) *Сергѣевъ*, Съ сѣвера (Арханг. г.), Дѣло 1880, 4 р. 204. «Покажется жилье; лѣпятся въ безпорядкѣ по берегу (рѣчьки) 2, 3 избушки, за ними въ саженяхъ 150, а то и за полверсты, виднѣются снова такіе же 2, 3, 4 двора, за ними опять сплошная стѣна хвойнаго лѣса, и такъ иногда на разстояніи 3—4 верстъ». *Л Л—въ*, Сельск. община въ Олонец. губ. От. Зап. 1874, 2 р. 225. «Параллельно разбросанной обработкѣ земли разбросаны здѣсь и селенія. Здѣсь два двора, одинъ дворъ и даже ни одного... у крестьянъ называется селеніемъ, деревней». *Щербина*, Сольвычегодская зем. община. От. Зап. 1879, 7 р. 70. По свѣдѣніямъ 1875 г. изъ 1650 деревень около 500 заключаютъ въ себѣ не болѣе 1—10 душъ.

Наконецъ, дробные разрозненные поселки мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ, переживающихъ періодъ колонизаціи, въ особенности тамъ, гдѣ природныя условія побуждаютъ ихъ къ такой розной жизни [1]).

Итакъ, роды распались на отдѣльныя семьи, но привычка къ общей жизни, вынесенная изъ родоваго быта, цѣли самозащиты и экономическія выгоды общаго хозяйства заставляли размножившіяся семьи жить вмѣстѣ, не разбрасываясь по лѣсному пространству. Союзъ нѣсколькихъ семей, живущихъ общимъ хозяйствомъ, составлялъ семейныя общины, размѣръ которыхъ уже нельзя предполагать значительнымъ въ силу уже указанныхъ только что причинъ и фактовъ. Кровный принципъ уступилъ мѣсто территоріальному [2]). «Родъ», «Щуръ» и «Дѣдъ», — боги, олицетворяющіе первый, превратились въ «Домоваго», воплощеніе втораго.

Прежде чѣмъ перейти къ доказательству существованія у насъ семейныхъ общинъ, разсмотримъ свидѣтельства арабскихъ писателей [3]), которые съ перваго взгляда противорѣчатъ нашему положенію. Ибнъ-Фодланъ, писатель начала X столѣтія, разсказываетъ о Руссахъ, что если у кого изъ нихъ родится сынъ, то отецъ бросаетъ ему мечъ съ слѣдующими словами: «то только твое, что ты пріобрѣтешь своимъ мечемъ» [4]). Тоже подтвер-

---

[1]) *У Славянъ* «въ Полицкой жупѣ населеніе издавно привыкло жить разбросанно, небольшими селами и еще нынѣ въ Сербіи встрѣчаются села изъ 2—5 избъ. *Леонтовичъ,* Хорв. Далм. Зак. р. 69. Въ Черногоріи, въ мѣстахъ расчлененныхъ самою-природою, дома такъ разбросаны, что сосѣди не видятъ другъ друга «*Ровинскій,* Очерки 1. с. р. 310». Германцы также вели хуторную жизнь, отдѣльными семьями, въ небольшихъ избушкахъ, выстроенныхъ въ разбросъ, далеко одна отъ другой, гдѣ попало (Taciti Germania 7. 16. Caesar de bello Gal. VI, 22)». *Леонтовичъ,* Рецензія на Самоквасова 1. с. р. 89. Объ отдѣльныхъ дворахъ. *Мауреръ.* Введеніе рус. пер. р. 11.

[2]) Характеристичны слѣдующія пословицы: «Безъ брата проживу, а безъ сосѣда не проживу». «Близкій сосѣдъ лучше дальней родни». *Пословицы Рус. народа.* Сборникъ *Даля* 863.

[3]) Арабскіе писатели цитируются по приложенію къ 1 вып. «Истор. рус. права», проф. *Леонтовича.*

[4]) *Ибнъ-Фодланъ,* Wird einem von ihnen ein Sohn geboren, so wirft er dem ein Schwert hin und spricht: Dein ist nur das, was du mit deinem Schwerte erwirbst.

ждаетъ Мирхондъ. Нѣкоторые писатели относили это свидѣтельство къ Норманамъ; другіе же, видя въ Руссахъ Ибнъ Фодлана —славянъ, придаютъ его словамъ слѣдующее толкованіе: отецъ говоритъ сыну: «то твое, что добудешь мечемъ» — остальное слѣдовательно общее [1]). Но такое толкованіе опровергается другими свидѣтельствами. Казвини и Габибъ-Уллахъ, передавая тотъ же эпизодъ, добавляютъ, что отецъ указаннымъ обрядомъ совершенно отдѣлялъ возмужавшаго сына и съ тѣхъ поръ уже смотрѣлъ на него, какъ на чужаго [2]). Гдѣ же тутъ обычай жить семейными общинами? Да и самъ Ибнъ-Фодланъ разсказываетъ ниже, что имущество, оставшееся по смерти богатаго человѣка, *дѣлилось на три части: одна* треть доставалась семьѣ, *другая* шла на шитье одеждъ для покойника, третья предназначалась на устройство пира [3]). Тамъ, гдѣ является раздѣлъ имущества умершаго и наслѣдственное право, тамъ нѣтъ семейной общины. Такимъ образомъ приведенныя свидѣтельства, указывая на существованіе и господство индивидуальной собственности, заставляютъ отвергнуть мысль о задругѣ, какъ о первичной формѣ быта русскихъ славянъ.

Но въ самое послѣднее время В. Стасовъ снова поднялъ вопросъ о Руссахъ Ибнъ-Фодлана. Сравнивая тщательно показанія арабскаго писателя съ тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о древнѣйшей жизни славянъ и нормановъ, онъ приходитъ къ заключенію, что подъ русами нужно разумѣть не ихъ, а «какой то народъ на Волгѣ, близь Булгаръ, въ бытѣ котораго

---

[1]) *Іос. Губе*, Исторія древнѣйш. наслѣд. права у славянъ. Истор. и Стат. Сб., 1845. ч. I p. 64.

[2]) *Казвини*, S'il nait un fils à un homme de ce pays, il lui donne ses soins (mot-à-mot: il s'occupe de son affaire) jusqu'a ce que cet enfant atteigne l'âge de puberté. A cette époque, il lui remet un arc et des flèches, en lui disant: va, tache de te tirer d'affaire (mot-a mot: sois ingénieux pour toi—même), il le renvoie alors de chez-lui et le considère, comme un étranger. *Габибъ-Уллахъ.* Lorsque un enfant atteint l'age de puberté, le père le traite comme un étranger et lui remet de flèches avec un arc, en lui disant: va travaille pour toi.

[3]) *Ибнъ-Фодланъ*, Beim Tode eines Reichen sammeln sie seine Habe und theilen sie in drei Theile. Das eine Drittheil ist für seine Familie, für das zweite schneiden sie ihm Kleider zu, für das dritte Kaufen sie berauschende Getränke.

совмѣстно присутствовали элементы финскихъ и тюркскихъ народовъ», что подтверждается современными этнографическими данными [1]).

Доказать это можно, кажется, проще. Самъ Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что его «rus» — не варяги, не славяне. Русь, по его словамъ, представляетъ отдѣльный народъ, страна котораго граничитъ съ славянами и турками [2]). Русь — не славяне, иначе Ибнъ-Фодланъ не различалъ бы странъ, занимаемыхъ тѣми и другими. Точно также отличаетъ Руссовъ отъ славянъ другой писатель Ибнъ-Дастъ, причемъ всѣ обряды, подобные тѣмъ, какіе видѣлъ Ибнъ-Фодланъ, онъ приписываетъ Руссамъ, а не славянамъ. Но Русь Ибнъ-Фодлана и не варяги-русь, потому что арабскій писатель говоритъ объ отдѣльномъ племени, сидѣвшемъ на своей отдѣльной территоріи, а не о горсти удальцовъ, сѣвшихъ въ чужой землѣ. А кто были Русы Ибнъ-Фодлана—это вопросъ иной, и, очень можетъ быть, онъ вѣрно рѣшенъ Стасовымъ.

Такимъ образомъ, свидѣтельства арабскихъ писателей не говорятъ противъ существованія у насъ семейной общины въ древнѣйшее время. Разсмотримъ теперь положительныя доказательства въ пользу нашего мнѣнія.

Подъ родами [3]) и дымами Нестора можно разумѣть семей-

---

[1]) *В. Стасовъ,* Замѣтки о «русахъ» Ибнъ-Фодлана и другихъ арабскихъ писателей. Ж. М. Н. Пр. 1881 кн. 8, р. 280—315.

[2]) *Ибнъ-Фодланъ,* Rus auch Rs geschriben, ist ein Volk, dessen Land an das der Slawen und Türken grenzt.

[3]) Значеніе слова родъ можетъ уясниться изъ слѣдующихъ двухъ свадебныхъ пѣсенъ, приводимыхъ *П. Ефименко* въ статьѣ «Семья Архангельскаго крестьянина по обычному праву». *Суд. Вѣст.* 1873, 7 и 8.

1) Меня той тоской надѣлили
Мой родитель батюшка,
Моя родимая матушка,
Единоутробные братьица
Весь родъ мой и племя.

2) Я брала выбирала...
Себѣ доброхотника...
Я изъ дядьей дѣдушку,
Да изъ тетокъ тетушку,
И изъ братьевъ брателка,
И изъ сестрицъ сестрицу,
У меня теперь теперице
У мія всѣ въ собраньицѣ
Великой весь родъ и племень...

Родъ—отецъ, мать, да братья; прибавимъ дядей и тетокъ—это будетъ великій родъ.

ныя общины. Каждая община жила, вѣроятно, въ одномъ домѣ, вокругъ общаго очага, отчего и носила, можетъ быть, названіе дыма. «Сдумаша Поляне, говоритъ Несторъ, и вдаша отъ дыма мечь» [1]). Очагъ служилъ связующимъ центромъ семейной общины; кто отдавался подъ его защиту, становился членомъ общины, и на оборотъ, чтобы сдѣлаться членомъ общины, нужно было освятиться пламенемъ, горѣвшимъ на задружномъ «огнищѣ» [2]). «Въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскаго языка сохранилось замѣчательное выраженіе: родъ огньный, родство огньное» (Котляревскій. Погребальн. обр. р. 20) [3]). Такимъ образомъ у насъ сохранились даже термины для обозначенія задружнаго родства, вродѣ агнатической связи, съ тою разницею, что въ послѣдней принципъ сожительства глухо выступаетъ изъ подъ оболочки отцовской власти, тогда какъ онъ ясно сквозитъ въ цитированныхъ выраженіяхъ (сожительство вокругъ общаго очага).

Семейныя общины носили также названіе огнищъ, отчего члены ихъ назывались огнищанами, и печищъ, сохранившихся еще по нынѣ подъ этимъ названіемъ на сѣверѣ, какъ мы увидимъ ниже.

Наконецъ, семейныя общины назывались вервями и дружинами, какъ видно изъ статей Русской Правды.

Послѣдняя, по своему судебно-финансовому характеру, съ этой только стороны и упоминаетъ о верви, всюду связывая ее съ понятіемъ виры. Вервь платитъ дикую виру, если нѣтъ на лицо убійцы (Сп. Карамз. [4]) ст. 4). По ней же ищутъ татя, если разсѣчена земля, или на землѣ знаменье, или сѣть (ст. 86). Въ нее можно вкладываться для платежа виры, и только въ

---

[1]) *П. С. Р. Л.* т. I. 1846. Лаврентьев. р. 7.

[2]) «По древнегерманскому обычаю, сохранившемуся также у сербовъ, невѣсту трижды обводили вокругъ пылающаго очага той семьи, куда она вступала, какъ членъ (Афанасьевъ. Поэт. воззр. т. II р. 35 — 36). Соотвѣтственно этому на Руси существуетъ обычай, что новобрачная должна бросить свой дѣвственный поясъ въ печь», освящая такимъ образомъ свое вступленіе въ новую семью. *Хлѣбниковъ.* Общество и государство, р. 37.

[3]) *Хлѣбниковъ*, l. c. p. 37.

[4]) Цитируется по Христоматіи Русскаго Права *Владимірскаго-Буданова*, I вып. (2 изд.)

такомъ случаѣ убійца можетъ разсчитывать на подмогу верви. (ст. 5 и 6). Слѣдов. и помимо договора о платежѣ виры, вервь имѣла независимое существованіе. Многіе изслѣдователи и даже позднѣйшіе, какъ то Кейслеръ, Соколовскій, Ефименко П. и др. предполагаютъ въ верви территоріальную общину. Но вѣроятнѣе объясненіе проф. Леонтовича, что вервь представляетъ семейную общину, которая съ такимъ именно названіемъ является въ Полицкомъ Статутѣ, и которую напоминаетъ сербское слово връвникъ, что значитъ родственникъ [1]).

Терминъ «вервь» замѣняется выраженіемъ «дружина», которое уже прямо напоминаетъ сербскую задругу. Въ статьѣ о платежѣ виры мы читаемъ: «заплатити ему изъ дружины своею часть». (Сп. Карам. ст. 4).

Члены верви первоначально тѣсно связывались круговой порукой. «Оубьетъ моужь моужа, то мьстить братоу брата или сынови отца, любо отцю сына, или братою чадоу, любо сестриноу сынови (по Карамз. «ли братню сынови»), аще не боудеть кто мьстя то 40 гривенъ за головоу» (Ст. I Акад. сп.) [2]). Указанная статья Рус. Правды различными изслѣдователями толкуется различно. Ланге говоритъ, что мстители поименованы здѣсь не всѣ, они исчислены только примѣрно; это было не обязанность мести, а право самосуда [3]). Эверсъ, а съ нимъ серія писателей, видятъ въ этой статьѣ ограниченіе родовой мести [4]). Но по смыслу статьи, въ ней не видно никакого ограниченія; напротивъ, статья эта, перечисливъ всѣхъ мстителей, добавляетъ: «а если не будетъ мстителей, тогда убійца платитъ 40 гривенъ»;

---

[1]) *Леонтовичъ*, О верви.

[2]) Слово «братоу-чадъ» понимается различно; если разумѣть подъ нимъ сына брата (Христ. Владим.—Буданова), тогда нужно внести поправку въ Карамз. сп. — сестринъ сынъ; если же разумѣть подъ нимъ потомство брата (Macieowski Slavische Rechtsgeschichte. II p. 206) или двоюродныхъ братьевъ (Ключевскій Боярск. д. др. Р. Р. М. 1880 г. 4 р. 17), тогда можно оставить текстъ безъ поправки

[3]) *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Рус. Правды, р. 95, 96—7.

[4]) *Ewers*, Das älteste Recht etc. «Die Rache wird beschränkt. Das war gewiss nicht so nach altem Herrkommen. In den ganz rohen Zeiten theilte diese Pflicht... der ganze Stamm. Die Familien bande mussten schon sehr erschlafft sein, und die monarchische Macht sehr mächtig, umsich gegrifen haben, ehe die Blutrache so weit beschränkt werden Konnte» p. 274.

слѣд., больше и мстить было некому, а не то, чтобы право мести ограничивалось. Это ясно понималъ Аксаковъ, но самъ онъ впадаетъ въ другую крайность. «Здѣсь, говоритъ онъ, ясно обозначены предѣлы семьи, а не рода. Если племянникъ и не въ семьѣ, то это ближайшій къ ней изъ другой семьи» [1]). Но развѣ сынъ брата или сестры является по отношенію къ дядѣ членомъ семьи? Аксаковъ, чувствуя ошибочность своего предположенія, дѣлаетъ оговорку, которая уничтожаетъ его первое положеніе; если племянникъ изъ другой семьи, значитъ, месть не ограничивается предѣлами одной семьи. Понятіе мести, указанное въ этой статьѣ, уже понятія родовой мести и шире понятія семейной; это месть задружная, вервная. Братья, отецъ, дѣти, братья и племянники—все это члены задруги; сестринъ сынъ не будетъ исключеніемъ; въ составъ задруги входитъ и мужъ сестры или дочери, если онъ придружится къ ней; слѣдов. и дѣти сестры или дочери могутъ быть членами задруги и являться задружными мстителями.

Маціевскій находитъ въ перечисленіи мстителей Рус. Правды поразительное сходство съ перечисленіемъ лицъ, имѣвшихъ право на выкупъ отчужденной дѣдины (дядя, братъ, племянникъ, сынъ, отецъ—Андрей Дуба) по чехо-моравскому праву, и предполагаетъ, что и мстители Правды имѣли такое же право на наслѣдственное имущество [2]). Совершенно вѣрно: и тамъ и здѣсь была задруга, но Рус. Правда обратила вниманіе лишь на ея уголовный характеръ, не упомянувъ о другихъ сторонахъ ея.

Впослѣдствіи, съ замиреніемъ междусоюзной розни и возникновеніемъ княжеской власти, задружная месть падаетъ, замѣняясь платою виры. Впрочемъ, вира платится только за неумышленныхъ убійцъ и за неоткрытыхъ преступниковъ; умышленный убійца, какъ явный врагъ общества, подлежитъ изгнанію изъ него. Съ возникновеніемъ княжеской власти

---

[1]) *Аксаковъ*, К. О древ. бытѣ у слав. 1. с. р. 113.

[2]) *Macieowski* W., Die Slawische Rechtsgeschichte II B. 1836. «Ich glaube, dass diese Personen ein gleiches Recht zur Erbschaft, wie auch zur Blutrache hatten. So war es wenigstens in Böhmen, wie Andreas von Duba behauptet, obwohl die Pr. R. diese Verwandten nur bei Anlass ihrer Berufung zur Vollziehung der Blutrache erwähnt» p. 206, 205.

устраняется необходимость въ вервной защитѣ, въ круговой порукѣ членовъ верви Съ другой стороны, съ развитіемъ общественныхъ отношеній прекращается особная жизнь семейныхъ общинъ. Онѣ начинаютъ чаще приходить въ соприкосновеніе другъ съ другомъ; взаимныя обиды и правонарушенія становятся чаще, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность круговой поруки, въ особенности при громадныхъ размѣрахъ виры, дѣлается обременительною. Вервь слагаетъ съ себя эту обязанность и дѣлаетъ ее объектомъ свободнаго договора. Кто влагается въ виру, тотъ только можетъ надѣяться на помощь со стороны сотоварищей; но, сложивъ съ себя обязанность круговой поруки, вервь не перестаетъ быть семейной общиной и продолжаетъ сохранять всѣ свои типичныя черты. Она даже по прежнему платитъ виру за преступленіе, совершенное на ея землѣ, если преступникъ не открытъ.

Въ памятникѣ, почти одновременномъ съ пространной Русской Правдой, въ Уставной грам. Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 г.[1]), мы встрѣчаемъ еще довольно явственные слѣды существованія семейныхъ общинъ—въ отечныхъ окончаніяхъ сельбищныхъ названій. Такія отечныя окончанія указываютъ или прямо на задругу, или на территоріальную общину, возникшую изъ разросшейся задруги. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій: Жидчичи, Мирятичи, Дѣдогостичи, Дѣдичи и т. д. Подобныя названія встрѣчаются и въ другихъ древнихъ актахъ, напр. Зряковичи (въ Псковской области)[2]), Филипповиче[3]) (Рязанской) и др. Въ Ростиславовой же грамотѣ встрѣчаемъ слѣдующее замѣчательно мѣсто. Князь даетъ Смоленской епископіи десятину «отъ всѣхъ даней Смоленскихъ... кромѣ продажи и кромѣ виры и кромѣ полюдья», напр. въ Былевѣ дани 40 гривенъ, а изъ того епископу 4 гривны... а въ Витринѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны» и т. д.; но «Дѣдичи (платять) и дань и вира 15 гривенъ». «Какимъ образомъ, спрашиваетъ Владимірскій Будановъ, вира (уголовный штрафъ) могла попасть въ окладные доходы? Ясно, что общины откупались отъ платежа виры общею суммою, услов-

---

[1]) *Допол. къ Акт. Ист.* т. I, № 4.

[2]) *П. С. Р. Л.* IV, подъ 1455 г. р. 216.

[3]) *Ак. Ист.* т. I, № 136.

женною заранѣе. Но это не значитъ, что преступники въ такой общинѣ оставались уже безнаказанными, что община откупала себѣ право совершать преступленія. Это значитъ только, что преступниковъ судила и карала въ такомъ случаѣ сама община» [1]). Если это такъ, то мы находимъ здѣсь старый задружный типъ, имѣющій свою юрисдикцію и автономію, купленную, правда, цѣною уплаченной впередъ виры.

Въ Псковской Судной Грамотѣ мы встрѣчаемъ уже семейную общину въ гражданскихъ отношеніяхъ, и даже особый терминъ для выраженія задружнаго общежитія: «живучи въ одномъ хлѣбѣ». Терминъ этотъ часто повторяется и въ другихъ древнихъ актахъ. Такъ въ одной грамотѣ Василія Ивановича (1606) говорится: «у котораго протопопа или у протодьякона, а у поповъ... сынъ или племянникъ, а живетъ съ нимъ *на одномъ хлѣбѣ*, и тѣмъ ихъ дѣтемъ и племянникомъ... съ черными людьми не тянути ни въ какіе проторы» [2]). Льготы распространяются на всю семейную общину, живущую на одномъ хлѣбѣ, и не касаются тѣхъ, кто вышелъ изъ нея. Еще характеристичнѣе выражено это начало въ ярлыкѣ Мангу-Тамира: «А попове *одинъ хлѣбъ ядуще* и *въ единомъ мѣстѣ живуще*, а у кого братъ или сынъ, и ти по томужъ пожалованы будутъ; аще ли отъ нихъ отдѣлилися, изъ дому вышли и тѣмъ пошлины и дани давать», или въ ярлыкѣ Узбека: «а кто попы и дьяконы *ихъ одинъ хлѣбъ ѣдятъ и въ единомъ дому живутъ*, у кого братъ или сынъ, и тѣмъ потому же пути наше жалованье» [3]). Такимъ образомъ житье на одномъ хлѣбѣ и въ единомъ домѣ является общераспространеннымъ русскимъ, а не только мѣстнымъ обычаемъ г. Пскова.

Въ числѣ членовъ семейной общины Псков. Суд. Грамота называетъ: 1) братьевъ. Если нѣсколько братьевъ обладаютъ наслѣдственнымъ имуществомъ и на умершаго отца ихъ бу-

---

[1]) *Владимірскій Будановъ*, Христоматія. Вып. I (II изд.) р. 223—4.

[2]) *Ак. Ист.* т. II, № 69, р. 89.

[3]) Цитированы по *Милютину*, О недвижим. имуществахъ духовенства въ Россіи р. 218. См. Уставн. гр. В. К. Василія Дмитріевича о церковныхъ судахъ (1389—1404) «а поповичь, который живетъ у отца и хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичь, а который отдѣленъ, а той мой К. Великаго» *А. А. Э.* I № 9.

детъ предъявлено долговое требованіе, не подтвержденное записью послѣдняго, то старшій братъ—вѣроятно представитель общины — присягаетъ въ томъ, что отецъ его, а не онъ самъ, сдѣлалъ этотъ долгъ. Тогда долгъ выплачивается изъ общаго имущества, а остатокъ его дѣлится затѣмъ между братьями. (ст. 94).

2) Дядей и племянниковъ. Если младшіе братья, или племянники, живя на одномъ хлѣбѣ съ старшимъ братомъ или дядей, тайно присвоятъ себѣ что нибудь изъ общаго имущества, то они должны присягнуть, что не дѣлали этого, послѣ чего имущество подлежитъ раздѣлу (ст. 95) [1].

3) Семейная община могла состоять изъ родителей, дѣтей, братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ. «А оу котораго оумръшаго, а будетъ отецъ, или мать, или сынъ или братъ, или сестра, или кто ближняго племени, а животомъ владѣетъ, а только не стороннія людие, ино имъ волно искати безъ заклада и безъ записи оумръшаго, а на нихъ волно жъ искати» (15). Энгельманъ, вставляя передъ словами: «животомъ владѣетъ», мѣстоимѣніе кто, переводитъ эту статью такъ: «Если кто умирая, оставитъ послѣ себя наслѣдниками отца и т. д., а кто, нибудь чужой владѣетъ движимымъ имуществомъ умершаго, и наслѣдники, какъ сказано, суть родственники его, а не посторонніе лица, то имъ дозволяется отыскивать судомъ упомянутое движимое имущество, изъ чужаго владѣнія безъ заклада и записи умершаго. Равнымъ образомъ на томъ основаніи допускается искъ и на нихъ». Кавелинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что вставка «кто» излишня [2]) и только извращаетъ ясный смыслъ статьи, которая можетъ быть передана слѣдующимъ образомъ: если послѣ умершаго останутся отецъ, мать и другіе близкіе родственники, владѣющіе (даже) его движимымъ имуществомъ, т. е. состоящіе съ нимъ въ нераздѣльномъ обладаніи имуществъ, то къ нимъ переходятъ всѣ права и обязанности умершаго, по началамъ универсальнаго преемства. Указанная статья прямо говоритъ такимъ образомъ о задружной формѣ общежитія и обладанія имуществъ.

---

[1]) *Энгельманъ*, Системат. изложеніе Псковской Судн. Грам. 1855, р. 21—22.

[2]) *Кавелинъ*, Взглядъ на историческое развитіе законнаго наслѣдованія 1860 р. 16—22.

4. Что дѣйствительно посторонніяя лица путемъ брака могли придружиться къ семейной общинѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ слѣдующія статьи П. С. Гр.

«А оу кого помретъ сынъ, а невѣстка останется да оучнетъ на свекри или на дѣвери скруты своеа искати или платья своего, ино свекру или дѣверю отдать платье или крута...» (ст. 91). Если невѣстка по смерти мужа могла искать своего платья и вообще приданаго на своемъ свекрѣ или дѣверѣ, значитъ ея вещи находились въ ихъ рукахъ. Какимъ же образомъ? О противозаконномъ завладѣніи въ статьѣ не упоминается, да на это имѣются особыя статьи. Значитъ, платье и крута невѣстки находились въ рукахъ свекра и дѣверя потому, что послѣдніе, какъ члены задруги, владѣли имуществомъ сообща съ ея умершимъ мужемъ.

Когда одинъ изъ супруговъ, соединенный родствомъ съ членами задруги, умиралъ, другой придружившійся могъ оставаться въ задружномъ союзѣ; но вступая въ новый бракъ, онъ тѣмъ самымъ порывалъ всякія связи съ старою задругою.

«А оу котораго человѣка помретъ жена, а мужъ ея оженится, ї женняя мать, или сестра, или їное племя, а имутъ искать платья; їно мужъ ея, право по души, платья отдасть, а на останки мужеви о женни платьи и цѣлованья нѣтъ. Тако-жъ коли мужъ помреть, а имутъ моужня платья на женѣ его отецъ его, или братья, иное и отдасть платья право по души, что оу него останется; а на останки женѣ въ мужни платьи целованіа нѣтъ» (ст. 90). Здѣсь указывается общеславянскій обычай, что пережившій супругъ, придружившійся членъ задруги, выходя вторично въ бракъ, беретъ съ собою только свое движимое имущество, а недвижимое имущество и движимыя вещи покойнаго — остаются въ общемъ нераздѣльномъ обладаніи задруги.

Изъ выписанныхъ статей мы можемъ довольно явственно представить себѣ устройство семейной общины въ эпоху Псков. Суд. Грамоты. Семейная община слагалась изъ родичей или придружившихся членовъ (зятей, невѣстокъ) и жила на одномъ хлѣбѣ, подъ управленіемъ старшаго (вятшій братъ), владѣя нераздѣльно недвижимымъ имуществомъ. Замѣчательно, что во всѣхъ указанныхъ статьяхъ говорится только о движимыхъ вещахъ (животъ, платье, крута) и ни разу о недвижимомъ иму-

ществѣ (отчина). Значитъ, о нераздѣльности и общности владѣнія послѣднимъ не было и спору; оно разумѣлось само собой; вопросъ возникалъ только относительно движимыхъ вещей и рѣшался такимъ образомъ: въ задругѣ наслѣдованія не могло быть; если умиралъ какой либо членъ ея, имущество его оставалось въ общемъ владѣніи, причемъ на семейную общину переходили всѣ права и обязанности умершаго. Если умершій оставлялъ послѣ себя придружившагося супруга, послѣдній могъ оставаться въ задругѣ или выйти изъ нея; въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ взять съ собою только тѣ вещи, которыя составляли его индивидуальную собственность (платье); принципъ задружнаго владѣнья былъ такъ силенъ, что даже мужъ не могъ взять платье своей жены и долженъ былъ оставить его женской половинѣ задруги. Наконецъ, если оставшійся придружившійся супругъ вступалъ въ новый бракъ, онъ *обязанъ* былъ оставить задругу. Это предполагается само собой: «у кого помретъ жена, а мужъ ея оженится, то онъ долженъ отдать ея платья». Средняя посылка: «онъ долженъ оставить задругу», пропускается, какъ сама собою понятная. На ряду съ этими слѣдами существованія семейной общины, мы встрѣчаемъ другіе, свидѣтельствующіе о ея распаденіи Общее владѣніе вело къ взаимнымъ споромъ и обманамъ (ст. 94 и 95), и потому законъ предписываетъ, въ случаѣ возникшихъ недоразумѣній, произвести раздѣлъ задруги. Такая тенденція къ распаденію весьма естественна въ Псковской землѣ; такъ какъ Псковъ представлялъ во 1-хъ, сложную централизованную общину, устранявшую необходимость крупныхъ задружныхъ союзовъ, во 2 хъ, торговую общину, которая съ своимъ развитымъ духомъ индивидуализма вовсе не благопріятствуетъ задругѣ съ ея соціальными задатками. Мало того, самое существованіе задруги въ вольномъ городѣ, несмотря на вліяніе указанныхъ причинъ, доказываетъ, что задруга глубоко коренилась въ жизни народа и ведетъ свой генезисъ съ очень ранней поры исторіи.

Колонизація страны шла постепенно, слагаясь вѣками. Въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ территорія задружно-общинный бытъ завершалъ циклъ своего развитія и близилось наступленіе государственныхъ началъ, въ другихъ — колонизація только зачиналась, и господствующею формою являлась задруга. Свѣдѣнія о ней смутны и неопредѣлены, но не потому, что за-

друга была исключительною, несложившеюся и неустойчивою формою быта, а по самымъ свойствамъ нашихъ древнихъ юридическихъ актовъ. Наши законодательные памятники носятъ преимущественно судебно-административный характеръ. Правда, впослѣдствіи оба Судебника и дополнительныя къ нимъ статьи касаются, между прочимъ, вопросовъ гражданскаго права; но они регулируютъ преимущественно правоотношенія служилаго класса, гдѣ, вслѣдствіе его участія въ политической жизни страны и широкаго развитія индивидуальной дѣятельности, рано исчезаютъ задружные распорядки. Наши же частные юридическіе акты, купчія, мѣновныя и другія грамоты, уже по самому свойству семейной общины, не касаются ея. Задруга не знаетъ наслѣдованія; земля ея по народно-правовому воззрѣнію можетъ быть отчуждаема только въ случаѣ крайней нужды; ей слѣдоват., незнакомы ни наслѣдственное право, ни институтъ купли-продажи, мѣны и др., составляющіе обильный источникъ нашихъ частно-юридическихъ актовъ. Задруга заносилась въ актъ только тогда, когда общее имущество подвергалось раздѣлу или отчужденію, и только по этимъ слѣдамъ мы можемъ заключать обратно о существованіи задруги. Разрозненныя и шаткія въ отдѣльности, они дадутъ намъ въ совокупности довольно полную картину.

Въ одной правой грамотѣ 1571 г.[1]) мы читаемъ слѣдующую дѣльную грамоту задруги черныхъ крестьянъ Карзиныхъ, жившихъ въ Корелѣ въ Карзинѣ курьи («земли великаго князя, а своего владѣнья») «Се язъ Назарья Офанасьевъ сынъ, да язъ Есипъ, да язъ Григорей, да язъ Волфромей — Филиповы дѣти, да язъ Елизаръ Ѳедоровъ сынъ да язъ Василей, да язъ Павелъ, да язъ Иванъ Онкудиновы дѣти, да язъ Омосъ, да язъ Онтонъ, да язъ Иванъ Стефановы дѣти, да язъ Ларіонъ, Стефановъ сынъ, раздѣлили есмя животы отцовъ своихъ кони, и коровы и овци, хлѣбъ и деньги, котлы и сковроды и суды и сѣдла и весь животъ безъ вывѣта и земля въ Карзинѣ курьи свое владѣнье и серебряное. Вси земля семя раздѣлили въ Карзинѣ курьи по третямъ, дворы и дворища: дворъ Назарьи да Есипу съ братьею

---

[1]) *Ак. Юрид.* № 23. Правая грамота р. 53—57. Самая дѣльная на стр. 55. 1571 г.

съ нижнего конца, Елизарью дворъ да Онкудиновымъ дѣтямъ середней, а Омосу дворъ съ братьею да съ Ларіономъ Верхней». Здѣсь, очевидно, настоящая задруга, владѣющая сообща рогатымъ и мелкимъ скотомъ, хлѣбомъ, деньгами, орудіями и, наконецъ, землей. Мы застаемъ ее въ моментъ распаденія. Недвижимое имущество, земля дѣлится на 3 части, сообразно линіямъ родства: Назарья и Филипъ (а вмѣсто него его дѣти) получили одну треть; Елизарій Онкудинъ (его дѣти)—другую и Стефанъ (его дѣти) и Ларіонъ третью. Движимое имущество было подѣлено, вѣроятно, на равныя части, потому что о трехчленномъ дѣленіи здѣсь не упоминается, тогда какъ это прямо оговаривается при раздѣлѣ земли. Тотъ-же обычай застаемъ нынѣ у югозападныхъ славянъ, гдѣ недвижимое имущество семейной общины дѣлится поколѣнно, движимое—поголовно. Но большая задруга Карзиныхъ распадается не на отдѣльныя семьи, а на три меньшія задруги, которыя продолжаютъ владѣть сообща землей. Далѣе, у всѣхъ ихъ остается въ общемъ владѣніи часть земли и движимыхъ вещей «Не въ дѣлу у насъ вобчаго живота осталось: на луды дворъ да лодья съ якоремъ, да шейма и вся снасть, да парусъ, да меринъ; да въ Ислохомъ концѣ деревня, Омосова купля, да въ Похтокурьи полъ тони, Назарьина купля, да на Ширъ шемской кошки и полъ-тони, Онтонова купля; да два словяника, да два креста, оба серебромъ обложены, одинъ позолоченъ, да шесть вставокъ, да лодья дома и съ парусомъ, да два якори. Да каболы вобчіи не дѣлены». Замѣчательно, что въ общую собственность поступали недвижимыя имущества, купленныя даже отдѣльными членами (Омосова купля, Онтонова и т. д. [1]).

Вѣроятно, такой-же примѣръ обширной семейной общины представляетъ намъ одна купчая 16 ст. (1526) [2]), хотя ее, быть

---

[1]) Эти справки были написаны до выхода въ свѣтъ статьи г-жи Ефименко, которая на основаніи новаго матеріала приходитъ къ тѣмъ-же выводамъ.

[2]) *Ак. относящ. до юр. б. др. Р.* Калачева т. II № 147 XV. «Тося имъ село Евсѣево достало послѣ брата ихъ живота Ѳедорова Шолохова сына Чертова ма 15 вытей, Борису да тучку, да Осифу, да Аѳанасью, да Алексѣю, Никулинымъ дѣтемъ Чертова, да Шигикъ да Якову Васильевымъ дѣтемъ Чертова, да Стефану, да Михайлу Игнатьевымъ дѣтемъ Чертова, да Ѳедоро-

можетъ, умѣстнѣе было-бы отнести къ слѣдующему циклу доказательствъ; это не была общая собственность на недѣлимое имущество. Село, подлежавшее отчужденію, было обширное: къ нему тянуло 5 деревень, 6 селищъ, луга и т. д. Если въ древнихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ зачастую выраженія: $^1/_2$, $^1/_4$ и т. д. деревни, если въ предыдущей дѣльной мы встрѣчаемъ *раздѣлъ земли на 3 части, то тѣмъ болѣе мы можемъ предполагать* возможность раздѣла такого обширнаго имѣнія. Очевидно, не въ нераздѣльности имущества, а въ задружномъ обладаніи имъ нужно искать причину отчужденія его всѣми членами вмѣстѣ. Здѣсь имѣлъ силу не родовой порядокъ наслѣдованія, гдѣ линіи призываются одна за другой, по степени ихъ близости къ умершему, а задружный, гдѣ вся задруга, въ совокупности всѣхъ своихъ членовъ, наслѣдуетъ одновременно. Каждый изъ членовъ задруги *имѣлъ право собственности только на идеальную часть* задружнаго имущества, выть, причемъ распредѣленіе этихъ вытей совершалось поколѣнно; право-же пользованія принадлежало всѣмъ одинаково. При существованіи семейной общины право собственности отдѣльныхъ членовъ оставалось скрытымъ: оно выступало наружу при отчужденіи семейнаго имущества; сумма, вырученная изъ продажи, распредѣлялась, вѣроятно, *поколѣнно*, между членами задруги.

Семейныя общины встрѣчаются еще въ 17 вѣкѣ даже въ городахъ. Такъ напр., мы имѣемъ одну грамоту 1581 г., въ которой вдова посадскаго человѣка бьетъ челомъ: «одна де осталась послѣ мужа своево съ сыномъ своимъ Івашкомъ у родныхъ ево братьевъ, а у своихъ деверьевъ... в вопчихъ животахъ, а

вымъ сестричамъ, роднымъ Ивану да Ѳеодору Залѣшанину да Маткѣ Васильевымъ дѣтемъ Боброва матери ихъ выть Маврина, да двѣма Иваномъ да Петрушѣ Семеновымъ дѣтемъ Соколовынъ дѣтемъ Соколова Чертовыхъ отца ихъ выть Семенова, да Григорью Иванову сыну Чертова да братаничю его Ивану внуку Семенова сына Чертова отца его выть Семенова, да его-же братаничемъ Стефану, да Семену Кузминымъ дѣтемъ Чертова отца его выть Семенова, да его-же братаничемъ Стефану да Семену Кузьминымъ дѣтемъ Чертова отца ихъ выть Кузмина, да Ивану Ѳеодорову сыну Чертова отца его выть Ѳедорова».

вино де деверья еѣ... ни поятъ, ни кормятъ и з двора зживаютъ» [1]), т. е. поступаютъ противно задружному обычаю, по которому овдовѣвшій, придружившійся супругъ имѣлъ право оставаться въ семейной общинѣ. Тѣмъ вѣроятнѣе встрѣтить такія общины въ сельскомъ населеніи, положимъ, Новгородской земли, гдѣ въ 16 и 17 вѣкахъ процессъ колонизаціи находился въ полномъ ходу. Населеніе крестьянскихъ дворовъ, обыкновенно немногочисленное, иногда достигаетъ значительнаго размѣра. Попадаются деревни въ *четыре* и пять семей, напр. «деревня Бурятина Хотово, (д) Илейка Овсековъ, братаничи его Омельянко, да Климко, да Порфейко Грихновы. Дер. Хотово, (д) Осташко Овсѣевъ дѣти его Илейка да Кuземка, да Мичико, (д) Кирьянко да Левенко Онисимовы, да Сменко, да Стенко Маковейковы. Село Кулза Городенскаго погоста (д), Бориско Кузыминъ, сынъ его Грихно; да Куземка Степановъ, да Власко Степановъ, да Ондрейко Степановъ-же» [2]). Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что крестьянскія семейныя общины, достигая иногда довольно значительныхъ размѣровъ, могли состоять не только изъ лицъ родственныхъ другъ другу (по крови—сынъ, братъ, братаничь,—по браку—зять), о чемъ всегда дѣлается оговорка [3]), но и изъ лицъ постороннихъ другъ другу, уговорившихся жить заединомъ, въ одномъ дворѣ.

---

[1]) *Воронежскіе акты.* Изданы Н. Второвымъ и К. Александровымъ Дельникомъ. Книжка III (1853 г.), гр. *CIV*, р. 26.

[2]) *Переписная книга Вотьской пятины*, Временникъ, кн. 11, р. 102, 119.

[3]) *Переп. кн. Вот. Пят.*: «деревня Замошье (д) Левонко Сидоровъ да *зять* его Фетко, р. 5. Акты въ приложенія къ ст. Барсова: «Палеостровъ, его судьба и значеніе въ Обонежскомъ краѣ». См. *Чтенія Моск. Об. Ист. и Др. 1868 г.* № 44. Правая гр. 1539 «Деревня на Онезе озерѣ на Уноскомъ островѣ въ дворѣ Оникейко Семеновъ да его дѣти Михалка да Микулка, в дворе Ульянко Семеновъ да *зять* его Игнатка». Прежде 1 дворъ, 2 челов.; нынѣ 2 дв. 5 челов. *Въ Чтеніяхъ 1863 г., 1. Смѣсь,* напечатанъ актъ 1582 г. «Се язъ, города Гдова старыхъ дѣлъ колымажныхъ Савосьянъ... Севрюковъ, принялъ я... къ себѣ вобя (отъ слова вабити, приманывать, зазывать—вабь,-вабійзять), а надѣлу даю ему вобю треть, а буде добрѣ будетъ вобью, то и половину ему, вобю, а какъ Богъ по душу сошлетъ, то и все ему вобю».

Явственные слѣды семейной общины и общаго владѣнія мы встрѣчаемъ у своеземцевъ (въ 16 в.), вымирающемъ типѣ древняго землевладѣнія.

Расчистивъ новину, крестьянинъ одновременно былъ земледѣльцемъ и собственникомъ земли; но уже въ слѣдующемъ поколѣніи личный характеръ владѣнія терялся: дѣти и дальнѣйшіе потомки продолжали жить на отцовскомъ участкѣ,—являлось задружное владѣніе землей.

Напр. «Юшка да Исайка Давыдовыхъ, да братаничевъ ихъ Осташка да Максимка Ивашковыхъ дѣтей Давыдова деревня Каменца у Волхова, (д) сами своеземцы Юшко да Исачько, (д) сами своеземцы Осташко да Максимко» [1]).

Иногда своеземцы принимали къ себѣ крестьянъ, но задружный типъ владѣнія землей сохранялся:

«Кирилка Ѳедосѣева, да его братьи Данилка Ивашкова, да Васюка Гридина, да Данилка, да Игната Степановыхъ, да Якуша Минина, да Васюка Ондрѣева Филиксовыхъ» — всего 7 деревень и 19 дворовъ; изъ нихъ въ 6 дворахъ живутъ сами своеземцы; они-же сами «сѣютъ ржи полъ третьятдцать коробей, а сѣна косятъ 200 копенъ, 6 обежъ» [2]).

Что это была не только общая собственность на нераздѣльное имущество, но и общее пользованіе, доказываютъ слѣдующіе факты: «Радивонка Микитина, Тараска Палкина, Сидорка Маковѣева: деревня на Сямеѣ на верхней (д) самъ Радивонка (д) самъ Тараско; деревня на Сямѣе же (д) самъ Сидорка Маковѣевъ сѣетъ ржи 6 коробей,, а сѣна коситъ 60 копенъ» ; въ обѣихъ деревняхъ $1^1/_2$ обжи [3]).—Обыкновенно каждый поселокъ представлялъ отдѣльную поземельную единицу, самостоятельно пользовавшуюся своей землей. Поэтому въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ по каждой деревнѣ показывается отдѣльно пространство ея земли, посѣвъ и т. д. Здѣсь тѣже данныя сообщаются нераздѣльно по обѣимъ деревнямъ. Значитъ, въ нихъ было общее владѣніе и пользованіе. Въ приведенной цитатѣ кажется страннымъ, что только Маковѣевъ сѣетъ и ко-

---

[1]) *Переп. кн. Вот. Пят.* Времен. кн. 11 р. 29.

[2]) Ib. р. 188. кн. 12 р. 110—112.

[3]) Ib. кн. 12 р. 28.

ситъ, а о другихъ ничего не сказано. Другіе, далѣе, названы только по именамъ, а Маковѣевъ еще по прозвищу. Можно объяснить это тѣмъ, что Маковѣевъ былъ хозяиномъ задруги, и потому онъ одинъ только названъ по прозвищу; онъ одинъ, какъ распорядитель задружнаго хозяйства, сѣетъ и коситъ.

Слѣды существованія задруги сохранялись въ обычаѣ отчуждать недвижимое имущество съ согласія всѣхъ задругарей. Имущество задруги, въ особенности недвижимое, принадлежитъ всѣмъ членамъ ея въ совокупности: глава задруги только распорядитель семейнаго имущества, но не имѣетъ на него правъ собственности; поэтому всякое отчужденіе совершается только съ согласія всѣхъ членовъ задруги, включая и женщинъ, обыкновенно пользующихся ограниченнымъ правомъ голоса. Такіе обычаи сохраняются до сихъ поръ у югозападныхъ славянъ; они-же существовали у нихъ въ глубокой древности и имѣли мѣсто у насъ. Подобно тому, какъ недвижимое имущество отчуждалось всѣми задругарями вмѣстѣ, всякое вновь пріобрѣтаемое имущество покупалось также съ общаго согласія и поступало въ нераздѣльное, общее пользованіе задруги. Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ особенности Новгородскія купчія XIV и XV ст.

«Се купи Окынѳь и Еванъ и Марке и Ѳедоро у Жирятиничей у Гошкуя и у Якова и у Бориса и у Выгната Разуевъ остово у Пикиничѣ земли... а стоялъ у печати Гошкуй ото всего племени». — Гошкуй, стоявшій у печати, вѣроятно, хозяинъ задруги; или: «се купи Константине и его братья Семене и Ортемья у Климушѣ у Михѣева землю»; или: Ив. Чевакинъ купилъ у Ермолиныхъ дѣтей часть тони. «У въ печати стоялъ Парьѳиней Ермолиничь и въ братьи своей мѣсто», [1]) опять, вѣроятно, хозяинъ задруги. Или: «се купи Грихне... оу Грихна и оу Федъта ї оу Въляша оу выгумновыхъ дѣтеї заозерскую землю на Налеі островѣ пожни оуцастокъ Іlъвѣша цимъ вълодъвалъ гуменъ ї его дѣти, а купи себѣ одерень и своімъ дѣтем» [2]).

---

[1]) *Ак. Юрид.* № 171, I, II, III; также X, XXI, XXV.

[2]) *Временникъ* кн. XV, Смѣсь. Новгород. купчая XIV в. р. 14. Тамъ-же слѣдующая любопытная *галицкая купчая 1351 г.* «купилъ панъ Вятславъ оу вѣки оу Василя иму жъ рѣчючѣ Скибичь ивъ іего брата на имя оу Генка и въ ихъ сiовця оу Оленка, иже купилъ панъ Вятславъ во всѣхъ трии»

Тоже въ нѣкоторыхъ купчихъ 16 вѣка: «Се язъ Василей Левонтьевъ сынъ Дьяконовъ купилъ есми себѣ и своимъ дѣтемъ, у Марьи у Ивановскіе дочери Курачева, а у Гавриловскіе жены и его сына у Григорья у Гаврилова сына у Залома, и у его жены у Дарьи у Ивановны дочери у Игумновы и у Заломовыхъ дѣтей у Евсевья да у Ѳоки пожни въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ». Въ актѣ продажи участвуютъ даже женщины. Впрочемъ, обычай допускать участіе женщинъ въ продажѣ недвижимаго имущества, какъ кажется, начинаетъ ослабѣвать. Уже въ слѣдующей купчей читаемъ: «Се язъ Тимоѳей, да язъ Иванъ, Ивановы дѣти Ржевскаго, да язъ Романъ, да язъ Дмитрей Михаиловы дѣти Ржевскаго продали есми вотчину свою и племянницъ своихъ долю»...[1]), — здѣсь продажа, какъ кажется, совершена, не испрашивая согласія племянницъ.

Съ разложеніемъ задруги идея общей собственности продолжаетъ жить въ народѣ, выражаясь въ правѣ предпочтительной покупки отчуждаемаго имущества со стороны родичей и сосѣдей (jus vicinitatis et proximitatis). Древнее и современное югославянское право предписываетъ продавцу предложить покупку сперва родичамъ и сосѣдямъ; Полицкій Статутъ выработалъ даже цѣлую процедуру на этотъ счетъ. Слѣды такого обычая встрѣчаются и въ нашихъ памятникахъ. Такъ въ одной Новгородской дѣльной 15 вѣка нѣкто Василій Ѳедоровичъ дѣлитъ съ братаномъ своимъ Василіемъ Степановичемъ «отцину свою и дѣдину, землю и села». «Асведе Богъ смерть Василію Ѳедоровичу, а не буде отрода или буде не до земли, ино ему земли своей мимо братана своего Василія Степанова ни мѣнять, ни продавать, ни приказывать». Также по духовной грамотѣ 16 вѣка (1518 г.) Иванъ Алферьевъ, завѣщая сыну своему Андрею и внуку Михайлу по половинамъ землю и пожни, оговариваетъ: «а будетъ моему сыну Андрею не до земли своего жеребьи, и Ондрею мимо своего братанича Михайла земли своей

землю, «а далъ имъ всѣмъ тремъ то сребро посполною рукою: тогды они пришедши вшитцы и своимъ племенемъ оувдали пану Вятславу со всѣми объѣзды того дворища по своей доброи воли».

[1]) *Ак. Юрид.* № 83, 1550; № 84, 1567 *Ак. отн. до юр. б.*, № 147, XV XVI, XX etc.

ни продать, ни промѣнить, ни въ закупы не поставити». Тѣже обязанности возлагаются на Михаилу по отношенію къ дядѣ его Андрею[1]).

О такомъ-же предварительномъ предложеніи или по крайней мѣрѣ испрашиваніи согласія родичей говоритъ издан. Сандуновымъ правая грамота 1559 г. «Милостивый Царь Государь! покажи милость: Андрей Квашнинъ даетъ вотчинку въ Кириловъ монастырь.... не по нашему совѣту; а та Государь вотчина не одного его и его родителей Петра Ильича и всѣхъ насъ, каковы близки, таковъ и онъ къ той вотчинкѣ[2])». Когда задруга отчуждала свое имущество, члены ея имѣли право на выкупъ его[3]), о чемъ свидѣтельствуютъ часто повторяющіяся выраженія «въ прокъ, безъ выкупа». Выраженіе это, чрезвычайно важное при изслѣдованіи института выкупа, подвергалось многимъ, но разнорѣчивымъ толкованіямъ; прежде чѣмъ изложить свой взглядъ, попытаемся вкратцѣ разсмотрѣть болѣе характеристическія мнѣнія, господствующія въ ученой литературѣ по вопросу о выкупѣ.

Преобладающая теорія[4]), принятая какъ общинниками, такъ и родовиками, приписываетъ выкупу очень раннее проис-

---

[1]) *Ак. Юрид.* № 260; № 417, 1518.

[2]) Цитировано *по Неволину*, Ист. Гр. Зак., т. III, р. 73.

[3]) Относительно права выкупа у поляковъ имѣемъ слѣдующую любопытную грамоту: «Hoc (patrimonium) si cuiquam vendidero, heredes mei habent potestatem jure nostro requirendi. Sed quamcunque possessionem mihi dux pro meo servicio vel gratia donaverit, illam vendo, eciam invitis amicis meis, cuiqunque voluero, quod in tali possessione non habent heredes mei jus requirendi». *Зигель*, Законникъ Душана. Прим. 1-е на стр. 185: «invitis amicis»—значитъ наоборотъ, при отчужденіи patrimonium нужно было ихъ согласіе, и все таки и въ этомъ случаѣ допускалось право выкупа; на это указываетъ самая приставка etiam. Ходъ мыслей таковъ: при отчужденіи отчины нужно согласіе родичей, которые сохраняютъ право выкупа; тѣмъ болѣе такое право они получаютъ при отчужденіи безъ ихъ согласія; но въ выслуженныхъ имуществахъ они лишены этого права *даже* при совершеніи продажи, безъ ихъ согласія. Иначе къ чему слово *даже*, на которое напираетъ разсказчикъ.

[4]) «Родовой выкупъ по своему началу несравненно древнѣе Судебника... Онъ установился въ самую первоначальную эпоху гражданственности

хожденіе. Родственный выкупъ, какъ онъ сложился въ Судеб. никахъ и Уложеніи, есть продолженіе изстариннаго обычая. Но такъ какъ между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ выкупомъ есть существенная разница, излагаемая нами теорія находитъ причину этой разницы въ постепенномъ ослабленіи и ограниченіи стародавняго учрежденія родственнаго выкупа. Эта теорія только на половину справедлива. Дѣйствительно, вплоть до эпохи Судебниковъ мы замѣчаемъ какъ бы постепенное ограниченіе выкупа, но, начиная съ нихъ за весь періодъ московскаго законодательства, мы наблюдаемъ противуположное явленіе: выясненіе и развитіе началъ родственнаго выкупа. Получается какое то противорѣчіе. Противоположное мнѣніе, развитое Гладковымъ [1]), говоритъ, что родственный выкупъ — явленіе искуственное, созданіе Московскаго законодательства, до котораго выкупа вовсе не существовало. Эта теорія прямо идетъ въ разрѣзъ съ фактами, игнорируя ихъ.

Неволинъ, въ высшей степени добросовѣстный и осторожный ученый, занимаетъ середину между этими двумя мнѣніями. Въ концѣ концовъ онъ высказываетъ совершенно неопредѣленное мнѣніе. «Неопредѣлительность, въ какой выкупъ родственный является по самымъ первымъ объ немъ извѣстіямъ, едва ли способна произвесть въ насъ убѣжденіе о глубокой его древности. Но онъ можетъ быть, тѣмъ не менѣе, весьма древенъ, такъ-же древенъ, какъ тѣ отношенія, изъ которыхъ могъ возникнуть» [2]).

Славянъ русскихъ... Напротивъ изданіе систематическихъ письменныхъ постановленій о выкупѣ въ Судебникѣ скорѣе свидѣтельствуетъ объ ослабленіи обычая...» *Дараганъ* Современ. Лѣтопись 1862, № 62 р. 1—4. *Бѣляевъ* выводитъ право выкупа изъ законнаго наслѣдованія, причемъ ссылается на Олеговъ договоръ. «Царскій Судебникъ не установлялъ права выкупа, но, напротивъ, ограничивалъ уже до прежде существовавшее право». Рецензія на соч. Гладкова. Рус. Бес. 1856, кн. 2. р. 106. «Право родов. выкупа есть позднѣйшій слѣдъ прежняго права рода на родовыя имущества». *Владимірскій-Будановъ*, Неиздан. законы юговапад. славянъ. Ж. М. Н. Пр. 1880, № 3, р. 114. *Чичеринъ*, Обзоръ Рус. В. 56 г. 3 кн. р. 377, *Никольскій* и др.

[1]) Московское правительство, «имѣя въ виду охраненіе вотчинъ въ рукахъ служилыхъ людей... узаконило выкупъ, какъ средство сохранить вотчину»... До этого если и было право выкупа, то оно вытекало изъ частныхъ сдѣлокъ. *Гладковъ*, О вліяніи обществен. состоянія 1855, р. 82, 77—78 см. *Аксаковъ*.

[2]) *Неволинъ*. Исторія Рус. Гр. Зак. т. III, р. 69.

Въ параллель съ этими разнорѣчивыми взглядами на право родственнаго выкупа различно толковались и выраженія «продать въ прокъ, безъ выкупа». Одни видѣли въ нихъ начало исчезновенія стараго обычая, другіе же усматривали въ нихъ простую юридическую формулу. Послѣдніе говорили: у насъ не было въ древности особыхъ выраженій для обозначенія вѣчнаго» отчужденія имуществъ, такъ какъ выраженія «купить и продать» имѣли тогда весьма широкій смыслъ, обозначая то вѣчное, то временное отчужденіе имущества (напр. въ залогъ). «По рѣдкости вѣчнаго отчужденія недвижимыхъ имуществъ, равно какъ и по двусмысленности выраженія, его означавшаго, предполагалось, что если въ актѣ продажи не были употреблены извѣстныя выраженія, которыя означали передачу имущества новому пріобрѣтателю въ вѣчное и потомственное владѣніе, оно считалось уступленнымъ во временное владѣніе, впредь до выкупа его, или самимъ прежнимъ владѣльцемъ, или его наслѣдниками. Для уничтоженія права выкупа требовалось, чтобы отчуждающій отъ него отказался... (поэтому) въ древнихъ купчихъ на недвижимыя имущества весьма часто замѣчается, что продавецъ или покупщикъ продалъ или купилъ имущество безъ выкупа. На оборотъ, выкупъ могъ быть прямо выговоренъ; въ послѣднемъ случаѣ подъ видомъ продажи былъ сдѣланъ собственно залогъ имѣнія» [1]). Но если бы Неволинъ тутъ же предложилъ себѣ вопросъ, почему же всегда предполагался выкупъ имущества, онъ пришелъ бы, быть можетъ, къ иному рѣшенію.

Слѣдуетъ предполагать, что древнѣйшій и позднѣйшій выкупъ не количественно, а качественно различныя юридическія установленія и подлежатъ строгому разграниченію. Смѣшеніе ихъ въ одномъ понятіи неминуемо ведетъ, или къ невѣрному изложенію хода развитія правовыхъ нормъ, или къ произвольному вычеркиванію цѣлаго періода изъ юридической жизни народа, или къ двусмысленности и неясности опредѣленій, которыя въ концѣ концовъ ничего не опредѣляютъ. Повторяемъ, оба выкупа различны по существу; одинъ назовемъ задружнымъ, второй принято называть родственнымъ [2]), хотя, при такомъ

---

[1]) *Неволинъ*, Исторія Рос. Гр. Зак. т. III р. 60—62.

[2]) Мы остановились на выраженіи «родственный выкупъ», такъ какъ оно менѣе неудачно, чѣмъ остальныя (его употребляетъ Неволинъ). Законъ

обозначеніи, названія не выражаютъ коренной разницы въ опредѣляемыхъ ими понятіяхъ. И задружный выкупъ большей частью родственный, потому что задруга преимущественно состоитъ изъ родственниковъ; но не въ этомъ суть.

Родственный выкупъ обозначается во второмъ Судебникѣ слѣдующими чертами: во 1-хъ, продавецъ не обязанъ былъ испрашивать согласія родичей на отчужденіе недвижимаго имущества (родоваго, отчины, дѣтины и др. — лишь потомъ прибавлены и другіе разряды имуществъ); во 2-хъ, права на выкупъ не имѣли: a) продавецъ, b) дѣти его и внуки, c) братья, племянники и ихъ нисходящіе, подписавшіеся на купчихъ. Выкупать могли остальные братья и племянники [1]). Позднѣе, съ расширеніемъ круга лицъ, призывавшихся къ наслѣдству, расширялся и кругъ родственниковъ, имѣвшихъ право на выкупъ; но основной моментъ — устраненіе отъ выкупа продавца, его нисходящихъ и родичей, подписавшихся на купчей — оставался неизмѣннымъ. Остальныя подробности: срокъ выкупа, цѣна и т. д.—для насъ пока не существенны.

Родственный выкупъ въ описываемой нами формѣ есть созданіе Московскаго законодательства ради интересовъ службы. Задружный выкупъ, проявляющійся въ совершенно иныхъ формахъ, есть органическое явленіе народной жизни и коренится во временахъ древнѣйшихъ.

Мы уже выше видѣли, что отчужденіе недвижимаго имущества происходило съ согласія всѣхъ членовъ задруги. Какое же значеніе имѣло тогда право выкупа? Для этого припомнимъ, когда совершалось отчужденіе,—былъ ли актъ отчужденія племенщины для задруги простой гражданской сдѣлкой, или болѣе важнымъ моментомъ въ ея жизни?

нашъ во всѣхъ статьяхъ о выкупѣ (1346—1350, 1367, 1369 1 ч. X т.) употребляетъ только описательныя выраженія. Термина же «родовой выкупъ» слѣдовало бы избѣгать потому, что за нимъ часто скрывается мысль о происхожденіи выкупа изъ родоваго владѣнія землей (если такое можетъ быть), напр. *Дараганъ*, *Владимірскій-Будановъ*, мысль, опровергнутая Неволинымъ т. III р. 68.

[1]) *Неволинъ*, Ист. Р. Гр. Зак. т. III р. 76—78. *Сперанскій* Гр. О родовыхъ имѣніяхъ. Архивъ истор. и статист. свѣдѣній, относящихся до Россіи. 1859 р. 64. Судебникъ Ивана IV ст. 85. »А о вотчинахъ судъ», по изданію *Акт. Ист.* т. I р. 246.

Всѣ свидѣтельства о задружномъ бытѣ говорятъ намъ, что отчужденіе племенщины покрывало позоромъ задругарей, что оно совершалось лишь въ случаѣ крайней нужды и никогда «брезъ велике неволе». Но разъ такая нужда наступила, и отчужденіе совершилось, за членами задруги оставалось всегда право выкупа, право воротить наслѣдіе отцовъ своихъ—фундаментъ, который соединялъ задругу въ одинъ домъ, сдерживая ее на единомъ хлѣбѣ и единомъ огнищѣ. Право выкупа принадлежало даже женщинамъ. Объ этой-то формѣ выкупа свидѣтельствуетъ выраженіе «впрокъ, безъ выкупа» [1]), встрѣчающееся во множествѣ древнихъ купчихъ и мѣновныхъ. Оно доказываетъ, что выкупъ проданной племенщины разумѣлся самъ собой, и самое устраненіе его указываетъ на упадокъ стараго обычая.

Что выраженіе: «впрокъ, безъ выкупа», не было въ древнѣйшія времена простою формулою, наравнѣ съ словами: одерень, ввѣки и др.—для обозначенія крѣпости продажи,—доказываютъ другія мѣста нашихъ памятниковъ.

Такъ напр., въ купчей 1583 говорится: «А продалъ есми язъ Алексѣй свой участокъ весь, чѣмъ самъ владѣлъ, Леонтью и ихъ дѣтемъ въ дернь безъ выкупа и дѣла мнѣ Алексѣю до того сугреба нѣтъ моимъ дѣтемъ». Или въ другой купчей 1611 г.: «А продалъ въ дернь безъ выкупа, и дѣла мнѣ Семену нѣтъ до того дѣтемъ и никому дѣлажъ нѣтъ»; или въ 1616 г. старецъ Воскресенскаго монастыря продалъ инокинѣ царицѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ огородъ свой, «въ прокъ безъ выкупа и нѣтъ до того моего огорода дѣла женѣ моей и дѣтемъ моимъ» [2]). Конечно, выраженія эти, какъ они представляются въ цитированныхъ памятникахъ, являются отголоскомъ, переживаніемъ предшествующей эпохи, но они показываютъ однако на существовавшее нѣкогда право выкупа. И если мы вернемся за два, три столѣтія назадъ, мы застанемъ это право еще въ его жизненной силѣ.

Дѣйствительно, въ одной духовной грамотѣ XIV в. читаемъ: «Во имя отца и сына и святаго духа се язъ рабъ Божии Григорей скимъ Иваново пишю рукописанье при своемъ живо-

---

[1]) *Ак. Юр.* № 75, 76, 78, 79, 80, 82, 86, 90, 98, 102. *Ак. относящ. доюр. б.* т. II. № 147. V, VI, VII, VIII, XXII, XXIII etc.

[2]) *Ак. Юр.* № 93, 97, 98.

тѣ, приказываю братьи своіеи и племяни своіему Ларивону и Дмитру и зятьи своіеи дочериемъ своимъ Оксиньи и Марини и внучатамъ своимъ буди вамъ вѣдомо что есмь продалъ село на Лукыни берегы за Озеромъ святому Николи и въ вѣкы и старыми грамотами и дали на той земли и на двоpiи и на пожняхъ 5 съроковъ бѣлкы, корова попълънка Никольких кунъ, а то село святому Николѣ вѣкы; а хто буде моего роду или племени или братьи или зятьи или дечереи или внуцатъ, а хто иметъ моіе старцево Григорьевъ проданые подвыгати, дадутъ святому Николѣ 8 съроковъ бѣлкы да корову попълънкъ съ приплодомъ». Право на выкупъ предоставляется здѣсь всѣмъ членамъ семейной общины, братьямъ, дѣтямъ, внучатамъ, дочерямъ, зятьямъ, которые обязаны заплатить покупную цѣну съ процентами: на 5 сороковъ бѣлка—3, за корову—приплодъ. Мы имѣемъ далѣе самую выкупную грамоту XV в., въ которой говорится: «Се выкупилъ Андронъ Левонтьевичь оу Вомоса оу Никулина тоню... отчину свою межю Лахтою и Онѣскими тонямѣ изъ дерну и изъ дерною грамотою... а далъ Ондронъ Омосу на тои тонѣ 100 бѣлъ а выкупилъ собѣ и своимъ дѣтемъ одерень». Здѣсь—не выкупъ временно отчужденнаго имущества, а настоящій выкупъ — изъ дерну, съ дерною грамотою, выкупъ имущества, отчужденнаго ввѣки, въ дернь. Кромѣ того, здѣсь сынъ выкупаетъ имущество, отчужденное отцомъ. «Отчина» въ то время вовсе не имѣла того широкаго значенія, какой получила впослѣдствіи; она обозначала просто имущество, перешедшее отъ отца къ сыну. Только, кажется, относительно имуществъ, данныхъ или завѣщанныхъ въ пользу церкви, не допускалось право выкупа. Такъ напр., въ одной данной XIV в., читаемъ: «Се далъ Есипъ инокъ скимъ Святому Николи ї вѣки полосу земли ї закраіну на 6 кучь на маломъ островки, за вкладъ, а дочеремъ моімъ і внучатамъ в ту землю невступатися». Устраненіе членовъ общины отъ права выкупа можетъ быть объяснено здѣсь святыми цѣлями, цѣлями спасенія души, которыя

---

[1]) *Временникъ*, Кн. 16. Смѣсь р. 19, 17, 18—19, 20. Въ то время очень хорошо понимали разницу между выкупомъ имущества, отчужденнаго въ вѣчное и временное владѣніе. Примѣръ послѣдняго: духовная XIV в.—«А заложили есмя ту пожню с Федором Петру Родивонову въ 30 бѣлахъ до кунъ, а вы выкупите ее святому Николи» р. 20.

преслѣдовалъ завѣщатель или вкладчикъ. Притязаніе на выкупъ такого имущества считалось преступленіемъ, навлекавшимъ на виновника гнѣвъ Божества. «А хто почнѣ отъимати у Святого Николи *тои лоскутъ, судится съ ними предъ Богомъ*», —говорится въ одной духовной той же эпохи (XIV в.).

Сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго. Въ правѣ задружнаго выкупа мы находимъ слѣдующіе два основные момента: во 1-хъ, отчужденіе недвижимаго имущества задруги съ согласія *всѣхъ* ея членовъ и, во 2-хъ, сохраняющееся, *несмотря* на это согласіе, право выкупа, принадлежавшее, какъ самому представителю семейной общины, отъ имени котораго совершалось отчужденіе, такъ и всѣмъ прочимъ членамъ общины, даже женщинамъ,—два момента, совершенно противоположные тѣмъ, которые мы отмѣтили въ правѣ родственнаго выкупа. Указанная противоположность въ обоихъ институтахъ объясняется различіемъ, какъ въ цѣляхъ, *ради* которыхъ они существовали, такъ и въ тѣхъ формахъ быта, *среди* которыхъ они существовали.

Задружный выкупъ имѣлъ мѣсто въ ту эпоху, когда отчужденіе недвижимостей было сравнительно рѣдко. Цѣлью его было воротить имущество въ ту задругу, изъ которой оно вышло. Опасаться, что такой выкупъ участилъ бы продажу имуществъ и вообще увеличилъ ихъ оборотъ,—было не зачѣмъ.

Родственный выкупъ возникъ тогда, когда отчужденіе недвижимыхъ имуществъ сдѣлалось объектомъ значительнаго числа сдѣлокъ въ гражданскомъ оборотѣ. Между тѣмъ, въ интересахъ государства было удерживать за служилыми людьми землю, которая замѣняла бы для нихъ жалованье, чтобы они не «оскудѣвали» съ отчужденіемъ земли и оттого службѣ убытка не было. Запретить отчужденіе земли значило въ сильной степени ограничить права вотчинника; дать же служилому человѣку право выкупа значило повести къ необдуманнымъ отчужденіямъ, мобилизировать землю и, нарушая при этомъ права покупателя, потрясти всю систему торговаго оборота. Законодательство избрало промежуточную форму, стремясь согласить интересы, какъ продавца, такъ и покупателя земли. Всякій вотчинникъ имѣетъ право на продажу земли; но при этомъ онъ, его нисходящіе, обязанные уважать отцовскую волю, и боковые родственники, изъявившіе согласіе на продажу, лишались права выкупа. Но чтобы не оставить служилые роды безъ земли

и соблюсти интересы службы, право выкупа было даровано всѣмъ членамъ служилаго рода, за исключеніемъ исчисленныхъ выше лицъ.

Право задружнаго выкупа постепенно распадалось, и находящіяся въ нашихъ рукахъ свидѣтельства юридическихъ актовъ даютъ намъ возможность намѣтить основные пункты такого движенія, но объ этомъ ниже, въ главѣ о вотчиномъ владѣніи. Идея задружнаго выкупа не исчезла окончательно; территоріальная община, выросшая на задружномъ корнѣ, унаслѣдовала отъ задруги и право выкупа [1]). Съ другой стороны, Московское законодательство, подхвативъ эту идею, воспользовалось ею ради своихъ выгодъ и, перекроивъ ее на свой ладъ, создало родственный выкупъ для служилыхъ классовъ.

Наконецъ, доказательство существованія у насъ семейной общины мы находимъ въ характерѣ нашего наслѣдственнаго права, точно такъ, какъ это послѣднее лучше всего объясняется съ точки зрѣнія задружныхъ принциповъ. Задруга, живущая на единомъ огнищѣ, однимъ хозяйствомъ, не знаетъ наслѣдованія; оно возникаетъ лишь тогда, когда каждая семья начинаетъ жить отдѣльнымъ домомъ, продолжая однако вести совмѣстно съ другими хозяйство, и простирается лишь на движимыя вещи; движимое имущество, находящееся въ отдѣльномъ домѣ, переходитъ послѣ смерти главы семьи къ его дѣтямъ, а за ихъ отсутствіемъ къ задругѣ, которая является единственнымъ наслѣдникомъ. Съ разложеніемъ задруги на семьи, наслѣдственное право продолжаетъ носить тотъ же характеръ; наслѣдуютъ только дѣти, а за ихъ отсутствіемъ имущество становится выморочнымъ и переходитъ, или къ территоріальной общинѣ, возникшей изъ задруги, если умершій былъ ея членомъ и связанъ съ нею въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ, или къ князю,

---

[1]) «И теперь у крестьянъ сохранились весьма древніе обычаи, намекающіе на родовой (?) бытъ. Въ Нижегородской губерніи есть мѣстности, въ которыхъ никто не можетъ продать ни дома, ни лошади, ни коровы и т. п. въ чужое общество, не сыскавъ раньше охотника изъ своей деревни. Если предметъ продается въ сторону, а затѣмъ выискивается покупатель въ своей деревнѣ, то свой покупатель отбираетъ отъ чужаго» купленную вещь и возвращаетъ ему задатокъ, или деньги, которыя онъ заплатилъ. (Дѣло 1871 г. Май ст. Шелгунова) по Хлѣбникову 1. с. р. 32.

если умершій сидѣлъ на княжеской землѣ, или былъ вотчинникомъ, стоящимъ внѣ поземельныхъ отношеній общины, или къ собственнику земли, если умершій сидѣлъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Далѣе, принципъ территоріальности, господствующій въ задругѣ и предоставляющій право пользованія имуществомъ задруги только тому, кто живетъ въ ней и участвуетъ въ общемъ хозяйствѣ, весь отражается въ наслѣдственномъ правѣ: къ наслѣдству призываются сперва сыновья; дочери при сыновьяхъ не наслѣдуютъ; онѣ имѣютъ только право на движимое имущество, потому что онѣ слабо связаны съ семьей, порывая связь съ ней при выходѣ замужъ. Замужнія дочери, какъ совершенно отдѣленныя отъ семьи, не имѣютъ права наслѣдованія. Точно также не призываются къ наслѣдованію выдѣленные сыновья. Всѣ такія черты носитъ древнѣйшее наслѣдственное право по Русской Правдѣ и Псковской грамотѣ, свидѣтельствуя о существованіи семейной общины въ быту русскихъ славянъ. Мы изложимъ постановленія обоихъ памятниковъ вмѣстѣ, такъ какъ они взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга.

Кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству по древнерусскому обычному праву, ограничивается дѣтьми, за отсутствіемъ которыхъ имущество становится выморочнымъ и поступаетъ къ князю (Рус. Пр. Карам. Сп. ст. 103 и 104) [1]; имущество, оставшееся послѣ умершаго лица, носило даже

---

[1]) Ст. 103 и 104. Рус. Пр. Статьи эти толкуются различно. Приведемъ главныя мнѣнія. *Никольскій* видитъ здѣсь двѣ формы наслѣдственнаго права: 1) наслѣдуютъ и боковые родственники — общая форма, 2) для смердовъ и бояръ, лицъ, зависимыхъ отъ князя, форма исключительная, при которой въ свою очередь различаются два случая: у смерда наслѣдуютъ одни сыновья, у бояръ къ наслѣдованію призываются еще дочери (*Кавелинъ*, Взглядъ на наслѣдов.). Иначе смотритъ *Цитовичъ* (Исходные моменты въ исторіи рус. права наслѣдованія, Харьк. 1870), который признаетъ одну только форму наслѣдованія съ чисто семейнымъ характеромъ; сословныхъ различій въ наслѣдственномъ правѣ не существовало, такъ какъ не было и сословій (§ 7, р. 29—53). Взглядъ правильный, подтверждающійся сравненіемъ съ сборниками обычнаго права славянъ. См. *Леонтовичъ*, Хорвато-Долмат. Законодательство.

характеристическое названіе выморшины (Пск. Гр. ст. 45), подобно польскому pusčizna [1]).

Наслѣдовали сыновья; при нихъ сестра не наслѣдовала; она имѣла только право на приданое («даяти часть на ня», ст. 103 и 107). За отсутствіемъ сыновей наслѣдовали дочери («но оже не боудеть сыновъ, а въ дщери възмоуть»). Но даже и въ *этомъ случаѣ замужнія дочери совсѣмъ устранялись отъ* наслѣдованія («а ли боудуть — дьщери замужьми, то не дати части»). Точно также сынъ, отдѣленный при жизни отца или матери, не жившій съ ними на одномъ хлѣбѣ, на одномъ корму, не имѣлъ правъ на наслѣдство (Пск. Гр. ст. 53).

Не имѣя претензіи исчерпать въ нѣсколькихъ строкахъ всю совокупность нормъ, регулирующихъ русское наслѣдственное право древнѣйшаго періода, укажемъ лишь на нѣкоторыя характеристическія черты его, вытекающія изъ задружнаго строя. Отцовскій домъ, безъ дѣлу, доставался младшему сыну (Р. П. ст. 112) [2]), потому что старшіе сыновья успѣли уже получить подмогу отъ семейной общины на заведеніе новыхъ хозяйствъ, и идея правды, господствующая въ задружныхъ отношеніяхъ, требовала такого раздѣла имущества отца. Съ другой стороны, принципъ территоріальности, выросшій на почвѣ задруги, породилъ слѣдующія нормы наслѣдственнаго права. Если мать умирала, не распорядившись своимъ имуществомъ (право распоряженія ограничивалось выборомъ между дѣтьми), послѣднее доставалось тому изъ дѣтей, у кого она жила и умерла (Р. Пр. ст. 114). *Вдова, оставаясь въ семьѣ, продожала пользоваться* семейнымъ имуществомъ; при раздѣлѣ она получала часть на прожитокъ, но не имѣла права на наслѣдство, потому что она только слабо связана съ семьей въ лицѣ своего мужа; со смертью мужа и раздѣломъ семьи, эта связь порывается (Р. Пр. ст. 106).

---

[1]) У нѣкоторыхъ народовъ не арійской семьи право выморочности идетъ еще дальше: «Говорятъ, что въ прежнее время, если гренландецъ умиралъ, не оставивъ взрослыхъ дѣтей, на имущество его смотрѣли, какъ на неимѣющее владѣльца, и каждый бралъ изъ него, что хотѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, что могъ, не обращая вниманія на... вдову и дѣтей». *Лёббокъ*, Начало цивилизаціи, С. П. 1876, 338–9.

[2]) См. оригинальное устройство ирландской семьи и обычай Borough Englisch. *Мэнъ*, Др. исторія учрежд. р. 166—180. Также у монголовъ *Le tourneau* р. 397.

Она прекращается также съ вступленіемъ вдовы во второй бракъ, при чемъ опять таки вдова лишается права на пожизненное пользованіе имуществомъ мужа (Пск. С. Гр. ст. 89).

Въ современномъ обычномъ правѣ мы опять таки встрѣчаемъ слѣды семейной общины. Начнемъ съ сѣвера, который по своимъ естественнымъ условіямъ напоминаетъ страну, занятую первыми колонизаторами-славянами. То же обиліе лѣса и болотъ, трудность расчистки, борьба съ природой. Крестьянинъ Архангельской губ. садится на облюбованный участокъ и расчищаетъ его. Потомки его остаются тутъ-же, расчищая новые клоки. Съ наростаніемъ семейной общины производится дѣлежъ земли; возникаютъ отдѣльные дворы, каждый съ своимъ участкомъ и хозяйствомъ, совокупность которыхъ составляетъ поселокъ, «печище». Не смотря на подворное землепользованіе, такой поселокъ смотритъ на свои земли, какъ «на общую собственность своихъ членовъ и только ихъ однихъ». Поселки эти довольно незначительны. Повсюду встрѣчаемъ «деревни изъ двухъ-трехъ и болѣе дворовъ, гдѣ всѣ носятъ одну и туже фамилію. Каждый поселокъ—самостоятельная поземельная община, не смѣшивающаяся съ другими. Волостныхъ общинъ совсѣмъ не существуетъ» [1]).

Въ Вологодской губерніи еще понынѣ можно наблюдать процессъ образованія задруги и переходъ ея въ территоріальную общину. Тамъ въ обширныхъ размѣрахъ существуетъ обычай устраивать выставки, починки и т. д., путемъ расчистки новыхъ участковъ. Постепенно «у починца разростается семейство, дѣлится, строитъ особые дворы и образуетъ цѣлыя деревни; названія нѣкоторыхъ деревень показываютъ, что онѣ ничто иное, какъ одно обширное семейство, какъ напр. Корнилята, Денисята, Микулята или Ермаковщина, Хомяковщина, Медвѣдевщина, Окуловщина, Некрасовщина и пр. Члены разросшагося семейства дѣлятъ скотъ и куличи и потомъ распредѣляютъ ихъ «поконно». Такимъ образомъ возобновляется общинный бытъ на починкахъ.... Съ теченіемъ времени починки разростаются въ деревни съ сложнымъ общиннымъ бытомъ» [2]).

---

[1]) *Сергѣевъ*, Съ сѣвера, Дѣло 1880, кн. 4, р. 202—222.

[2]) *Потанинъ*, Никольскій уѣздъ и его жители, Др. и Нов. Рос., 1876, кн. 10, р. 151.

Тоже подмѣтилъ другой изслѣдователь въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губ. И тамъ зачастую субъектомъ земельнаго владѣнія является семья. Съ размноженіемъ семьи и появленіемъ 2, 3 дворовъ, семейный характеръ измѣняется. «Иногда земля дѣлятся между отдѣльными домохозяевами-родственниками; иногда она считается общею собственностью, несмотря даже на совершенно самостоятельныя хозяйства собственниковъ; иногда, наконецъ, самое пользованіе ею въ общемъ ли *его количествѣ или извѣстною только частью производится* на чисто-общинныхъ началахъ, при помощи общиннаго труда». Въ основѣ общины сложнаго типа лежитъ задруга, на что напр. указываетъ названіе «печищныя пожни». Названіе «печищныхъ», какъ показываетъ самое этимологическое значеніе этого слова, происходитъ, очевидно, отъ слова *печь* или *печище* и повидимому означаетъ *первоначальныя, основныя по времени заимки земли»* [1])

Настоящую семейную общину, наконецъ, мы встрѣчаемъ въ средней полосѣ Руси. Профессоръ Самоквасовъ описываетъ одну изъ нихъ, которую онъ видѣлъ въ селѣ Воробьевкѣ Курскаго уѣзда. Она существуетъ уже 80 лѣтъ, ведетъ свое начало отъ одного крестьянина Софрона и состоитъ нынѣ изъ 45 человѣкъ. Всѣ Софроничи живутъ въ одномъ домѣ, главное помѣщеніе въ которомъ служитъ мѣстомъ общей трапезы. Они управляются выборнымъ хозяиномъ (разъ былъ избранъ племянникъ помимо дядей), который живетъ въ главномъ помѣщеніи, а остальные члены живутъ въ 3-хъ избахъ, къ нему примыкающихъ. Хозяинъ въ главныхъ случаяхъ совѣщается съ семейнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ взрослыхъ мужчинъ; хозяйство ведется сообща. Такія задруги часто встрѣчаются у *бывшихъ однодворцевъ* и казаковъ, владѣющихъ четвертною пожалованною землею, и наоборотъ сравнительно рѣдко—въ общинахъ съ передѣлами земли[2]).

Такія-же формы семейныхъ общинъ встрѣтилъ г. Красноперовъ въ Бѣлоруссіи. Число членовъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходитъ до 35—60 душъ. Они могутъ жить въ нѣсколькихъ хатахъ, но имущество находится въ общемъ обладаніи, такъ

---

[1]) *Щербина*, Сольвычегод. зем. община, Отеч. Зап. 1879, кн. 7, р. 58—59, кн. 8, р. 176.

[2]) *Самоквасовъ*, Исторія рус. права, т. I, вып. I, Варшава, 1878 г., р. 233—236.

что отдѣльные члены имѣютъ право собственности только на одежду и обувь[1]).

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ задругу на пространствѣ всей русской исторіи, а слѣды ея—въ весьма многихъ институтахъ русскаго древнѣйшаго права. Это даетъ намъ право заключить, что семейная община—коренная, исконная форма славянскаго быта. Семейная община владѣла имуществомъ сообща, отчуждала и пріобрѣтала его общими силами, съ общаго согласія всѣхъ ея членовъ. На основаніи приведенныхъ выше данныхъ, можно съ нѣкоторою достовѣрностью сказать, что первичная форма землевладѣнія была задружная.

По мѣрѣ размноженія членовъ задруги, нѣкоторые изъ нихъ выдѣлялись и основывали новую задругу, которая продолжала тянуть къ старой; путемъ колонизаціи постепенно возникалъ цѣлый союзъ задругъ, составлявшій территоріальную общину. Центромъ союза, къ которому тянули остальныя задруги, оставалась первичная задруга. Здѣсь было общее святилище[2]), подъ сѣнью котораго совершались мѣновыя сдѣлки съ другими общинами. Отсюда совпаденіе словъ *торжества* и *торгъ*, на которое указывалъ Кавелинъ (Бытъ рус. народа), или обозначеніе мѣста нахожденія церкви — словомъ погостъ, которое, очевидно, происходитъ отъ слова гостить, т. е. торговать, на которое указываетъ г. Ключевскій (Боярск. дума). Быть можетъ погостомъ называлась сперва первичная задруга, а потомъ это названіе было перенесено на территоріальную общину.

Господствующимъ типомъ поселеній была территоріальная община, слагавшаяся изъ совокупности мелкихъ хуторковъ, задругъ, разсѣявшихся среди непроглядного лѣса по берегамъ рѣченки и группировавшихся вокругъ старѣйшаго поселка, нѣсколько превышавшаго ихъ по числу своихъ членовъ; зачастую, впрочемъ, между первичной задругой и ея позднѣе колонизовав-

---

[1]) *Красноперовъ*, Отечеств. Зап. 1882 г., № 6. «Антошкина Община», р. 220—228.

[2]) Черты древняго строя въ современномъ сербскомъ селѣ: «Какъ всякій домъ имѣетъ свою «славу» или «красно имя», такъ точно у всякаго села есть своя «преслава» или «завѣтина», когда всѣ члены молятся Богу о ниспосланіи счастья и блага цѣлому селу и носятъ кресты по нивамъ и лугамъ. *Миличевичъ*, Сербск. община, Рус. Бес., 59 г., № 6, р. 62.

шимися дочерьми *не было почти никакой разницы.* Еще въ 1447 г. одинъ удѣльный князь по раздѣлу получилъ половину Заозерья и еще 100 деревень изъ другой половины. «Трудно предположить, говоритъ Ключевскій, что эта сотня деревень, отданная другому князю, не представляла сплошнаго округа, а была набрана изъ разныхъ волостей, которыя съ остальными поселками оставались во владѣніи великаго князя. Значитъ, въ числѣ ста деревень не было ни одной, которая носила-бы имя болѣе значительнаго поселка», потому, что иначе было-бы сказано: село такое-то, къ которому тянутъ деревни такія-то [1]).

Общею связью такой территоріальной общины служило единство колонизаціи, интересы религіи, защиты и торговли, сидѣніе на одной территоріи; но въ своихъ отношеніяхъ по землѣ каждый поселокъ былъ совершенно независимъ, представляя отдѣльную поземельную единицу.

Территоріальная община строилась по типу задруги. И здѣсь были свои хозяева, — выборные князьки, «нарочитые люди», быть можетъ, избиравшіеся изъ членовъ старѣйшей по колонизаціи задруги; здѣсь былъ свой совѣтъ—вѣче, состоявшій изъ хозяевъ задругъ, контролировавшій дѣятельность князьковъ, причемъ право голоса принадлежало одинаково всѣмъ вѣчникамъ; мѣстомъ вѣча была, вѣроятно, старая первичная задруга; руководствомъ для него—изстаринный обычай, преданія дѣдовъ и отцовъ.

Совокупность территоріальныхъ общинъ образовывала болѣе крупные союзы, устройство которыхъ опять таки слагалось по типу семейной общины. Въ основѣ народнаго быта лежала задруга.

Мы кончили. Но да позволено будетъ намъ, прежде чѣмъ поставить точку, бросить два, три бѣглыхъ замѣчанія.

Намъ могутъ сдѣлать упрекъ, что мы, стараясь уяснить себѣ первичныя формы землевладѣнія, черпали свои доказательства изъ временъ далеко ушедшихъ отъ той сѣдой старины, на которой мы должны были остановиться. Но хронологическія даты имѣютъ мало цѣны въ жизни народа; нужно обращать вниманіе на *общій фонъ народной жизни,* на *тѣ условія, среди которыхъ* совершается ея теченіе. Жизнь народа не совершается

---

[1]) *Ключевскій,* Боярская дума, Рус. М. 1880, кн. 11, р. 141.

повсюду съ одинаковой быстротой; въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ она достигаетъ уже сложныхъ формъ, въ другихъ — подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, замедляющихъ прогрессъ ея, она еле взбирается по первымъ ступенямъ развитія. Такой замедленный процессъ развитія чрезвычайно важенъ для изслѣдователя. Позднѣйшія по времени, но первичныя по существу, бытовыя формы даютъ ему возможность возсоздать картину первобытной эпохи народной жизни съ такою полнотой, на которую онъ не могъ бы расчитывать, ограничивая свой научный матеріалъ обыкновенно скудными свидѣтельствами современниковъ. Таково именно положеніе изслѣдователя первичныхъ формъ поземельныхъ отношеній въ древней Руси. Сказанія современниковъ бѣдны и по количеству, и по содержанію. Они получаютъ свою цѣну лишь при освѣщеніи ихъ съ точки зрѣнія другихъ, болѣе опредѣленныхъ фактовъ. А такихъ фактовъ множество. Колонизація русской земли совершалась очень медленно и постепенно. Въ то время, какъ въ старѣйшихъ по времени колонизаціи мѣстахъ возникли сплоченныя территоріальныя общины — городскія и сельскія, — въ другихъ, еще не такъ давно занятыхъ, удерживались первобытныя бытовыя учрежденія. Колонизаціонное движеніе продолжается еще по нынѣ на сѣверѣ, и изслѣдователь съ полнымъ правомъ умозаключаетъ отъ этихъ матеріально-молодыхъ эпохъ къ періоду младенчества русскаго народа.

Намъ могутъ сдѣлать еще упрекъ, что мы, не ограничиваясь нашей спеціальной задачей, забирались и въ другія области права.

Но во 1) вопросъ о формахъ поземельнаго владѣнія такъ тѣсно связанъ съ другими сторонами правовой жизни народа, что не можетъ быть рѣшенъ помимо ихъ изученія.

Во 2) основныя клѣточки опредѣляютъ собою содержаніе цѣлаго періода народной жизни, придавая ему особую окраску. Онѣ могутъ исчезнуть, но вліяніе, оказанное ими на юридическіе институты, продолжаетъ жить очень долго, представляя намъ возможность по этимъ переживаніямъ судить о сравнительно ранней эпохѣ.

ГЛАВА II.

Образованіе различныхъ формъ поземельнаго владѣнія.

Исторія Россіи — исторія колонизующейся страны [1]). Въ своемъ постоянномъ колонизаціонномъ движеніи, волости и земли часто приходили другъ съ другомъ въ столкновенія, для замиренія которыхъ приглашались князья-нарядники. Такіе случаи призванія не были исключительнымъ явленіемъ ни у русскихъ, ни у югозападныхъ славянъ; только волости, обособленныя самой природой и отрѣзанныя отъ своихъ сосѣдей, не звали князей и не нуждались въ нихъ. Однимъ изъ такихъ призванныхъ князей, Рюриковичамъ, удалось упрочить за собою положеніе нарядниковъ и правителей. Событіе это имѣло скорѣе династическій характеръ и не измѣнило кореннымъ образомъ строя земской жизни. Рюриковичи только развили далѣе коренившіяся въ быту народномъ начала и, ставъ во главѣ колонизаціоннаго движенія, упрочили его.

Между тѣмъ, съ фактомъ призванія князей нѣкоторые писатели соединяютъ важныя послѣдствія, какъ для строя земской жизни вообще, такъ и для поземельныхъ отношеній въ частности. Существуетъ школа, силящаяся доказать, что съ момента, призванія вся земля стала вотчиною, т. е. частною собственностью князя. Вотъ что говоритъ одинъ изъ ея представителей— Лакіеръ. «Сперва военоначальникъ, потомъ родоначальникъ, наконецъ Государь-вотчинникъ соединяли въ себѣ, строго говоря, обладаніе всею землею Русскою и удѣляли ее во временное владѣніе первоначально своимъ мужамъ, членамъ дружины, по-

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія т. I. (1851 г.). «Государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи», р. 4.

томъ родичамъ-князьямъ, связаннымъ съ своимъ старшимъ братомъ, Великимъ Княземъ, кровнымъ родствомъ и, наконецъ, людямъ служилымъ, за ихъ храбрость, за пролитіе имъ крови на войнѣ и впослѣдствіи за службу гражданскую»[1]).

Эта теорія Лакіера, встрѣтившая съ самаго начала рѣзкія возраженія (Кавелина Собр. Соч., особенно Отеч. Зап. 1848 № 8, кратко и дѣльно), была принята Чичеринымъ и распространена имъ на весь государственный строй древней Руси.

Какъ-же возникло, по ученію разбираемой школы, вотчинное право князя на всю территорію? Правда, говоритъ Лакіеръ, у насъ не было завоеванія; но вѣдь не даромъ же оставили князья и дружина свою родину, чтобы перемѣнить ее на другую? Наградою имъ служила земля. Чичеринъ идетъ дальше. На сѣверѣ князь еще явился въ роли посредника, но и здѣсь онъ вскорѣ сталъ полновластнымъ господиномъ, обращаясь съ народомъ, какъ съ рабами. Въ остальной Руси онъ уже прямо явился завоевателемъ. «*Силою оружія* пріобрѣлъ онъ себѣ землю»[2]).

Доказательства въ пользу своей теоріи Чичеринъ и Лакіеръ видятъ, во 1-хъ, въ словѣ «отчина», въ которомъ князья выражали свои отношенія къ управляемой ими странѣ, и которое въ частноправномъ быту означало «частную собственность»; во 2-хъ, въ завѣщаніяхъ и междукняжескихъ договорахъ Московскихъ государей, дѣлавшихъ «рядъ» о своемъ имѣніи и распоряжавшихся ими по праву частной собственности[3]).

Противъ этой теоріи и доказательствъ, на которыя она опирается, возражали въ прежнее время Бѣляевъ[4]), а недавно Градовскій[5]), Дювернуа[6]), Сергѣевичъ[7]) и Леонтовичъ[8]).

---

[1]) *Лакіеръ*, «О вотчинахъ и помѣстьяхъ», С.-Пб. 1848 р. 3—4.

[2]) *Чичеринъ*, «Еще о сельск. общинѣ», Рус Вѣст. 1856, 12 кн. р. 775—777. *Его-же*, Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. М. 1856, р. 2.

[3]) *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, М. 1858. Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей. Выводы р. 226—7 *Объясненіе слова «отчина»* р. 279. *Лакіеръ* 1. с. р. 24.

[4]) *Бѣляевъ*, Рус. Бес., 56 г. кн. 1, и особенно кн. 2, р. 118—123, 126, 133 и сл.

[5]) *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россія, т. I. 1868; р. 16—21.

[6]) *Дювернуа* Н., Источники права и судъ въ древ. Россіи, М. 1869; р. 115—130.

[7]) *Сергѣевичъ*, Вѣче и Князь, р. 318—319.

[8]) *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Ж. М. Н. Пр. 1874 г. Августъ, р. 228.

Слово «отчина», какъ оно употребляется князьями, обозначаетъ княжескій столъ, переходящій отъ отца къ сыну. «Названіе волости отчиной выражаетъ не существо власти князя правителя, а только указаніе на то, что такой-то столъ былъ нѣкогда занятъ отцомъ такого-то князя» [1]).

Подъ отчиной нельзя разумѣть право собственности князя на территорію. Князья называютъ и Новгородъ своей отчиной [2]), тогда какъ вплоть до конца 15 в. онъ былъ свободной, самовластной общиной. На югѣ, гдѣ, по словамъ Чичерина, князья добыли себѣ землю оружіемъ, народъ возмущается при одной мысли о наслѣдственномъ владѣніи князей территоріею. Въ 1146 г. Кіевляне говорили Изяславу: «ты нашъ князь, поѣди Ольговичь, не хочемъ быти, акы въ задничи» [3]). Если принимать вотчину въ частноправномъ смыслѣ, то въ такомъ случаѣ нужно признать, что и Господинъ Великій Новгородъ былъ

---

[1]) *Сергѣевичъ*, «Вѣче и Князь», р. 318—319. Вотъ мѣста лѣтописи, изъ которыхъ явствуетъ, что «вотчина» однозначуща выраженію «столъ отца». *Лейбовичъ*, «Сводная Лѣтопись», вып. I. 1876 г. 1093 г.: «и сѣде Святополкъ на столѣ отца своего» р. 172, 1094 г. «Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ и иде изъ града на столъ отець Переяславлю» р. 176. 1096 «И посла Олегъ слы своѣ къ Изяславу, глаголя: иди въ волость отца своего, а то есть волость отца моего и т. д. р. 185. Любопытно, что, исходя изъ тѣхъ же данныхъ, *Аксаковъ* пришелъ къ отрицанію частной собственности въ древней Руси и признанію одной государственной, прямо въ противуположность Чичерину, который отрицалъ въ древней Руси существованіе государственной собственности и признавалъ всю территорію частной собственностью князя. *Аксаковъ*, Полн. Собр. Сочин. т. I. Ст. «О состояніи крестьянъ въ древней Руси». «Отчина значила лишь право, или даже отношеніе, переходящее отъ отца, а вовсе не собственность, тѣмъ менѣе поземельную... Значеніе вотчинниковъ не было значеніе собственниковъ; потомственность вотчинъ и свобода распоряженія ими не должны насъ смущать; это была потомственная передача своего отношенія къ землѣ, своего права пользованія землею,— и полное имъ распоряженіе. Вотчинникъ имѣлъ государственное значеніе и потому не былъ господиномъ, бариномъ. Онъ былъ похожъ на тѣхъ мужей, которымъ въ первой древности раздавали города въ управленіе, даже на князей удѣльныхъ» р. 416, см. также р. 422—423. Или ст. «По поводу Бѣлевской Вивліотики», р. 511, 513.

[2]) Кромѣ лѣтописн. указаній напр. *Ак. Ист. т. I. № 44*, гдѣ митр. Іона называетъ Новгородъ «отчина и дѣдина Великаго Государя».

[3]) *Пол. Собр. Р. Лѣт.* т. II. (Ипатьевская) р. 23.

частнымъ собственникомъ своей земли. Въ 1398 г. Новгородцы жалуются, что Великій Князь отнялъ у нихъ «пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину» [1]), тогда какъ здѣсь говорится о верховномъ, территоріальномъ правѣ собственности на землю.

Въ древнихъ грамотахъ, на которыя ссылаются представители вотчинной теоріи, ясно проводится различіе между собственностью государственной и частно-княжеской. Возьмемъ для примѣра и разберемъ самую раннюю духовную Ивана Даниловича Калиты (вторую) 1328 г. Послѣ перечисленія *волостей*, представлявшихъ государственную собственность, идетъ перечисленіе княжескихъ *селъ* и движимаго имущества. Съ первыхъ князь получалъ только доходы и дани; поэтому только эти доходы и могъ завѣщавать князь своей семьѣ; «а тамгою и иными волостями городскими подѣлятся сынове мои; також и мыты, который въ котораго уѣздѣ, то тому; а оброкомъ городскимъ Василцева вѣданья подѣляться сынове мои». Вторыя, пріобрѣтенныя путемъ уступки или покупки, составляли частную собственность князя, которою онъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Обратимъ вниманіе еще на одно мѣсто духовной: «а опрочь Московскихъ селъ даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ Новѣгородѣ на Улмѣ» и т. д. «Здѣсь, говоритъ Владимірскій-Будановъ, завѣщатель приравниваетъ села, пріобрѣтенныя имъ въ другихъ княжествахъ или земляхъ (именно куплею и мѣною), не вообще къ московскимъ владѣніямъ, а именно къ Московскимъ селамъ» [2]), слѣдоват., различаетъ тѣ и другія.

Если-бы вся земля принадлежала князю, то ему незачѣмъ было-бы покупать себѣ села. Между тѣмъ, та же духовная приводитъ цѣлый рядъ случаевъ покупки князьями земли. Такія покупки — изстаринное явленіе. Въ духовной Калиты упоминается «село Павловское бабы нашее купля». Князь Андрей Боголюбскій, заложивъ церковь св. Богородицы во Владимірѣ, «дая и много имѣнія и свободы *купленыя*» [3]). Или въ завѣщаніи

---

[1]) *П. С. Р. Л.* т. III (Новгород. I.) р. 98.

[2]) *Владимірскій-Будановъ,* Христоматія по Ист. Р. Права. Вып. II (1880) р. 6.

[3]) *П. С. Р. Л.* т. II (Ипатьев.) р. 82.

князя Владиміра Васильковича 1287 года говорится: «а село есмь купилъ Березовичѣ Урьевича у Давыдовича Ѳедорка» [1]) и т. д.

Наконецъ, памятники свидѣтельствуютъ, что, на ряду съ вотчиннымъ правомъ князя на всю территорію, существововали права частныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ). Выходитъ, что на одинъ и тотъ же объектъ существовало два права, оба абсолютнаго характера, — противорѣчіе, которое хорошо сознавали сами послѣдователи вотчинной теоріи. «И князь и дружина, говоритъ Чичеринъ, оба воевали землю и потому оба пріобрѣтали право на нее... Такимъ образомъ, вслѣдствіе завоеванія на одну и туже землю образовалось двоякое право собственности: право князя, который, какъ глава дружины, считалъ своею собственностью всю завоеванную землю, и право члена дружины, который считалъ своею собственностью извѣстный участокъ». Отсюда «шаткость поземельныхъ отношеній, какую мы видимъ въ древнихъ грамотахъ. Князья видимо не знали, считать ли частныя земли своею вотчиною или нѣтъ; такимъ образомъ, иногда они говорятъ о своей вотчинѣ со включеніемъ земель, принадлежащихъ боярамъ и слугамъ, иногда же они ясно отличаютъ свою вотчину отъ послѣднихъ, какъ отъ чужаго владѣнія» [2]). Мы видѣли уже, что вотчина можетъ имѣть двоякое значеніе: во 1-хъ, она можетъ означать княжескій столъ, перешедшій отъ отца; во 2-хъ, частную поземельную собственность, опять таки перешедшую отъ отца. И то и другое значеніе отчины строго различается въ древнихъ грамотахъ. Шаткость и противорѣчія, которыя находитъ въ нихъ Чичеринъ, коренятся не въ жизни, которая развивалась по извѣстному укладу, а въ теоріи, игнорирующей или насилующей историческіе факты ради излюбленной идеи. Мысль о полномъ хаосѣ, господствовавшемъ на пространствѣ вѣковъ въ строѣ древней Руси, играетъ въ данномъ случаѣ роль фиговаго листка, которымъ поклонники неправильной идеи прикрываютъ наготу и бѣдность своихъ доказательствъ [3]). Разъ навсегда нужно твер-

---

[1]) *П. С. Р. Л.* т. II (Ипатьев.) р. 215.

[2]) *Чичеринъ*, Еще о сельск. общинѣ, (Р. В. 1856 г. кн. 12), р. 784, 785. Опыты, р. 281.

[3]) Мысль о хаосѣ, господствовавшемъ въ древней Руси, не смотри на

до помнить, что жизнь народа, какъ организованнаго цѣлаго, не терпитъ хаоса; она течетъ по извѣстнымъ законамъ, вскрыть которые не всегда легко, но которые тѣмъ не менѣе существуютъ; правда, въ исторіи народа совершается борьба идей и учрежденій, но и эта борьба регулируется извѣстными законами, не давая мѣста хаосу. Развитіе народнаго организма совершается постепенно. Хотя въ немъ идетъ постоянный обмѣнъ веществъ, но въ то же время организмъ, какъ цѣлое, остается неизмѣннымъ, совершая свои обычныя отправленія. Только по истеченіи извѣстнаго промежутка времени замѣчаешь, что организмъ вступилъ въ новый періодъ своего развитія, что въ жизни его совершилось крупное измѣненіе. Медленно, едва замѣтно вымираетъ старое; столь же медленно наростаетъ новое, и прослѣдить его зарожденіе на лонѣ стараго порядка представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ, хотя и трудныхъ, задачъ изслѣдователя.—Народная жизнь въ своемъ органическомъ развитіи (мы не говоримъ о насильственномъ) не терпитъ революцій, вырывающихъ съ корнемъ старый порядокъ и насаждающихъ на его мѣсто совершенно новый. Тѣ революціи, о которыхъ мы знаемъ, долго подготовлялись всѣмъ предшествующимъ ходомъ событій, являлись послѣднимъ актомъ развертывающейся драмы народной жизни, послѣднимъ ударомъ, довершавшимъ работу разрушенія, работу многихъ поколѣній. То новое зданіе, которое онѣ воздвигали на обломкахъ стараго, было сложено изъ кирпичей, обожженныхъ въ горнилѣ предшествующей исторіи.

Упроченіе Рюриковичей не представляетъ насильственнаго явленія въ жизни русскаго народа. На сѣверѣ они явились по призванію общинъ, для установленія идеи правды въ междусоюзныхъ отношеніяхъ и упроченія колонизаціоннаго наряда. На югѣ они были, правда, завоевателями; но завоеваніе вело только къ признанію власти князя и обложенію покоренныхъ данью, а не къ экспропріаціи всей земли въ пользу побѣдителей [1]). Па-

нелогичность ея, пріобрѣла право гражданства въ русской литературѣ. Такъ она легла въ основу труда *кн. Васильчикова* «Землевладѣніе и Земледѣліе» т. I.

[1]) *Бѣляевъ*, Дружина и Земщина, Времен. кн. I, 1849, р. 4. См. также *Дювернуа*, Ист. права, р. 21. «Торжество Олега въ землѣ днѣпровскихъ Кривичей и въ Кіевѣ, легко доставшееся ему при помощи сѣверныхъ воиновъ,

раллельно княжеской власти всюду удержалась свободная община съ своимъ вѣчемъ.

Не отклоняя теченія народной жизни въ новое русло, князья сами подчинились господствующему тону народнаго правосозерцанія. Ихъ отношенія къ своимъ родичамъ, къ дружинѣ и народу, построились по типу задруги [1]). Въ своихъ отношеніяхъ къ общинѣ, князь являлся домакиномъ, власть котораго возрастала при единеніи съ общиной и умалялась при разногласіи съ ней.

Дѣятельность князя состояла въ замиреніи междусоюзной розни, въ развитіи идеи права въ междусоюзныхъ отношеніяхъ. Только впослѣдствіи, по мѣрѣ *осѣданія*, князья расширяютъ свою власть и на весь внутренній бытъ общины, приходя въ столкновеніе съ вѣчемъ и вступая съ нимъ въ борьбу съ попеременнымъ счатьемъ,—борьбу, закончившуюся развитіемъ государственныхъ началъ.

Князья не только содѣйствовали развитію права и утвержденію общиннаго наряда, ускоряя такимъ образомъ косвенно колонизаціонное движеніе; они содѣйствовали колонизаціи страны *непосредственно, переводя населеніе въ глухія мѣстности*, окружая его оборонительною цѣпью сторожевыхъ городковъ, «срубая городы» и т. д. Такая дѣятельность князей начинается съ момента ихъ появленія на сценѣ исторіи; уже Олегъ «нача городы ставити». Владиміръ «заложи градъ Бѣлъгородъ и наруби въ не отъ инѣхъ городовъ и много людій сведе въ онь». Ярославъ «поча ставити городы по Рьси». Святополкъ «повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ Холму, въ свое имя нарекъ Святополчь городъ и повелѣ епископу Марину съ Юргевци сѣсти ту и Засаковцемъ и прочимъ отъ инѣхъ градъ» [2]).

Хотя призваніе князей не произвело кореннаго переворота въ русской жизни, тѣмъ не менѣе оно ускорило ея развитіе,

---

не было случайнымъ наѣздомъ съ цѣлью грабежа. Никакихъ слѣдовъ насилія мы не видимъ въ разсказѣ лѣтописца. У Кривичей Олегъ принялъ городъ (Смоленскъ) и посадилъ своего мужа. У Полянъ онъ явился врагомъ пришлыхъ людей, у Сѣверянъ—врагомъ Казаровъ».

[1]) *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Общин. задр. хар. *Palacky*, Geschichte Böhmens, т. II ч. I р. 15.

[2]) *П. С. Р. Л.* т. I р. 10, 52, 65, 97.

разбудило силы, дремавшія въ ней, содѣйствовало диференціаціи первоначальныхъ бытовыхъ формъ.

Вмѣсто прежней единообразной формы землевладѣнія появляется нѣсколько новыхъ: земли черныя, вотчины частныхъ лицъ и монастырей, подклѣтныя земли и помѣстья. Каждая изъ этихъ формъ, зарождаясь и развиваясь, оказывала свое вліяніе на развитіе остальныхъ, образуя сложную сѣть взаимодѣйствія причинъ и слѣдствій.

Въ настоящей главѣ мы намѣрены обозначить только возникновеніе каждой формы (путемъ первообразнымъ), предоставляя себѣ право въ слѣдующихъ главахъ набросать болѣе подробный очеркъ ихъ развитія.

Черныя земли. Съ постепеннымъ развитіемъ колонизаціи и упроченіемъ общиннаго наряда, утрачивается необходимость существованія крупныхъ сплоченныхъ задругъ, возникшихъ ради цѣлей самозащиты и выгодъ кооперацiи. Исчезаніе крупныхъ задругъ, вѣроятно, сдѣлалось замѣтнѣе съ призванія князей, усилившихъ причины ихъ распаденія. Утверждая идею права въ междусоюзныхъ отношеніяхъ, устраняя взаимную рознь общинъ, водворяя внутреннюю безопасность и оберегая русскую землю отъ захожихъ кочевниковъ, князья устраняли такимъ образомъ принципъ самозащиты, способствовавшій сплоченію задруги. Съ другой стороны, почва, тронутая земледѣльческими орудіями и выведенная изъ дикаго состоянія, требовала меньше усилій для обработки отъ своего хозяина. При ослабленіи указанныхъ двухъ причинъ сплоченія задруги: самозащиты и трудности обработки, выступило на первый планъ новое условіе, прежде дремавшее, а нынѣ уже непосредственно вліявшее на разложеніе крупныхъ задружныхъ формъ. Подсѣчная система хозяйства, требовавшая большаго пространства земли для своего примѣненія, требовала дробности поселковъ, такъ какъ при значительныхъ размѣрахъ поселенія, пашня зачастую забиралась-бы далеко отъ жилья, ведя земледѣльца къ непроизводительной тратѣ времени на переѣзды.

Крупная задруга, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ многоразличныхъ причинъ, распадалась на мелкія задруги или семьи, совокупность которыхъ составляла деревню. Позднѣйшія свидѣтельства даютъ намъ возможность, хотя въ неясныхъ чертахъ, возстановить процессъ разложенія крупной задруги и воз-

никновенія на ея мѣстѣ деревни, состоящей изъ мелкихъ задругъ или семей. Мы уже знакомы съ одной дѣльной, въ которой задруга Карзиныхъ дѣлится на 3 меньшія задруги, при чемъ недвижимое имущество было распредѣлено поколѣнно. Г-жа Ефименко приводитъ еще болѣе любопытную дѣльную 1640 года. Шесть братьевъ дѣлятся «промежь собою полюбовно, хлѣбомъ и солью, и слободою, и долгомъ и платьемъ, и кузнью, серебрянымъ, и мѣднымъ, и деревянымъ, судовымъ и всякимъ житейскимъ запасомъ, и скотомъ: конями и коровами и мелкимъ всякимъ скотомъ, всѣмъ безъ вывѣта, и деревнею тяглыми и оброчными землями и дворами и всѣми хоромы и подворными землями и всѣмъ безъ остатка». Сперва идутъ въ раздѣлъ постройки, потомъ земля. «Въ дворовомъ полѣ Шумилу досталася полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Завьялу полоса....; въ Пожелномъ поли да и въ закраинки, что за тѣмъ полемъ, досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Максиму полоса, отъ Максима досталась Завьялу полоса....; въ маломъ пожелномъ полцѣ Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса.... Въ прилукомъ полѣ да и съ закраинкою отъ проѣзжей дороги и въ лѣсу Шумилу досталась полоса съ верхняго края».....[1]). Такимъ образомъ, при дѣлежѣ каждый изъ задругарей получаетъ участокъ въ каждомъ изъ полей, при чемъ величина участка опредѣляется линіей родства; такое мѣрило раздѣла нисколько не противорѣчитъ задружному принципу, такъ какъ и понынѣ въ семейной общинѣ югозападныхъ славянъ мы встрѣчаемъ дѣлежъ недвижимаго имущества поколѣнно, а движимаго поголовно,—или дѣлежъ изстариннаго (родоваго) имущества задруги—поколѣнно, а благопріобрѣтеннаго (задруги, а не ея отдѣльныхъ членовъ, которое какъ прѣія не идетъ въ общій раздѣлъ, а достается своему хозяину) поголовно.

Такъ, на мѣстѣ крупной задруги возникаетъ деревня, слагающаяся изъ нѣсколькихъ мелкихъ задругъ и семей, при чемъ участокъ каждой состоитъ изъ нѣсколькихъ полосъ въ каждомъ полѣ и угодьяхъ, какъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ многочисленныя показанія древнихъ грамотъ 14 и 15 вв., тѣмъ са-

[1]) *А. Ефименко*, Крестьянское землевладѣніе, *Рус. Мысль* 1882. № 4, р. 215

мимъ въ свою очередь подкрѣпляющія мысль о происхожденіи деревни изъ задруги [1]). Размѣры поземельныхъ участковъ находятся сперва въ кратныхъ отношеніяхъ, какъ это показали превосходныя изслѣдованія г. Ефименко. Но такой первоначальный типъ деревни постепенно поддается измѣненію, благодаря переходамъ поземельной собственности изъ рукъ въ руки, путемъ отчужденія. Такъ напр., въ Карзинѣ курьи Онкудиновы дѣти Василій и Иванъ переуступили дядѣ своему Елизару Ѳедорову участокъ, доставшійся имъ при дѣлежѣ. Ихъ примѣру послѣдовалъ потомъ самъ Елизарій Ѳедоровъ съ Павломъ Онкудиновымъ. Точно также всѣ три Стефановы уступили свои

---

[1]) *Ак. Юрид.* № 71, XVIII «Се купи Кондратъ у Степана... землю, отцину его, дворъ и дворище, горней земли, 4 поляньяи, и притеребъ за улицею, 4 лоскуты на Юрмоли земли и у перевисѣщахъ, и въ тоняхъ, и въ ручьѣхъ отцины его». XIX «Се купи Игнате у Станшѣ село на Лучкини береги 7 поль, а на Юрмоли верхнемъ поли уцястокъ его, и въ дворищи уцястокъ его, и въ сосъники уцястокъ его, и у воротъ уцястокъ его, съ притеребомъ, на токной веретіи уцястокъ его, и на Великой пожни противъ ягодника уцястокъ его, и на Великой пожни противъ двора уцястокъ его».

Временникъ, кн. 16. Смѣсь. Купч. Новгор. XIV в. «Се купи игуменъ Василеи оу Гаврили, оу Малафѣевичь землю на горѣ на верхнемъ полѣ середняя полоса, оу воротъ на круглици, цетверть *вопцемъ поли подлѣ* оулицю полоса на Юрмолѣ. Высокая веретея надъ Озеромъ. передъ овиномъ лоскутъ. промежу Онисимовою землею и Филиповою на плоскомъ лоскутъ. промежу Флоровою землею и Филиповою, а пожня и веретейка орамая промежу Сельки. ною землею и Филиповою и за глубокимъ врагомъ лоскутъ земли на 4 пуза». Тамъ-же XIV в. «Се купи игуменъ Василей земли орамыи и пожни и дворища четверть и огородца подли Никольское дворище, оу Игнатья оу кузнеца оу Онисимова сына отчину его. *вопцемъ поли* полоса земли середняя, подли Гаврилову землю и болота половина. *вопцемъ поли* оу гумници оучастокъ его оу круглици четверть съ верхнего края отъ лѣса. На носу полоску земли оу стѣнного огорода подли Мундорову землю. С другую сторону Никольская земля. половина на логу конецъ Хлюпина озерка, оу Фомини наволоки гоны землю в зазуброю. подли Гаврилову землю другой лоскутъ подывою гоны земли. третей лоскутъ кутецъ и притеребъ к Нюрдоли якъ. и *вопицхи* треть пожни подли Мяшину орамую землю. С верхнего конца межа отъ конецъ Мишини орамои земли на среднею яму по верхнему краю. отъ яма на кривую иву. снижнего конца межа до Флорови земли». См. также *Сборникъ Муханова* 1866 г., № 311; I, VI, № 314 и т. д.

участки Тимофею и Гаврилу Сильвестровымъ. Назаръ Афанасьевичъ уступилъ тому-же Тимофею, «что изстари потягло отъ вѣка въ той земли, по отписи отца своего, свой жеребей *по книги*» (замѣтимъ, кстати подчеркнутое выраженіе, намекающее вѣроятно на веревныя). Всѣ такого рода случаи отчужденія участковъ совершенно затемняли прежнія отношенія и метаморфозировали задругу въ полный типъ деревни.

Задруги не всегда дѣлились окончательно; въ общемъ владѣніи *оставалось что либо изъ движимаго имущества или недвижимаго.* Такъ, въ концѣ дѣльной задруги Карзиныхъ говорится: «не въ дѣлу у насъ вобчего живота осталось: на луды дворъ да лодья съ якоремъ, да шейма и вся снасть, да парусъ, да меринъ; да въ Ислохомъ концѣ деревня, Омосова купля, да въ Похтокурьи полъ-тони, Назарьи купля» [1]) и т. д. Часть земли, не вошедшей въ раздѣлъ и оставшейся въ общемъ владѣніи, называлась «общимъ полемъ», «обчихой», и подъ этимъ названіемъ фигурируетъ во многихъ древнихъ грамотахъ [2]). Но даже въ случаѣ окончательнаго разложенія старой задруги, удерживалась мысль объ общезадружномъ владѣніи землей. «Дѣлежъ не разбивалъ цѣлаго безповоротно». Каждый соучастникъ, считая себя въ какомъ либо отношеніи обиженнымъ дѣлежомъ, могъ требовать передѣла; такъ что въ поздѣйшихъ дѣльныхъ оговаривается: А буде который изъ насъ здумаетъ землю ровнять и намъ другъ другу земля подъ ровность дать» [3]). Здѣсь кроется зародышъ передѣловъ; конечно, первоначально при обиліи земли, въ нихъ не было нужды, и если къ нимъ прибѣгали — то очень рѣдко. Но сама по себѣ мысль о возможности передѣловъ, *ради уравненія выгодъ всѣхъ соучастниковъ,* была чрезвычайно важна, нося въ себѣ зародышъ дальнѣйшаго развитія.

---

[1]) *Ак. Юрид.* № 23; 1571, p. 55.

[2]) См. акты *Временника, кн. 16*, указан. на предыдущей страницѣ. Также *Сборникъ Муханова* 1866 г., № 310 (14 в.). Игуменъ Василей далъ Никольскому *мон.* участокъ свой «*и въ опщихъ треть и у дву мѣстѣхъ перелошки*». № 311, VI. Игуменъ Никольск. мон. купилъ землю у Матѳѣя Урвана и «въ опщемъ поли полоса земли».

[3]) *Ефименко* l. c. p. 216.

Деревеньки сводились въ волости, погосты и т. д. Составляя каждая самостоятельную хозяйственную единицу, деревни связывались другъ съ другомъ единствомъ колонизаціи, сожительствомъ и т. д.

Подъ вліяніемъ монгольскаго ига и другихъ осложняющихъ причинъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, право собственности на землю ускользнуло изъ рукъ земледѣльческаго класса, за которымъ сохранилось одно право владѣнія, и перешло къ князю, какъ наслѣднику власти хана, верховнаго обладателя русской земли. Тогда совокупность деревень, сводившихся въ волости и сидѣвшихъ на землѣ, составлявшей верховную собственность князя, образовала такъ называемыя *«черныя земли»*. Объ этомъ подробнѣе ниже.

На ряду съ черными землями, возникаетъ *частная собственность* отдѣльныхъ лицъ, монастырей и князей. Разсмотримъ ея возникновеніе по различію указанныхъ субъектовъ права.

Вотчины частныхъ лицъ. Въ общей массѣ народа разложеніе задруги не было окончательное; на обломкахъ старой возникали новыя, мелкія задруги, стремившіяся къ разростанію до новаго разложенія и т. д. Всякій разъ, при занятіи новаго участка земли, семья починщика не расходилась врозь, оставаясь жить «заединомъ». По мѣрѣ разростанія числа его членовъ, влекшаго большую безопасность задруги, и облегченія разработки разъ поднятой почвы, ослабѣвала необходимость жить большою задругою. Она распадалась на отдѣльные дворы, совокупность которыхъ составляла поселокъ. Но духъ старой задруги не умиралъ. На обломкахъ ея возникала не частная собственность, а деревенская община, отдѣльные члены которой самостоятельно пользовались и распоряжались своимъ хозяйствомъ до поры до времени, пока не пришли въ столкновеніе ихъ взаимные интересы. Такимъ образомъ, задруга, то зарождаясь, то исчезая, двигалась отъ центра къ окраинамъ, преслѣдуя всюду свое назначеніе—образованіе деревенской общины. Масса народа черезъ-чуръ прониклась задружнымъ духомъ солидарности, чтобы допустить возникновеніе частной собственности изъ разложившейся задруги. Прежде чѣмъ изложить вѣроятныя объясненія происхожденія частной собственности, позволимъ себѣ не большое отступленіе. Обыкновенно признается, что частная собственность—явленіе относительно позднее, что она возникла

при разложеніи общины сложнаго типа и что она—результатъ прогресса земледѣльческаго промысла и введенія высшихъ системъ хозяйства. Предоставляя себѣ право вернуться впослѣдствіи къ этой теоріи, *пока ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ*. Въ противность указаннымъ положеніямъ, мы рѣшаемся думать и надѣемся доказать, что частная собственность возникаетъ очень рано, что ея зарожденіе предшествуетъ образованію общины сложнаго типа, которая у насъ напр. достигаетъ своего развитія въ 17—18 вѣкахъ, тогда какъ о существованіи первой мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, начиная съ 12 вѣка; наконецъ, исторія русскаго народа, равно какъ и свѣдѣнія о другихъ народахъ [1]), *показываютъ, что возникновеніе частной поземельной собственности* совпадаетъ съ эпохами самой грубой обработки земли, и потому ставить въ связь происхожденіе собственности съ исторіей земледѣльческой культуры кажется намъ рискованнымъ. Вопросъ можетъ быть скорѣе рѣшенъ съ точки зрѣнія юридической, чѣмъ экономической (придавая послѣднему термину узкое значеніе).

Вернемся къ нашей темѣ. Уже очень рано изъ общей массы русскаго населенія долженъ былъ выдѣлиться классъ лицъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ богатство и вліяніе. Это были или члены старѣйшихъ по колонизаціи задругъ, или люди, разбогатѣвшіе отъ торговли. Они не составляли отдѣльнаго замкнутаго сословія, а представляли скорѣе экономическій классъ, превышавшій значительно все остальное населеніе своимъ богатствомъ. Такъ, Ярославъ «начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ» [2]), т. е. *бояринъ превосходитъ мужа по своему богатству* почти въ 135 разъ. Самое слово бояринъ (боляринъ), про.

---

[1]) *Леббокъ* Начало цивилизаціи С.П. 1876. Частная поземельная собственность у Австралійцевъ. p. 336. По этому поводу *Летурно*, La Sociologie. 1880 p. 883—4, замѣчаетъ: Il est curieux de trouver chez une des races les plus inferieures de l'humanité, la proprieté individuelle et alieniable, c'est à dire telle quelle existe chez les races les plus civilisées. En outre, il n'y a pas lieu d'invoquer ici l'influence de l'agriculture, qui n'était pas même soupçonnée en Australie».

[2]) *П. С. Р. Л.* т. I, p. 62.

исходящее отъ «болій» (большій), обозначаетъ экономическое, а не родовое преобладаніе.

Бояре не составляли правящаго класса въ Русской землѣ по сословной привиллегіи; но они фактически сдѣлались имъ по своему вліянію. Это ясно видно изъ разсказа Нестора о переговорахъ Ольги съ древлянскими послами. Древляне послали сперва къ Ольгѣ «лучшіе мужи числомъ 20». Когда-же Ольга заявила: «да аще мя просите право, то пришлите мужы нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь князь»; Древляне «избраша лучьшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску землю и послаша по ню» [1]). Здѣсь различаются лучшіе мужи отъ тѣхъ изъ нихъ, которые держали землю. Слѣдов., состояніе лучшаго мужа еще не ведётъ непремѣнно къ правительственной дѣятельности, но за то занятіе правительственнаго поста придавало новый вѣсъ и значеніе лучшему мужу.

Съ призваніемъ князей ряды аристократіи увеличились дружинниками, окружавшими князя и участвовавшими во всѣхъ случайностяхъ его бурной жизни. Вмѣстѣ съ ними князь шелъ на войну, вмѣстѣ съ ними онъ думалъ «о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ [2]).

Въ то время, какъ въ массѣ народа духъ солидарности, принимая разнообразныя формы, продолжалъ опредѣлять весь жизненный укладъ народнаго строя, въ высшихъ слояхъ, состоявшихъ изъ княжихъ дружинниковъ и земскихъ бояръ, уже по самому своему положенію призванныхъ къ бурной тревожной жизни, требующей именно личной дѣятельности, рано сталъ развиваться духъ индивидуализма. Война и торговля, идущія рука объ руку въ первобытныхъ обществахъ, развивали въ человѣкѣ чувство самодѣятельности и служили ферментомъ образованія личнаго начала, тогда какъ земледѣліе, по своему мирному характеру, развиваетъ въ человѣкѣ духъ консерватизма, тяготѣющаго къ изстаринному обычаю.

Вслѣдствіе сильно развитаго начала личности, задруга рано подвергается разложенію въ аристократическихъ классахъ, не породивъ однако общины.

---

[1]) *Ibid.* p. 24.

[2]) *Ibid.* p. 54.

Была и другая причина, еще болѣе могущественная, которая способствовала появленію частной поземельной собственности первоначально именно въ средѣ боярщины и дружины,— это ихъ богатство.

Обыкновенно принимаютъ, что частная собственность возникла путемъ свободной заимки; но этого условія далеко недостаточно. Вновь расчищенная полоска земли только временно составляла объектъ частной собственности, именно, пока она принадлежала лично починщу или его семьѣ; но семья, наростая, превращалась въ задругу, которая, въ свою очередь, съ теченіемъ времени переходила указаннымъ нами процессомъ въ деревенскую общину. Только при значительныхъ размѣрахъ заимки, возникшая частная собственность не переходила въ общинную; только при такомъ условіи заимка дѣлилась между наслѣдниками, которые владѣли ею опять таки по праву частной собственности. Но какимъ образомъ могли возникнуть крупныя заимки? Разница въ размѣрѣ заимокъ не могла происходить отъ различія физическихъ силъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ она была бы очень незначительна. Большое пространство земли могло быть расчищено не одпѣми руками починщa, а съ помощью нѣсколькихъ работниковъ, при посредствѣ наемнаго труда. Богатый бояринъ нанималъ работниковъ для расчистки никѣмъ не занятой земли. Но откуда взялись въ ту отдаленную эпоху лица, соглашавшіяся работать на другаго, въ то время, когда земли было такое обиліе, и каждый изъ нихъ могъ сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ?

Правда, земли было много, но для ея эксплуатаціи нужны были средства, которыя не у всякаго были; незатѣйливыя земледѣльческія орудія можно было еще пріобрѣсти, но какъ достать скота, котораго, можно думать, опираясь на показанія Константина Порфиророднаго [1]) и лѣтописныя свидѣтельства [2]),

---

[1]) Memoriae populorum ab I. C. *Strittero*. Petropoli. 1774 г.: «ab ipsis (Patzinaticis—Печенѣговъ ?) enim boves, equos, et oves comparant (Russi)... nullum quippe horum animalium in Russia nascitur». Цитовано по *Туриновичу*: Исторія сельскаго хозяйства въ Россіи отъ временъ историч. до 1850 года.

[2]) Сведены у *Аристова*, Промышленность древ. Руси 1866 г., р. 41—48: 1) у древнихъ князей конницу составляли степные народы: 987 г.

было мало въ Русской землѣ, и который поэтому, вѣроятно, не былъ дешевъ? Скотъ пріобрѣтался только торговлею и войною съ кочевыми народами и потому сосредоточивался въ рукахъ бояръ и дружинниковъ.

Такимъ образомъ, одни имѣли скотъ и другія земледѣльческія орудія и нуждались въ рабочихъ рукахъ,—другіе имѣли рабочія руки и нуждались въ скотѣ; естественно, между ними должно было установиться извѣстное отношеніе. Бѣдняки, не имѣвшіе скота, порядались работать на богача, расчищать ему землю за извѣстную долю произведеній (копа) или за извѣстное количество скота (отарица), получая при этомъ подмогу деньгами, скотомъ и земледѣльческими орудіями.

Земля сама по себѣ не имѣла цѣнности; она получала ее только *при возможности обработать ее. Поэтому въ древности* не было собственно сдачи въ наемъ земли: сдавалась въ наемъ не земля, а скотъ и земледѣльческія орудія; земледѣлецъ былъ съемщикомъ скота, который сдавалъ бояринъ. Намеки на такое положеніе вещей сохранились въ древнемъ названіи боярина скотникъ [1]), т. е. лицо, обладающее скотомъ, а не землей.

съ Владиміромъ шли Торки «на конехъ». Тоже при Олегѣ и Игорѣ. 2) Дружинники и князья добывали скотъ, воюя съ кочевниками. Въ 1095 г. они взяли у Половцевъ скотъ, коней, верблюдовъ и челядь. Тоже въ 1103 и 1224 гг. 3) Въ мирное время скотъ добывался торговлей съ степными народами. Такъ весьма цѣнились «венгерскіе» кони. До 1389 г. даво Троицко-Сергіеву мон. «пятно ногайское». Слѣдов., русскіе еще до 15 в. добывали скотъ торговлей съ татарами. 4) Что не всѣ русскіе имѣли лошадей, видно изъ воззванія Изяслава 1147 г.: «доставаите отъ мала до велика, кто имѣетъ конь, кто ли не имѣетъ коня, а въ лодьи». Въ Новгородѣ было такъ мало скота, что нѣмцы въ 1240 г. угнали весь: «поимаша по Лугѣ вси кони и скотъ и нельзѣ бѣша орати по селамъ и нечимъ». Только князья и высшіе классы владѣли достаточнымъ количествомъ скота.

[1]) *Ак. Ар. Эксп. т.* 1 № 1, *1294—1304. Гр. Вел.* князя Андрея Александровича на Двину о дачѣ кормовъ и подводъ 3 великокняжескимъ ватагамъ. «Отъ Великаго Князя отъ Ондрея къ посадникамъ и *скотникамъ* и къ старостамъ». *Бѣляевъ* (*Разск. изъ Рус. Исторіи. Исторія Новгорода Великаго, 1864*) приводитъ Новгородскую гракоту начала 15 в. объ отдачѣ нѣкоторыхъ земель на Онежскомъ озерѣ въ Толвойскомъ краю Богородицкому монастырю. «Седоша *скотницы* и помужницы *толвойской земли* (*слѣдуетъ перечисленіе: посадникъ* Новгородскій, тысяцкій и др.; нѣкоторые съ дѣтьми...) оба земля и

Положеніе боярина была гораздо выгоднѣе его закупня, который, не получивъ скота, рисковалъ умереть голодною смертью. Вотъ почему экономически невыгодное положеніе закупня приближало его къ крѣпостному или даже рабу. Даже въ Русской Правдѣ замѣтны еще слѣды такого порядка, наряду съ началами новаго строя. Закупень, бѣжавшій отъ своего господина самовольно (Карам. Сп. ст. 70), обращался въ рабство; если закупъ совершалъ кражу, господину предоставлялось на выборъ, *или заплатить за кражу, причемъ закупень обращался ему въ* полнаго холопа, или продать его, заплативъ изъ вырученныхъ денегъ за покражу, а остальное взявъ себѣ (ст. 75). Господинъ могъ бить своего закупа за дѣло (ст. 73). Хозяинъ, далѣе, могъ даже продать своего закупа, и только впослѣдствіи это признано преступленіемъ (ст. 73). Точно также только впослѣдствіи,

---

пожнѣ» и т. д. *Карамзинъ* (Исторія, изд. 1842 г. т. IV, прим. 206) переводитъ *скотники-казначеи. Намъ кажется правильнѣе толкованіе Бѣляева: скотники* и помужники-землевладѣльцы, принимавшіе участіе въ мѣстномъ управленіи (даютъ землю), а не сановники, ибо въ такомъ случаѣ они не упоминались *бы вмѣстѣ съ дѣтьми и братьями. Между ними поименованы заурядъ посадникъ* и тысяцкій; слѣдов. званіе скотника и помужника существовало помимо тысяцкаго и посадника, хотя послѣдніе могли быть одновременно скотниками. *Изъ приведенной въ началѣ грамоты (Ак. Эк. № 1) видно, что скотникъ* считался ниже посадника и выше старосты. Что скотникъ соотвѣтствуетъ боярину, и что бояре, въ свою очередь, принимали участіе въ управленіи, — доказываетъ грамота *Великаго Князя Ивана Даниловича къ Двинскому посаднику* на Колмогоры и къ боярамъ Двинскимъ» (А. Э. т. I, № 2). Бѣляевъ l. c. 57 — 59. Терминъ, подобный скотнику, мы встрѣчаемъ въ древне-ирландскомъ правѣ: bo-air—значитъ *дословно-коровій* дворянинъ. *Скотъ* пользовался въ древности большимъ значеніемъ; у римлянъ онъ считался res mancipium; индусамъ запрещено ѣсть мясо. «Дѣйствительнымъ затрудненіемъ въ ту эпоху представлялось не пріобрѣтеніе земли, а пріобрѣтеніе орудій, необходимыхъ для ея обработки». Такъ какъ значительная часть ирландцевъ нуждалась въ скотѣ, а начальники, благодаря своимъ военнымъ набѣгамъ, имѣли его въ изобиліи, то возникала система аренды скота: Saerstock и Daerstock. «Новое положеніе, въ которое ставило соплеменника полученіе скота, было различно, смотря по количеству доставшагося ему скота. Тотъ, кто бралъ много скота, занималъ низшее положеніе сравнительно съ тѣмъ, кто получалъ меньшее его количество». Мэнъ придаетъ такое огромное значеніе скоту, что производитъ отъ него слово собственность (feodum отъ Vieh). *Мэнъ*, Древн истор. учрежденій: гл. V, p. 108, и глава VI, «Начальникъ и земля».

вѣроятно, постановлено, что закупень могъ быть свидѣтелемъ—послухомъ, и то только въ незначительныхъ дѣлахъ, въ случаѣ необходимости («въ малѣ тяжѣ, по ноужѣ»). Такое-же смягченіе первоначальной строгости представляютъ и др. статьи о закупахъ. Условія найма были, вѣроятно, крайне тягостны. На это, по крайней мѣрѣ, намекаютъ ст. 49—64. Рус. Пр., вычисляющія приплодъ. На это далѣе намекаетъ терминъ «покрута», сохранившійся еще въ Псковской Судной Грамотѣ и напоминающій ирландскую rack rente (хищническую ренту).

Только впослѣдствіи съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія страны, съ возростаніемъ спроса на рабочія руки, отношенія господина къ закупню стали измѣняться въ пользу послѣдняго; мало по малу закупень превратился въ крестьянина, сидѣвшаго на владѣльческихъ земляхъ. Но еще долго атмосфера отношеній между господиномъ и его закупнемъ оставалась пропитанною рабствомъ. «А холобьство обелное трое. А се третіе холопьство: тиоуньство безъ ряда или ключь къ себѣ привяжеть; съ рядомъ ли: то како ся боудеть рядилъ, на томъ же и стоить» (Карам. Сп. Рус. Пр. ст. 121),—т. е. praesumptio было рабство; нужно было особымъ договоромъ ограждать свою свободу.

Кромѣ закуповъ, земля бояръ и дружинниковъ обрабатывалась рабами[1]). Рабство возникало, или изъ военнаго права, причемъ его источникомъ служили военно-плѣнные, или изъ громадности уголовныхъ штрафовъ, обращавшихъ въ большинствѣ случаевъ несостоятельнаго преступника въ раба, или изъ свободнаго договора (ряда). О другихъ второстепенныхъ способахъ установленія рабства мы не упоминаемъ.

Мы остановились съ нѣкоторою подробностью на явленіяхъ закупничества и холопства потому, что первичное возникновеніе частной собственности объясняется именно при этихъ

---

[1]) *П. С. Р. Лѣт.* т. II. 1146 г. Враги раздѣлили дворъ князя Святослава «и не оставиша ничтоже княжа, но все раздѣлиша и *челяди* 7 сотъ» р. 27. 1159 г. Изяславъ «зая товара много Изяславли дружины, золота и серебра и *челяди* и коній и скота», р. 85, т. III (Новгород. I). 1209 г. разграбили Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ (посадника), «а села ихъ распродаша и *челядь*». Варлаамъ около 1192 г. далъ въ монастырь «землю... и съ *челядію* и съ скотиною». *Доп.* къ *Ак. И.* т. I № 5.

условіяхъ. *Только рабскій и крѣпостной трудъ* далъ возможность богатому дружиннику занимать обширныя пространства земли и поддерживать ихъ культуру; при незначительности занятаго участка, починокъ быстро превращался въ деревенскую общину; и только значительность заимки дѣлала возможнымъ развитіе и упроченіе института частной собственности. Образованію задруги въ боярскихъ семьяхъ препятствовалъ сильный духъ индивидуализма, развившійся въ средѣ этого класса. Наконецъ, задруга не совсѣмъ нужна была имъ: многочисленная челядь и закупы, окружавшіе боярина и работавшіе на него, составляли тѣ условія безопасности и коопераціи труда, ради которыхъ собственно и возникала задруга.

Такимъ образомъ, возникновеніе частной собственности фактически совершилось въ высшихъ слояхъ народа; и только впослѣдствіи, съ упроченіемъ ея идеи и распространеніемъ вотчиннаго владѣнія, образованіе частной собственности на землю стало возможно путемъ свободной заимки собственнымъ трудомъ, а слѣдов. и для работника-земледѣльца. Намъ кажется, такимъ образомъ, возможнымъ сказать, что происхожденіе института частной поземельной собственности носитъ *аристократическій* характеръ, придавая подчеркнутому слову не юридическое, а фактическое значеніе.

Возникшая, такимъ образомъ, частная поземельная собственность вовсе не была похожа на римское dominium; она первоначально пріурочивалась къ семьѣ и только впослѣдствіи къ отдѣльному лицу. Право частной поземельной собственности не было отвлеченнымъ правомъ: оно опредѣлялось размѣрами фактической обработки,—оно не было абсолютнымъ. Идея, развившаяся подъ вліяніемъ монгольскаго ига, о князѣ, какъ о верховномъ собственникѣ территоріи, нашла себѣ выраженіе въ обязательной службѣ вотчинниковъ въ Московскую эпоху.

Вотчины монастырскія и владычнія. Въ первые три вѣка христіанской эры, когда церковь подвергалась гоненіямъ, законъ запрещалъ ей владѣніе недвижимыми имуществами. Съ Константина Великаго такое положеніе дѣлъ измѣнилось, и церкви были открыты *всѣ способы пріобрѣтенія земли*; а ревность вѣрующихъ вскорѣ до того обогатила ее, что позднѣйшіе государи стали даже предпринимать мѣры для ограниченія быстраго скопленія земли въ ея рукахъ. Такъ было въ Византіи. Съ приня-

тіемъ христіанства въ Россіи, къ намъ перешли и положенія номоканона; и потому право церкви на владѣніе землей не подвергалось оспориванію. Коренясь de jure въ греческихъ законахъ, оно de facto постоянно подтверждалось жалованными, духовными и др. грамотами.

Нельзя впрочемъ думать, что духовенство сразу стало пріобрѣтать у насъ недвижимое имущество; для этого оно было еще бѣдно. Князья же на первыхъ порахъ жаловали духовенству не землю, а извѣстную долю доходовъ. Такъ, въ уставѣ кн. Владиміра о церковныхъ судахъ говорится: «Се язь князь Володимеръ поставихъ церковь святыя Богородица въ Кіевѣ и дахъ церкви той десятину по всей Русской земли во всѣхъ градѣхъ» [1]), т. е. именно десятину отъ доходовъ. Точно также Ярославъ поставилъ церковь св. Софіи «*и ины церкви ставяше по* градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая отъ имѣнья своего урокъ» [2]). Разсказывая, что кн. Изяславъ поставилъ монастырь св. Дмитрія изъ желанія превзойти Кіево-Печерскій монастырь, Несторъ добавляетъ: «Мнози бо монастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ» [3]). Въ этомъ свидѣтельствѣ Нестора нельзя видѣть указанія, что въ княженіе Изяслава существовало много монастырей, поставленныхъ государями и боярами; это скорѣе общее соображеніе лѣтописца, вынесенное имъ изъ изученія Византійской исторіи, на что указываетъ и терминъ «царь».

Первое опредѣленное свидѣтельство о пожалованіи монастырю земли встрѣчается при Изяславѣ, который далъ Ларіону гору на постройку Кіево-Печерскаго монастыря [4]).

---

[1]) *Владим.-Будановъ*, Христоматтія. Вып. I (1876), p. 197.

[2]) *П. С. Р. Л.* т. I p. 66.

[3]) Ib. p. 69.

[4]) Ib. p. 68. Такъ принимаетъ и *Милютинъ* (О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи p. 24—25), отрицая достовѣрность свидѣтельствъ о существованіи церковныхъ земель при Владимірѣ и Ярославѣ, p. 18—24. Иного взгляда держится *Горчаковъ* (О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ. 1871), утверждая, что оспореныя Милютинымъ акты подтверждаются, во 1-хъ, подтвердительной грамотой Василія Дмитріевича отъ 1403 года на уставы св. Владиміра и Ярослава (П. С. Р. Л. т. VI p. 82 — 86): «Крести ся Володимеръ и всю Русь... и по немъ правовѣрніи велиции князи

Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще встрѣчаются случаи пожалованія отъ князей, даренія частныхъ лицъ и завѣщанія недвижимыхъ имуществъ въ пользу церкви. Но всѣ эти способы пріобрѣтенія поземельной собственности монастырями являются производными, такъ какъ предполагаютъ уже ея существованіе у князей и частныхъ лицъ. Монастыри, подобно частнымъ лицамъ, имѣя въ братьи достаточное количество рабочихъ рукъ, а въ княжескихъ грамотахъ и ханскихъ ярлыкахъ—гарантію своей безопасности, и обладая нужными средствами для пріобрѣтенія скота и орудій, занимали и разработывали непочатыя земли, расширяя предѣлы своихъ владѣній и способствуя колонизаціи страны; подъ охраною монастыря сходились вольные люди «лѣсъ ронить и росчищать почву, превращая глухое мѣсто въ людный поселокъ» [1]).

Участвуя въ колонизаціонномъ движеніи и являясь его дѣятельнымъ органомъ, монастыри сами подчинялись общему духу *колонизаціи, усвояя его своей организаціи*. Какъ изъ первичной общины расходились во всѣ стороны тянувшіе къ ней починки, такъ и изъ стараго монастыря выходили новыя, находившіяся отъ него въ зависимости, обители. Такъ, къ Саввино-Сторожевскому монастырю было приписано 18 обителей, къ Донскому 6 и т. д. [2]). Какъ изъ стараго села шли выставки,

---

тоже пріяли готово, а къ тому и много приложили, создавше церкви Божіи и монастыри и епископью городы, погосты, села, винограды, земли, борти, озера, рѣки и волости дали ѣо всѣми прибитки»; во 2-хъ, грамот. Кіевскаго князя Александра Владиміровича 1441 (Ак. И. т. I № 259), гдѣ митрополиту предоставляется держать и отправлять въ своихъ владѣніяхъ все «какъ держали изстарины первые митрополиты» (Примѣч. на стр. 46—7). *В. Ключевскій*, въ академическомъ разборѣ сочиненія Горчакова (оттискъ р. 10—11), правильно замѣчаетъ, что, во 1-хъ, «свидѣтельство почти буквально сходно съ извѣстіемъ Степенной книги, разбираемымъ въ трудѣ Милютина, во 2-хъ, оно очень поздняго времени, и въ 3-хъ, ясно говоритъ о пожалованіи недвижимыхъ имуществъ церкви только преемниками св. Владиміра, не указывая, какими именно. Еще менѣе опредѣленности въ показаніи второй грамоты: она говоритъ лишь о томъ, что издавна придано къ церкви Божіей, какъ «держали изстарины первые митрополиты».

[1]) См. *Ешевскій*, Русская колонизація. Вѣст. Ев. 1866 кн. 1. р. 240. *Аристовъ*, l. c. р. 55—57.

[2]) *Милютинъ*, О недвижим. им. р. 293.

такъ точно существовали и выставочныя церкви [1]). По мѣрѣ того, какъ въ предѣлахъ погоста возникали новыя выставки,— земля, принадлежавшая церкви первичнаго села, дробилась и отходила къ выставочнымъ церквамъ. У старой церкви на Остречинахъ «приходу волостнаго изстари было 147 обежъ, изъ коихъ отошло къ 3-мъ выставкамъ: въ Лавду къ церкви Успенья 25 обежъ, въ Шелтоозеро къ Егорію Великому 20 обежъ, а въ Юсковичи къ Егорію 22 обжи». Какъ волостные разрубы и розметы налагались на село, которому помогали выставки,— такъ и всѣ десятинныя пошлины и кормы въ пользу епископа налагались на старую церковь, которой «пособляли новыя», причемъ старый Остречинскій попъ взымалъ съ нихъ «подъѣздъ и десятину», руководствуясь не личными соображеніями, а извѣстнымъ разсчетомъ, нарушеніе котораго вело къ вмѣшательству епископа [2]).

Вотъ любопытный примѣръ того, какъ заразительно дѣйствуютъ понятія, опредѣляющія народную жизнь, и какъ стремятся они къ распространенію, регулируя и проникая въ совершенно чуждыя имъ сферы.

Земли княжескія, подклѣтныя, дворцовыя. Онѣ могли образоваться, или при заимкѣ пустопорожнихъ земель, при помощи крѣпостнаго труда, но о такомъ способѣ мы уже говорили, или пріобрѣтеніемъ отъ частныхъ собственниковъ, но это уже второобразный способъ пріобрѣтенія, о которомъ рѣчь впереди. Наконецъ, онѣ могли образоваться путемъ уступки земли со стороны земщины. Лѣтописецъ называетъ такую уступку изстаринною, а уступленныя земли вѣковѣчнымъ владѣніемъ князя [3]). Но нужно помнить, что это соображеніе лѣтописца высказано во время послѣдней борьбы Новгорода съ Москвой, съ цѣлью, вѣроятно, освятить стародавностью права властолюбивыя тенденціи московскихъ князей. Намъ представляется болѣе

---

[1]) *А. Ист.* т. V, № 224; т. I, № 150. *Доп. кв Ак. Ист.* т. IV, № 43.

[2]) *Ак Ист.* т. I, № 142, 1543.

[3]) *П. С. Р. Л.*, т. VI, подъ 1471 г. «а которыхъ земель и водъ съ суда *по старинѣ* отступився князю великому, да тѣ земли опять за себя поимали» (Новгородцы), р. 3. Новгородцы «городы и волости его государева великаго княженья и земли и воды, и что *пошлины* его въ Великомъ Новгородѣ *извѣчные*» переуступили королю, р. 12.

вѣроятнымъ считать уступку результатомъ извѣстнаго предшествующаго хода событій, явленіемъ сравнительно новымъ.

Можно думать, что князья, для содержанія себя и дружины, *ограничивались сперва сборомъ уголовныхъ штрафовъ и другихъ повинностей.* Когда ихъ было недостаточно, они предпринимали войны, которыя велись именно съ цѣлью наживы и имѣли характеръ коммерческаго предпріятія. Олегъ, послѣ удачнаго похода на грековъ, «заповѣда.... дати воемъ на 2000 кораблей, по 12 гривнѣ на ключь, и потомъ даяти на Руския городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ и на Полътескъ и на Ростовъ и на Любечь и на прочая городы», *причемъ лѣтописецъ объясняетъ, почему бралась дань именно* на города, «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще» [2]), т. е. дань шла на ихъ содержаніе. Игорь погибъ жертвою ненасытности и корыстолюбія своей дружины. Ольга, покоривъ Древлянъ, «възложи на ня дань тяжьку, 2 части дани идета Кіеву, а третья Вишгороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Выльзинъ» [3]), т. е. $^{2}/_{3}$ дани шли дружинѣ, сидѣвшей въ Кіевѣ, а $^{1}/_{3}$ поступила къ княгинѣ на ея содержаніе. Вообще *дань шла потому въ города, что тамъ именно сосредоточивалась дружина.* Впрочемъ, старшіе дружинники получали въ кормленіе города и волости, а младшіе жалованье. Такъ, еще о Рюрикѣ говорится, что онъ «раздая мужамъ своимъ грады-овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро»; или Олегъ взялъ у Кривичей Смоленскъ «и посади мужъ свой. Отъ туда поиде внизъ и взя Любець и посади мужъ свой» и т. д. [4]). Наше предположеніе о томъ, что князья не получали сперваначалу *земли, а на содержаніе ихъ и дружины шли виры и нѣ*которые другіе, вѣроятно, незначительные сборы, но преимущественно дань съ покоренныхъ народовъ, ради которой и велись частыя войны, — подтверждается соображеніемъ позднѣйшаго лѣтописца, высказаннымъ въ предисловіи къ его труду. Не смотря на свой субъективный характеръ, соображеніе это заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и мнѣніе по какому-

---

[2]) *П. С. Р. Л.* т. I, р. 13.
[3]) *П. С. Л. Р.*, т. I, р. 25.
[4]) *П. С. Р. Л.*, т. I, р. 9—10.

либо вопросу всякаго свѣдущаго наблюдателя; да и долженъ-же былъ имѣть въ виду какіе либо факты нашъ лѣтописецъ, когда высказывалъ свое мнѣніе. Онъ говоритъ: «ти бо (древніе князья) не сбираху много имѣнія, не творимыхъ виръ, ни продажь въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяша дружинѣ на оружіе. А дружина его кормяхуся, воюющи иныя страны» [1]).

Еще въ 1446 г. Новгородцы дали князю Юрію «въ кормленье по волости хлѣбъ, а пригородовъ не дали» [2]).

Но такого рода измѣнчивые источники дохода не согласовались съ властью и значеніемъ князя. Поэтому князьямъ стало даваться извѣстная область въ кормленіе. Прямыхъ свидѣтельствъ о существованіи такого порядка вещей мы не имѣемъ, но косвенныя есть. Такъ напр., въ 1383 г. Новгородъ далъ въ кормленіе князю Патрикію Наримонтовичу города Орѣховъ, Корелу, полъ Копорьи и село Лускоe [3]).

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе возростанія княжеской власти, волости, отданныя въ кормленіе, превратились въ частную собственность князя, въ силу-ли давности, или въ силу акта уступки. Образовавшіяся такимъ образомъ княжескія земли существовали всюду. О существованіи ихъ въ Новгородѣ упоминаетъ цитированный нами выше лѣтописецъ. О существованіи ихъ въ Московской землѣ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты: въ 1478 году, по окончаніи войны, посадникъ новгородскій билъ челомъ великому князю «о вотчинахъ боярскихъ земляхъ, чтобы государь не вступался». Князь черезъ посла отвѣчалъ: «ино на чемъ великимъ князьямъ быти въ своей отчины, волостемъ быти, селомъ быти, какъ у насъ въ Низовской землѣ; а которые земли наши великихъ князей за вами, а то бы было наше»; при этомъ, соглашаясь на просьбу посадника, онъ обѣщалъ не вступаться «у бояръ у

---

[1]) *П. С. Р. Л.*, т. V, р. 87.

[2]) *П. С. Р. Л.*, т. IV, р. 123. *См. Лейбовичъ*, *Сводн. Лѣтопись*, *1876*, р. 185. Олегъ въ 1096 г. говоритъ: «се бо мя выгналъ изъ города отца моего, а ты ли ми здѣ *хлѣба* моего-же не хощещи дати»?

[3]) *П. С. Р. Л.*, т. IV, р. 90. Также *Собр. Гос. Гр. и Дог.*, т. I. № 10, 1037.

Новгородскихъ въ отчины въ ихъ земли»[1]). Здѣсь, значитъ, не было насильственной экспропріаціи земли,—частная собственность оставалась неприкосновенной; князь требовалъ себѣ только того, что было *отнято у него беззаконно, и что слѣдовало ему по праву*, признанному и въ Низовской землѣ, т. е. на Москвѣ. И тамъ, въ этой его отчинѣ, давались ему села и волости, состоявшія въ его непосредственномъ распоряженіи, служившія фондомъ для содержанія двора, безъ которыхъ князь не могъ обойтись «понежѣ намъ великимъ княземъ государство свое держати на отчинѣ Великомъ Новгородѣ безъ того нельзѣ». — Что Иванъ Васильевичъ водворялъ въ Новгородѣ старый порядокъ, существовавшій и на *Москвѣ*, доказываетъ *письмо* его къ матери, написанное по полученіи отъ Новгорода требуемыхъ волостей, въ которомъ онъ говоритъ, что онъ «отчину свою, Великій Новгородъ, привелъ во всю свою волю и учинился на немъ Государь, какъ и на Москвѣ» (Татищевъ, т. V, р. 75)[2]).

Княжескія земли послужили первоначальнымъ фондомъ для надѣленія служилыхъ людей вотчинами и помѣстьями.

Помѣстья, т. е. земли, предоставлявшіяся князьями служилымъ людямъ *для службы* и *по мѣрѣ службы* и замѣнившія прежнее денежное содержаніе дружины,—моложе другихъ формъ поземельнаго владѣнія и возникаютъ лишь послѣ татарскаго погрома. Они давались подъ условіемъ службы, съ прекращеніемъ которой отбирались на Государя для дальнѣйшей раздачи. Отличаясь первоначально отъ вотчинъ по способу пріобрѣтенія и прекращенія правъ и по объему ихъ, помѣстья въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи постепенно слились съ ними.

Кромѣ перечисленныхъ формъ поземельнаго владѣнія, были еще *дикія, пустопорожнія земли*, не находившіяся въ чьей либо собственности или въ чьемъ либо фактическомъ обладаніи. Въ по-монгольскую эпоху онѣ считаются принадлежащими князю[3]),

---

[1]) *П. С. Р. Л.*, т. VI, р. 214—217.

[2]) Цитировано по *Бѣляеву*, О поземельномъ владѣніи. Москвитян. 1848 ч. 5, р. 2.

[3]) *Ак. относящ. до юр. быта Калачова* т. I, № 31. XIX, 1471. Князь Андрей Васильевичъ пожаловалъ игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря всѣмъ, «что далъ оць мои князь велики Василеи.... вич на мѣ *своѣ пустоши*,

который имѣлъ на нихъ обширныя права распоряженія: могъ предоставить селиться на нихъ черным людямъ, приписать ихъ ко дворцу или раздать ихъ въ вотчины и помѣстья.

Сталкиваясь между собою, всѣ указанныя формы поземельнаго владѣнія оказывали другъ на друга вліяніе; на нѣкоторые моменты такого взаимодѣйствія мы попытаемся указать здѣсь.

Кромѣ указанныхъ выше условій, причиною, ускорившею метаморфозъ задруги въ деревенскую общину, можно считать появленіе частной поземельной собственности. Послѣдняя, создавая институтъ закупничества, ряды котораго вербовались изъ членовъ задруги, отрывая закупня отъ общесемейнаго огнища и ставя его въ непосредственную зависимость отъ новаго хозяина,—оказывала разрушающее вліяніе на задругу.

Идея частной поземельной собственности развилась и окрѣпла подъ сильнымъ вліяніемъ церкви и княжеской власти.

Вліяніе церкви сказалось двояко:

Во 1-хъ, посредственно. Воспитанная на правовыхъ идеяхъ грекоримскаго міра, церковь способствовала распространенію въ древней Руси римскаго понятія dominium, отчасти фактически собственнымъ примѣромъ, отчасти идейно. За примѣромъ не далеко ходить: въ древней Руси предѣлы права собственности были совершенно шатки, опредѣляясь границами владѣнія и пользованія: «куда соха, коса и топоръ ходили», да и самое то право носило грубо вещественный характеръ. Напротивъ, Римское понятіе dominium'а требовало отвлеченности и строгой опредѣленности его объекта, строгой разграниченности, для осуществленія которой нужны были межи и урочища. Такія межи и появились сперва только во владѣніяхъ духовенства и лицъ иноземнаго происхожденія (купчая Антонія Римлянина) и оттуда распространились въ прочихъ классахъ на-

---

у которыхъ пустошеи вотчичов нѣтъ», т. е. князю принадлежали земли порожія, не находившіяся ни въ чьей собственности; въ такомъ-же смыслѣ говорится въ той-же грамотѣ ниже «котор.... (е) емъ имъ пуст (оши) без отчичов подавалъ» или тамъ же, № 39, въ жалован. гр. на пользованіе берегомъ, написанной не позже 1462 г. «берег мои Великог князя, а вотчича дей оу него нѣт».

рода, особенно въ многолюдныхъ центрахъ, какъ Новгородъ и Псковъ (Рус. Пр. и Псков. Судн. Гр.), тогда какъ на глухомъ сѣверовостокѣ границы владѣнія еще долго продолжали опредѣляться мѣрою фактической обработки земли.

Во 2-хъ, церковь могла дѣйствовать и непосредственно на развитіе института частной поземельной собственности. Однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія церкви недвижимыми имуществами были завѣщанія, предполагающія сильно развитую идею частной собственности. Поэтому церковь явилась усердной заступницей этой идеи, проповѣдуя въ пользу развитія завѣщательнаго права. Вліяніе церкви въ этомъ отношеніи сказывалось непосредственно, такъ какъ ей были подсудны дѣла о наслѣдствѣ [1]). Тогда какъ въ древнерусскомъ правѣ не было завѣщанія, имущество поступало къ дѣтямъ, а отецъ имѣлъ лишь власть распредѣлять наслѣдственныя доли, и то по ряду съ дѣтьми,—вліяніе церкви не замедлило выразиться въ правилѣ отдавать церкви часть наслѣдства въ поминокъ, по душѣ умершаго [2]), правилѣ, начинающемъ собою исторію завѣщательнаго права въ Россіи. А развитіе завѣщательнаго права оказываетъ громадное вліяніе на образованіе института част-

---

[1]) *Доп. кз Ак. Ист.*, т. I, № 1. Уставъ Владиміра Св. о церковныхъ судахъ, которымъ подсуденъ и тотъ случай, когда «братья или дѣти тяжються о задницѣ». — «Изслѣдователи спрашивали себя, какимъ образомъ примирить противорѣчіе, существующее между положеніемъ Р. Правды, по которой дѣла о наслѣдствѣ подлежатъ суду князя, и положеніемъ устава Владиміра Св., по которому эти дѣла идутъ къ епископу. При такой постановкѣ вопроса очень многое упускалось изъ виду: 1) для этого первоначальнаго времени мы не имѣемъ никакого основанія выдѣлять наслѣдственное право изъ области дѣлъ семейныхъ, на которыя несомнѣнно оказало вліяніе христіанство, во 2-хъ, обращеніе къ дѣтскому въ Р. Правдѣ вовсе не предписывается, а предоставляется только, ибо статья о дѣтскомъ, которая имѣется лишь въ позднѣйшихъ редакціяхъ, есть собственно опредѣленіе урока дѣтскому на случай его призыва для раздѣла; наконецъ 3) ни уставы, ни Правда въ этомъ мѣстѣ не даютъ намъ средствъ заключить, въ чемъ именно власть духовная исключала дѣятельность свѣтской власти въ этихъ дѣлахъ, ибо понятіе суда и дѣятельность судьи въ X и XI вв. очень отличались отъ современныхъ». — *Дювернуа*, Источн. права, р. 35—36.

[2]) *Рус. Пр.* Карам. Сп. ст. 105.

ной собственности, придавая ему абсолютный характеръ и предоставляя собственнику распоряжаться своимъ имуществомъ не только при жизни, но и на случай смерти.

Княжеская власть, въ свою очередь, способствовала развитію отвлеченной идеи частной собственности.

Во 1-хъ, князья раздавали своимъ слугамъ пустопорожнія, никѣмъ не занятыя земли, и въ этомъ правѣ распоряженія землей, которой князья фактически не владѣли, нельзя не видѣть отвлеченнаго права собственности, которое потомъ переносилось на лицъ, пожалованныхъ землею.

Во 2-хъ, владѣльцы вотчинъ, право на которыя вытекало не изъ пожалованія, а изъ фактическаго отношенія къ землѣ, испрашивали на владѣемыя ими земли жалованныя грамоты, которыя придавали ихъ фактическому отношенію характеръ собственности. Такое право собственности можетъ быть названо отвлеченнымъ; ибо, независимо отъ фактическаго владѣнія, хозяинъ вотчины прибѣгалъ еще къ санкціи государственной власти, которая возводила фактъ на степень права [1]).

Развивая идею частной поземельной собственности, князья въ тоже время расширяли ея пространство, жалуя вотчины; впослѣдствіи, когда раздача земли въ вотчину почти прекратилась, вмѣсто нея развилась система помѣстій, которыя потомъ постепенно превратились въ вотчины, послуживъ мощнымъ орудіемъ ихъ распространенія.

Въ свою очередь, умноженіе вотчинъ частныхъ лицъ и подклѣтныхъ земель, расширеніе завѣщательнаго права, развитіе идеи частной собственности повели къ многочисленнымъ случаямъ даренія, завѣщанія и вообще отчужденія въ пользу церкви, и дали въ результатѣ умноженіе богатствъ духовенства и концентрацію въ его рукахъ громаднаго пространства земли.

Но несравненно сильнѣе всѣхъ этихъ взаимодѣйствій оказало вліяніе на судьбы русскаго землевладѣнія событіе, извѣстное намъ подъ именемъ монгольскаго ига.

«Въ русской исторіи, какъ это давно уже замѣчено нашими историками, лежитъ какая-то ненаполнимая пропасть между старымъ русскимъ «міромъ», «землей», и позднѣйшимъ монгол-

---

[1]) *Энгельманъ*, О пріобрѣтеніи права собственности, 1859, р. 45—46.

скимъ «государствомъ». *Монгольское иго, или, лучше сказать*, древніе «ойратскіе» уставы монголовъ, и представляютъ тотъ двухвѣковый мостъ, который выросъ надъ сказанною пропастью въ теченіе монгольской эпохи»[1]). Монгольское иго оказало свое вліяніе на всѣ почти стороны древнерусскаго государственнаго строя: администрацію, финансы, организацію сословій, институтъ мѣстничества и т. д.

Древне-монгольскій институтъ родоваго крѣпостнаго мѣстничества—«genti adscriptio»[2]), *внесенный ханами въ сферу древне*русской жизни, выразился здѣсь въ закрѣпощеніи всѣхъ подданныхъ на службѣ государства[3]). Все должно было служить государству: «Ты бы переписалъ, говорится въ одной позднѣйшей памяти, всѣхъ, которые поспѣли: служилыхъ людей въ службу, а тяглыхъ въ тягло, а пашенныхъ въ пашню»[4]). Черныя земли несли въ пользу государства тягло; вотчины и помѣстья налагали обязанность службы, за уклоненіе отъ которой онѣ отбирались. *Монастырскія и владычныя вотчины сослужили свою службу* государству, упрочивъ состояніе церкви и содѣйствуя князьямъ въ устроеніи земли; дворцовыя земли служили фондомъ для надѣленія служилыхъ людей вотчинами и помѣстьями. Всѣ виды поземельнаго владѣнія служили на пользу государства, которое имѣло право измѣнять и регулировать отношенія между ними согласно своимъ цѣлямъ. Идеи о полной неприкосновенности поземельныхъ отношеній и о невмѣшательствѣ въ нихъ государства, *идеи о полномъ и исключительномъ* господствѣ надъ объектами вещнаго права воли управомоченнаго субъекта,—не было въ древней Руси.

Еще болѣе рѣшающее вліяніе на судьбу русскаго землевладѣнія имѣли другія монгольскія воззрѣнія. Прямаго вліянія въ этомъ отношеніи монголы, какъ народъ кочевой, не

---

[1]) *Леонтовичъ* Ѳ. И. *Древній монголо-калмыцкій или ойратскій* уставъ взысканій, Од. 1879, р. 249.

[2]) «За исключеніемъ духовенства и тархановъ всѣ несли государственную *службу*». *И Березинъ*, Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева. С. П. Б., 1873, р. 51.

[3]) *Леонтовичъ* l. c. p. 255—261.

[4]) *Ак. Ист.*, т. IV, № 187, 1666. Воеводскія наказныя памяти, II.

интересовавшійся земледѣльческой культурой и поземельными отношеніями, имѣть не могли; тѣмъ сильнѣе было ихъ косвенное вліяніе. Ханъ по монгольскимъ воззрѣніямъ считался верховнымъ собственникомъ, вотчинникомъ занятой имъ земли[1]). Князья, какъ представители хановъ, какъ посредники между ними и народомъ, пользовались въ своихъ удѣлахъ тѣми-же правами, какъ и ханъ во всемъ государствѣ. Съ паденіемъ монгольскаго ига аттрибуты ханской власти были перенесены на князя, который сталъ такимъ образомъ верховнымъ вотчинникомъ всей Русской земли[2]). Такое воззрѣніе ранѣе всего утвердилось въ центральной Руси, не коснувшись сперва Новгорода: во 1 хъ, Новгородъ находился въ через-чуръ слабой зависимости отъ монголовъ и рѣдко приходилъ въ непосредственное столкновеніе съ ними[3]); во 2-хъ, тогда какъ на сѣверѣ князь засталъ уже готовыя формы гражданственности, на сѣверо-востокѣ онъ нашелъ лишь лѣса и болота и потому самъ долженъ былъ вызывать людей, заводить поселенія, устраивать общественныя отношенія; понятно, что здѣсь крѣпче могло укорениться воззрѣніе на князя, какъ на верховнаго собственника территоріи.

Такое воззрѣніе не одинаково сказалось по отношенію къ владѣніямъ служилыхъ и черныхъ людей. «По отношенію къ землямъ, состоявшимъ въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи служилыхъ людей, обязанныхъ нести службу съ нихъ, говоритъ **Неволинъ**, этотъ образъ воззрѣнія не могъ развиться во

---

[1]) *Березина* l. c. «Императоръ татарскій имѣетъ удивительную власть надъ всѣми. Никто не смѣетъ жить нигдѣ, кромѣ того мѣста, которое онъ ему назначитъ. *Онъ назначаетъ, гдѣ кочевать* воеводамъ, тысячники сотникамъ, сотники десятникамъ»; p. 39. «Относительно землевладѣнія, обстоятельства столь важнаго у образованныхъ народовъ, въ кочевомъ владѣніи монголовъ не могло существовать обширнаго и точнаго законодательства; *пастбища раздѣлялись между народомъ на основаніи* потребностей и *воли начальства; кромѣ того, ханъ могъ жаловать землю въ потомственную аренду*», p. 46.

[2]) *Леонтовичъ* l. c. p. 273—275. *Градовскій*, Истор. мѣстн. управл., p. 38—39. *Неволинъ*, Исторія рос. гражд. зак., т. II, p. 136. *Костомаровъ*, Начало единодержавія, Вѣстн. Евр. 1870 г., № 12, p. 506—7, нѣсколько иначе *Аристовъ*, Промышлен. др. Руси, p. 49.

[3]) *Неволинъ*, l. c. p. 136. *Градовскій* l. c. p. 38.

всѣхъ дальнѣйшихъ его послѣдствіяхъ; сами князья при разныхъ случахъ подтверждали своимъ служилымъ людямъ обширнѣйшія права на ихъ наслѣдственныя земли, жаловали имъ вновь такія права и *новыя* земли съ такими-же правами. Напротивъ, оброкъ, постоянно лежавшій на тяглыхъ земляхъ, не позволялъ смотрѣть на нихъ, какъ на дѣйствительную собственность лицъ, ими обладавшихъ» [1]). Свободныя общины, сидѣвшія на собственныхъ земляхъ, были юридически обезземелены.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію каждой формы древнерусскаго землевладѣнія въ отдѣльности, мы позволимъ себѣ, на основаніи нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ, представить таблицу пространственнаго распредѣленія поземельной собственности въ древней Руси. Признаемся, что таблица эта далеко не полна; такъ какъ изъ подавляющей массы писцовыхъ книгъ напечатаны только немногія, мы же имѣли возможность пользоваться только печатнымъ матеріаломъ. Да и эти немногія писцовыя книги относятся къ новымъ уѣздамъ, гдѣ только стала зачинаться жизнь, и только въ 2—3 случаяхъ къ старымъ, гдѣ поземельныя отношенія уже установились и отлились въ твердую форму. Онѣ сообщаютъ намъ свѣдѣнія только о помѣстьяхъ, вотчинахъ, земляхъ духовенства и порозжихъ земляхъ; объ остальныхъ видахъ землевладѣнія они даютъ намъ только скудныя данныя, не могущія быть сведенными въ одну рубрику и, слѣдовательно, негодныя для сравненія. Но не смотря на всю эту недостаточность матеріала, надъ которымъ намъ придется оперировать, мы все таки не можемъ отказаться отъ составленія статистической таблички, которая броситъ хоть одинъ лучъ свѣта въ темное царство интересующаго насъ вопроса. Въ утѣшеніе себѣ скажемъ, что почти всѣ писцовыя книги, бывшія у насъ подъ руками, относятся къ концу или второй половинѣ 16 в., лишь писцовая книга Тверскаго уѣзда къ первой половинѣ 16 в. и Бѣлевская писцовая книга къ *первой половинѣ* 17 в. Эпоха эта удобна для наблюденія, во 1-хъ, потому, что тогда успѣли уже установиться и окрѣпнуть поземельныя отношенія, и во 2-хъ потому, что она предшествуетъ смутному времени,

---

[1]) *Неволинъ*, l. c. p. 137.

перетасовавшему въ значительной степени эти отношенія. Въ нашу табличку мы помѣстимъ всѣ данныя, встрѣтившіяся намъ въ писцовыхъ книгахъ, за исключеніемъ свѣдѣній о дворцовыхъ земляхъ, почти не показанныхъ, или обозначенныхъ особою поземельною мѣрою. Но изъ нихъ мы будемъ оперировать надъ данными, касающимися лишь первыхъ трехъ рубрикъ. Замѣтимъ еще, что въ табличку нашу вошли только земли, выраженныя въ четвертяхъ (по Обонежской пятинѣ въ обжахъ), а не въ копнахъ сѣна, верстахъ лѣса и т. д.

	Названіе уѣзда.	Годъ писц. книги	Помѣстья	Вотчины частн. лицъ	Вотчины владыч. и монаст	Всего	Порожжія земли		Черныя земли	Оброчныя
							помѣст	вотчин		
1	Московскій [1]) . .	1586г.	2168	3612	9422	15202	5479	918	не пок.	2242
2	Тверской у [2]) . .	$15^{39}/_{40}$	17093	24539	15093	56725	не показ.		743	не пок.
3	Вяземскій [3]) . . .	$15^{94}/_{95}$	29928	нѣтъ	259	30187	1267	»	не пок.	»
4	Орловскій [4]) . . .	$15^{94}/_{95}$	40122	»	»	40122	»	»	»	»
5	Тульскій [5]) . . .	$15^{87}/_{89}$	50222	1123	2806	54151	5986	»	»	»
6	Дѣдиловскій [6]) . .	$15^{88}/_{89}$	7212	»	»	7212	1620	»	»	»
7	Каширскій [7]) . . .	$15^{88}/_{89}$	87848	»	2971	90819	3897	»	»	»
8	Веневскій [8]) . . .	$15^{71}/_{72}$	16767	»	»	16767	3603	»	»	»
9	Епифанскій [9]) . .	$15^{71}/_{72}$	сплошн. помѣстья			»	»	»	»	»
10	Вотьская пят. [10]).	1582	21618	»	3901	25519	8900		»	»
11	Обонежской пят. [11]) (нагорн. половины)	1583	1817	»	1185	3002	$2388^1/_2$		» »	» »
12	Бѣлевскій [12]) . .	$16^{28}/_{29}$	34670	7134	2912	44716	4858		»	»
13	Свіяжскій [13]) . . .	$15^{65}/_{67}$	5551	»	372	5923	»	»	»	»
14	Казанскій [14]) . . .	$15^{65}/_{67}$	9087	»	2508	11595	»	»	»	»

[1]) *Временникъ*, кн. 13. Одинъ только станъ: Горетовъ.

[2]) *Писцов. кн. Калачова*, т. I ст. II 18 г. 10 становъ.

[3]) *Писцов. кн. Калачова*, 16 становъ изъ 17.

[4]) Ib. 3 стана изъ 5.; и въ другихъ 2 станахъ сплошныя помѣстья.

[5]) Ib. 1123 четверти, вотчина Волконскихъ.

[6]) Ib.
[7]) Ib.
[8]) Ib.
[9]) Ib.
} Писцов. кн. Калачова.

[10]) *Временникъ*, кн. 6. или обжами: 2161 обжа помѣстій и 390 обежъ монаст; по 10 чет. на обжу.

[11]) *Временникъ*, кн. 6. Выражено обжами.

[12]) *Бѣлевская Вивліоѳика* Н. Елагина 2 тома 1858 г.

[13]) *Перетятковичъ*, Поволжье въ 15 и 16 вѣкахъ. М. 1877, p. 251—3.

[14]) *Ibid.* Цыфра неполная.

Выражая три первыя рубрики таблицы въ $^0/_0$, получаемъ:

1. Московскій.. . .	14	24	60
2. Тверской	30	44	26
3. Вяземскій	$99_{,2}$	»	$0_{,8}$
4. Орловскій	100	»	»
5. Тульскій	$92_{,7}$	$2_{,1}$	$5_{,2}$
6. Дѣдиловскій . .	100	»	»
7. Каширскій . . .	$96_{,7}$	»	$3_{,3}$
8. Веневскій . . .	100	»	»
9. Епифанскій . . .	100	»	»
10. Вотьская пят. .	$84_{,7}$	»	$15_{,3}$
11. Обонежская пят.	$60_{,5}$	»	$39_{,5}$
12. Бѣлевскій	$77_{,5}$	16	$6_{,5}$
13. Свіяжскій	$93_{,7}$	»	$6_{,3}$
14. Казанскій	78	»	22

Чтобы съ одной стороны легче разобраться въ этомъ длинномъ ряду цифръ, а съ другой—чтобы устранить или ослабить дѣйствіе второстепенныхъ мѣстныхъ причинъ и рельефнѣе выразить дѣйствіе главной, разобьемъ нашъ столбецъ на три обширныя группы, соотвѣтственно 3 полосамъ, на которыя дѣлилось Московское государство: первая полоса сѣверная, куда войдутъ новгородскія пятины, вторая центральная, куда войдутъ коренные уѣзды Московскаго государства—Тверской и Московскій, и 3-я юговосточная, окраинная полоса, куда войдутъ всѣ остальные уѣзды.

	Помѣстья	Вотчины частн. л.	Вотчины влад. и мон.	Всего
Центральная . .	19261	28151	24515	71927
Сѣверная пол. . .	39788	»	15751	55539
Юговосточн. пол.	281407	8257	11828	301492
Всего . .	340456	36408	52094	428958

Выражая это въ $^0/_0$.

Центральная . .	$26_{,79}$	$39_{,13}$	$34_{,08}$	$100^0/_0$
Сѣверная пол. .	$71_{,64}$	»	$28_{,36}$	$100^0/_0$
Юговосточная. .	$93_{,34}$	$2_{,74}$	$3_{,92}$	$100^0/_0$
Всего . .	$79_{,82}$	$8_{,49}$	$12_{,39}$	$100^0/_0$

Полученная табличка, представляя намъ распредѣленіе по-

земельнаго владѣнія въ Московскомъ государствѣ 16 в., въ то же время своимъ цыфирнымъ языкомъ разсказываетъ намъ исторію поземельныхъ отношеній. Нормальнымъ нужно признать положеніе средней, центральной полосы: $^3/_4$ всего пространства занято вотчинами; помѣстья, поздно возникшія, занимаютъ не болѣе 25% территорія. Издавна существующіе монастыри успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ значительное земельное богатство, почти равное пространству частныхъ вотчинъ. Таково же было распредѣленіе землевладѣнія въ Новгородскихъ земляхъ, съ тою разницею, что тамъ еще меньше было помѣстій, пока оба Ивана, сломивъ непокорство новгородцевъ, не секвестровали вотчинъ бояръ и другихъ мѣстныхъ владѣльцевъ и, переводя лучшихъ людей новгородскихъ въ Низовую землю, не водворили на ихъ мѣсто Московскихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, вотчины частныхъ лицъ замѣщены были помѣстьями, да и вотчины духовенства значительно поубавились подъ высокою рукою московскихъ царей, *отнявшихъ, по разсказу лѣтописца*, значительное количество земли у монастырей. Поэтому въ сѣверной полосѣ помѣстья составляютъ 71%, а земли духовенства 28% всего пространства земли; вотчины же совсѣмъ исчезли. Съ сверженіемъ монгольскаго ига и паденіемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, Волга очистилась для широкаго колонизаціоннаго движенія Русскаго народа. Впереди шелъ служилый человѣкъ, рубившій засѣки, строившій города и укрѣплявшій русское господство въ *новозаимочной странѣ*. Здѣсь все было ново. Вотъ почему здѣсь получила широкое примѣненіе помѣстная система. Правительство щедрою рукою раздавало служилымъ людямъ землю въ помѣстья, которыя заняли свыше 90% территоріи. Рѣдко встрѣчаются здѣсь земли духовенства, образовавшіяся путемъ пожалованія отъ правительства и свободной заимки; но главный способъ пріобрѣтенія земли монастырями, дареніе и завѣщаніе частныхъ лицъ, оставался для нихъ закрытымъ, *при существованіи помѣстной системы*, съ ея ограниченными правами распоряженія. Совсѣмъ рѣдко, и то случайно, попадаются вотчины частныхъ лицъ, большею частью пожалованныя изъ помѣстій (Бѣлевск. уѣздъ). Чѣмъ дѣятельнѣе становилось колонизаціонное движеніе русскаго народа, чѣмъ болѣе расходилось въ ширь московское государство, захватывая все новыя «землицы», тѣмъ болѣе и болѣе получали преобла-

даніе помѣстья, занявъ наконецъ первостепенное мѣсто въ ряду другихъ формъ поземельнаго владѣнія [1]).

[1]) По свѣдѣніямъ *Котошихина* «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Изд. II. Спб. 1859, гл. XI, числилось: въ *дворцовыхъ* селахъ и городахъ крестьянскихъ дворовъ (кромѣ бобыльскихъ) около *30 тысячъ*, въ *черныхъ* волостяхъ и слободахъ около *20 т.* За духовенствомъ: патріархомъ больше 7 т.; за 4-мя митрополитами 12 т., за 10 архіепископами и однимъ епископомъ—16 т. дворовъ, за монастырями, которые писаны въ Уложенной книгѣ, 80 т., да за тѣми, которые въ Уложенной книгѣ не написаны — 3 т., всего *за духовенствомъ 118 т. дворовъ.* За помѣщиками и вотчинниками числится земли на одно владѣнье крестьянъ по 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30, 40, 60, 80, 100, 150, 200, 300, 500, 700, 1000, 2000, 3000, 5000, 7000, 10000, 12000, 15000 дворовъ, смотря по чину ихъ и по чести»; за инымъ бояриномъ бываетъ около 17 т. дворовъ И за всѣми за тѣми чинами будетъ числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, того написати не мочно» (р. 117—119).